

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XXV.

Выпускъ IV.

1916.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія С. В. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1917.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Н. М. Могилянскій. Страничка изъ исторіи русской этнографіи. (Памяти Н. П. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулинова)	235—242
Иванъ Максимовъ. Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго уѣзда Петроградской губерніи.	243—262
А. С. Грушевскій. Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсенъ о панщинѣ	263—272
А. К. Сергпутовскій. Поѣздка въ нагорный Дагестанъ. Со вступленіемъ акад. Н. Я. Марра и его же русскимъ указателемъ къ диалекто-русскому словарю	273—302
Н. М. Могилянскій. Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія	303—326
Н. Ончуковъ. Смерть Александра II-го	327—328
М. Муратовъ. Поправка	329—330
Критика и библиографія	331—341
<p>7. Д. Н. Зеленинъ. Очерки русской мифологіи. Вып. I. В. Харузиной (331—336).—8. Н. Я. Ниниоровъ. Амосскій сборникъ. Собраніе сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Н. Виташевскаго (337—341).</p>	
Отъ Редакціи	342
Приложеніе № 6	071—0106

СОДЕРЖАНІЕ: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурскаго у. Архангельской губ. Трофимъ Мендіяровъ. Мелкія замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуковъ. Роды у бантовъ. (Обычаи и знахарство во время родовъ).—В. Посниковъ. Секта „кугусартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольдскія сказки. Алек. Мѣлковъ. Нѣсколько указаній для собранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи 20 мая, 11 и 26 ноября 1916 г. Отд. отд. изъ „Извѣстій Р. Г. О.“ . . . . .

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

Русскаго Географическаго Общества.

Годъ XXV.

1916.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія С. В. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.

1917.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи и состоящихъ при немъ комиссій за 1915 годъ	I—X
Д. А. Золотаревъ. Обзоръ дѣятельности Постоянной Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи при Р. Г. Обществѣ	XI—XXIV
Н. М. Могилянскій. Предметъ и задачи этнографіи	1—22
Д. Малининъ. Къ вопросу о происхожденіи медынскихъ „карѣль“	23—28
А. Н. Новожиловъ. Деревенскія „бистѣды“ (Хотеновская вол., Кирилловск. у., Новгородск. губ.)	29—35
І. Лахерма. Къ вопросу о древней муромѣ	36
Вл. А. Гордлевскій. А. А. Диваевъ. Къ 25-тилѣтію научной дѣятельности	37—38
Г. Н. Потанинъ. Казакъ-киргизскія и алтайскія преданія, легенды и сказки. Съ примѣчаніями автора и указателемъ собственныхъ именъ, составленнымъ А. Н. Самойловичемъ	47—198
Н. М. Могилянскій. Страничка изъ исторіи русской этнографіи. (Памяти Н. И. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулинова)	235—242
Иванъ Максимовъ. Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго уѣзда Петроградской губерніи.	243—262
А. С. Грушевскій. Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсенъ о паницинѣ	263—272
А. К. Сергпутовскій. Поѣздка въ нагорный Дагестанъ. Со вступленіемъ акад. Н. Я. Марра и его же русскимъ указателемъ къ диалекто-русскому словарю	273—302
Н. М. Могилянскій. Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія	303—326
Н. Ончуковъ. Смерть Александра II-го	327—328
М. Муратовъ. Поправка	329—330
Отъ Редаціи	342
Критика и библіографія	39—46, 199—234 и 331—341

1. Извѣстія Якутскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. I. Н. А. Виташевскаго (39—42).—2. В. А. Ивановъ. Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи.—3. Библиографическая справка къ статьѣ „Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи“. Сергѣя Ольденбурга (42—43).—3. Бар. А. Фелькерзамъ Старинные ковры Средней Азіи. Б. Э. Петри (43—46).—4. Отчетъ Общества изученія Амурскаго края. Н. А. Виташевскаго (46).—5. Изъ финской этнографической литературы. В. Мансикка

(199—231).—6. Н. Толоконский. Якутскія пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, повѣрія, легенда и другія. II. Виташемскаго (231—234).—7. Д. Н. Зеленинъ. Очерки русской мифологіи. Вып. I. В. Харузиной (331—336).—8. Н. Я. Никифоровъ. Амосскій сборникъ. Собрание сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Н. Виташевскаго (337—341).

Приложение № 4 . . . . . 01—026

СОДЕРЖАНИЕ: Ник. Нозыревъ. Мои ошибки при собираніи и записываніи народныхъ сказокъ.—А. Самойловичъ. Изъ казакъ-киргизскихъ матеріаловъ М. Чокаева.—Гр. Дмитріевъ-Садовниковъ. Бересто и издѣлія изъ него у остяковъ р. Ваха.—Н. Виташевскій. Якутскіе матеріалы, собранные въ 1883—1897 гг.—Д-ръ Д. П. Никольскій. Программа для собиранія свѣдѣній о спиртныхъ напиткахъ среди инородцевъ.

Приложение № 5 . . . . . 027—070

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Познанскій. О собираніи сказокъ.—Ив. Костоловскій. Народныя повѣрія жителей Ярославскаго края.—Юсифъ Каалиниковъ. Народныя примѣты.—Э. Вольтеръ. Судьба послѣднихъ ливовъ въ Россіи въ связи съ проблемою мелкихъ народностей въ государствѣ и ихъ сохраненія для науки.—Замѣтки по монголоуѣднью. III. А. Алсахановъ. Легенда о „Даха-барн“ (Душа умершей женщины). Буряты Иркутскаго уѣзда. IV. Б. Барадінъ. Изъ устной „дамской“ литературы бурятъ. Изъ быта тибетцевъ, тангутовъ и монголовъ. V. Б. Э. Петри. Бурятская игра „бехер“ (кушаки). VI. Иванъ Евсенинъ. Къ этнографіи бурятъ. Программа этнографическаго изслѣдованія аршановъ у бурятъ Иркутской губ.—Э. А. Вольтеръ. Памяти ушедшихъ отъ насъ. 1. Чеславъ Ёомичъ Сосновскій. Съ портретомъ. 2. Петръ Краучунасъ. 3. Карлъ Мюленбахъ.

Приложение № 6 . . . . . 071—0106

СОДЕРЖАНИЕ: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурскаго у. Архангельской губ.—Трофимъ Мендіяровъ. Мелкія замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуновъ. Роды у бантовъ. (Обычан и знахарство во время родовъ).—В. Посниковъ. Секта „кугусартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольдскія сказки.—Алек. Мѣлковъ. Нѣсколько указаній для собиранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи 12 мая, 16 октября, 6 и 20 ноября и 11 декабря 1915 г., 22 января и 13 февраля 1916 г. и выдержки изъ протоколовъ II Отдѣла Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи (1914—1915 гг.). Отд. отт. изъ „Извѣстій И. Р. Г. О.“ . . . . . 1—32

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи—4 и 18 марта, 1 и 22 апрѣля и 13 мая 1916 г., Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи—27 ноября 1915 г. и II Отдѣла той же Комиссіи—28 ноября 1915 г. Отд. отт. изъ „Извѣстій И. Р. Г. О.“ . . . . . 1—23

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи 20 мая, 11 и 26 ноября 1916 г. Отд. отт. изъ „Извѣстій И. Р. Г. О.“ . . . . . 1—8

Страничка изъ исторіи русской этнографіи.

(Памяти Н. И. Второва, С. П. Павлова и М. Б. Тулинова).

Путешествуя лѣтомъ 1904 года по Воронежской губерніи, командированный Русскимъ Музеемъ Императора Александра III для сбора этнографическихъ коллекцій для начавшаго свою дѣятельность Отдѣла Этнографіи, я записалъ по осмотру музея губернскаго статистическаго комитета въ своемъ дневникѣ, подъ 17 іюля, между прочимъ слѣдующее: „Особенный интересъ представляетъ альбомъ фотографій по этнографіи Воронежской губерніи, составленный въ 1856 году Н. И. Второвымъ¹. Тутъ же я нашелъ упоминаніе о рукописномъ приложеніи и этнографической картѣ Воронежской губ. Рукописное приложеніе найдено мной въ полномъ порядкѣ, а этнографическая карта, по словамъ А. Д. Фадеева (замѣщавшаго въ то время хранителя Воронежскаго Музея), пропала“. Альбомъ заключаетъ 55 снимковъ размѣра 13 × 18 подъ 49 номерами (нѣкоторые съ литерами).

Изъ нихъ 30 раскрашены. Рукопись озаглавлена: „Приложеніе къ этнографическому альбому и этнографической картѣ Воронежской губерніи“; рукопись въ переплетѣ и заключаетъ въ себѣ 186 стр. Сравнивая рукопись Н. И. Второва съ тѣмъ, что въ извлеченіи изъ этой рукописи было напечатано въ юбилейномъ сборникѣ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа², я нашелъ:

1) Предисловіе (I—XI) не напечатано въ сборникѣ вовсе. Изъ этого предисловія видно, что въ 1852 году нѣкоторые изъ рисунковъ (этнографическаго характера) С. П. Павлова (бывшаго учителемъ рисованія въ Воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ) были представлены въ Русское Географическое Общество въ Петроградѣ.

2) Историческій очеркъ постепеннаго заселенія Воронежскаго края (стр. 1—44) напечатанъ не полностью: пропущены всѣ ссылки на акты и источники. Очеркъ сведенъ всего къ 6 печатнымъ страницамъ крупнаго шрифта.

3) Статистико-этнографическія замѣчанія о населеніи Воронежской губерніи (стр. 45—77). Пропущены длинныя выноски.

---

¹ Источники для его біографіи см. у С. Венгерова. Источники словаря русскихъ писателей.

² Воронежскій юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Воронежъ. 1886. Томъ II, стр. 260—293.

Таблицы использованы не вполне: въ рукописи, напр., указаны отдѣльно цифры мужчинъ и женщинъ—въ печати дана общая цифра. Текстъ подлинника часто неизвѣстно зачѣмъ передѣланъ, причемъ опущены важныя ссылки. Пропуски въ текстѣ иногда весьма существенны.

4) Объясненіе рисунковъ (фотографій), заключающихся въ альбомѣ (стр. 79—186), также использовано далеко не вполне. Въ подлинникѣ авторъ съ подробностью описываетъ не только каждую часть костюма, но даже называетъ имена лицъ, съ которыхъ были сняты фотографіи.

Этнографической карты, помѣченной въ инвентарѣ музея под № 507 ¹, мнѣ видѣть не удалось. Свѣдѣніе, данное мнѣ о ея пропавш, къ счастью, оказалось не совсѣмъ точнымъ. Въ музейной книгѣ я нашелъ записъ, что карта значится выданною г. В. Сазонову. Мнѣ не удалось узнать, кто такой г. Сазоновъ, и гдѣ онъ находился въ то время. Быть можетъ, карта въ настоящее время уже и возвращена музею.

Въ 1857 году Н. И. Второвымъ представлена была Русскому Географическому Обществу записка о томъ, какимъ образомъ могли бы быть предприняты этнографическія изслѣдованія въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, послѣ того какъ труды его были представлены Русскому Геогр. Обществу И. И. Срезневскимъ и Предсѣдателемъ Общества великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ была сочувственно встрѣчена идея примѣненія фотографіи къ этнографическимъ изслѣдованіямъ. Записка въ юбилейномъ сборникѣ цѣликомъ также не напечатана, сдѣланы лишь краткія извлеченія ². Текста записки я не видѣлъ въ музеѣ Воронежа и не могъ также разыскать въ архивѣ Русскаго Географическаго Общества, но въ виду того, что, какъ сказано выше, извлеченія изъ записки для юбилейнаго сборника сдѣланы были, слѣдуетъ думать, что полный текстъ записки возможно отыскать.

Этнографическій матеріалъ, заключающійся въ альбомѣ Н. И. Второва, былъ частью использованъ въ литературѣ. Въ 1860 и 1861 гг. въ „Русскомъ Художественномъ Листкѣ“ ³ были помѣщены 2 таблицы рисунковъ (въ № 34 - отъ 1 до 47 и въ № 35—отъ 1 до 49), представляющихъ типы крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, великороссовъ, малороссовъ и нѣмцевъ-колонистовъ, причемъ главнѣйшее вниманіе отдано женскому головному убору, отличающемуся, дѣйствительно, поразительнымъ разнообразіемъ. Здѣсь же уместно упомянуть, что нѣкоторыхъ головныхъ уборовъ, въ указанныхъ Н. И. Второвымъ

¹ Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Вып. II. Воронежъ, 1904 г.

² Ворон. юбилейный сборникъ etc., стр. 258—259.

³ „Русскій Художественный Листокъ“. С.-Петербургъ 1860 г. листъ № 34 и 1861 г. листъ № 35.

селахъ, я уже, къ сожалѣнію, найти не могъ. Была еще жива старуха, которая бралась шить головной уборъ, но потомъ она вернула обратно оставленныя ей деньги за невозможностью найти необходимый для головного убора матеріаль. Подпись подъ обѣими таблицами гласитъ: Изъ этнографическаго альбома, составленнаго Н. И. Второвымъ изъ фотографій купца Тулинова. Къ нѣкоторымъ чертамъ изъ интересной біографіи этого сотрудника Н. И. Второва я еще вернусь далѣе, теперь же мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о другомъ его сотрудникѣ, учителѣ рисованія С. П. Павловѣ, такъ какъ о немъ я не нашелъ вовсе печатныхъ свѣдѣній. О Н. И. Второвѣ имѣются обстоятельныя біографическія статьи, въ родѣ, напр., написанной его другомъ и душеприказчикомъ М. Ѳ. Де-Пуле¹. Случайно, въ тотъ же день 19-го іюля, когда я производилъ въ музеѣ свѣрку текста рукописи Н. И. Второва съ выдержками изъ нея, напечатанными въ юбилейномъ сборникѣ, я узналъ отъ кого-то изъ воронежцевъ, что живъ еще одинъ знакомый Сергѣя Павловича Павлова, земскій начальникъ Z. (*nomina sunt odiosa!*). Z. оказался очень милымъ, добрымъ, любезнымъ старичкомъ, но, къ сожалѣнію, многого отъ него я о С. П. Павловѣ не узналъ, кромѣ того, что онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ и находился въ дружбѣ съ нимъ.

Когда я началъ разспрашивать о томъ, гдѣ могли бы быть рисунки С. П. Павлова, Z. мнѣ могъ только сообщить, что часть рисунковъ вдова С. П. Павлова увезла въ Петербургъ и тамъ продала (кому—неизвѣстно). А другую часть... „я себя простить этого не могу“...—сказалъ въ глубокомъ смущеніи г. Z.—„много тетрадей съ рисунками, акварелями, путевыми эскизами и замѣтками С. П. Павлова... разорвали, играя, мои дѣти, когда были маленькими. И тогда не придавалъ никакого значенія всему этому“. Искренній тонъ разсказа и не менѣе искреннее раскаяніе въ происшедшемъ—вотъ все, что осталось отъ старательнаго, любовнаго труда, быть можетъ, многихъ лѣтъ С. П. Павлова. Возможно, что и удастся еще найти хотя бы частицу работъ этого дѣятельнаго сотрудника Н. И. Второва, хотя надежды на это и не особенно много. Не менѣе любопытна личность острожскаго купца М. Б. Тулинова. О немъ въ „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 г.² были сообщены такія свѣдѣнія.

„Тулиновъ—купецъ г. Острожска, покинувшій торговыя занятія изъ любви къ фотографіи. Съ раннихъ лѣтъ въ немъ обнаружилась сильная страсть къ знаніямъ. Выучившись грамотѣ по псалтырю, онъ началъ читать съ жадностью все, что ни попадалось ему подъ руку.

---

¹ Русскій Архивъ, 1877 г. (№№ 6—8).

² Юбилейный Сборникъ etc., стр. 294.

Какъ скоро встрѣчался ему какой-либо предметъ, который возбуждалъ въ немъ особенный интересъ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы изучить этотъ предметъ, и до тѣхъ поръ не останавливался, пока любопытство его не было достаточно удовлетворено. Такимъ образомъ заинтересовала его фотографія, о которой случилось ему прочитать статейку въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Онъ захотѣлъ непременно извѣдать этотъ предметъ на опытѣ. Въ уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, не было необходимыхъ къ тому пособій, ни руководителей. Никакія затрудненія однако не могли заставить его отказаться отъ своего намѣренія. Онъ досталъ нѣкоторыя руководства къ физикѣ и принялся изучать эту науку, въ особенности же статью о свѣтѣ; самъ устроилъ себѣ, по описаніямъ и рисункамъ, камеру-обскуру, для которой самъ же вышлифовалъ объективъ изъ рюмочнаго дна. Само собою разумѣется, что первыя попытки его были очень неудачны; неудачи эти возбудили насмѣшки, особенно со стороны его домашнихъ, которые считали занятія его за шалость и не одобряли ихъ, такъ какъ они отвлекали его отъ торговли. Несмотря на все это, онъ не унывалъ и продолжалъ добиваться цѣли.

Вскорѣ онъ увидать, что для успѣха въ дѣлѣ ему необходимо знаніе въ химіи, и эта наука сдѣлалась также предметомъ его занятій. Наконецъ, сила воли взяла верхъ: онъ достигъ довольно удовлетворительныхъ успѣховъ, такъ что въ Острогожскѣ стали обращаться къ нему съ предложеніемъ снимать портреты“.

Этому сильному волей человѣку, фотографу-самоучкѣ, шлифовавшему собственноручно объективы изъ рюмочнаго дна, мы обязаны существованіемъ альбома, которому сейчасъ уже исполнилось 60 лѣтъ и который является для нашего времени важнѣйшимъ этнографическимъ документомъ.

У насъ не можетъ быть теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что труды по этнографіи совѣтника Воронежскаго Губернскаго Правленія Н. И. Второва нашли себѣ должную и заслуженную оцѣнку въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Лучшимъ тому доказательствомъ служить отзывъ о нихъ акад. Н. И. Срезневскаго, который я имѣлъ возможность получить, благодаря любезности бібліотекаря Академіи Наукъ В. И. Срезневскаго. Отзывъ этотъ настолько интересенъ, что я позволяю себѣ привести его цѣликомъ. Вотъ что писалъ Н. И. Срезневскій¹.

„Частныхъ изслѣдованій о Малороссіи, Запорожьѣ, Новороссійскомъ краѣ, Донской землѣ у насъ уже не мало. Гораздо менѣе о Слободской Украинѣ, еще менѣе о краѣ Воронежскомъ,—и безъ особеннаго, можно сказать, совершенно случайнаго обстоятельства, онѣ остались бы и доселѣ едва початы. Тѣмъ, что сдѣлано относительно

---

¹ Архивъ И. И. Срезневскаго, № 265. Библіотека Академіи Наукъ.

Воронежскаго края, мы обязаны частной охотѣ двухъ любителей: бывшаго Совѣтника Воронежскаго губернскаго правленія г. Второва и его товарища г. Александра-Дольника.

Труды, ими совершенные, достойны признательности тѣмъ болѣе, что ихъ значеніе—не только частное, но, по отношенію къ современнымъ литературно-ученымъ требованіямъ, и очень общее.

Въ 1849—1850 и потомъ вторично въ 1851—1853 изданы гг. Второвымъ и Дольникомъ Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова.

Переселившись въ 1849 году въ г. Воронежъ, гг. Второвъ и Дольникъ пожелали ознакомиться съ исторіей и настоящимъ положеніемъ этой новой для нихъ мѣстности и потому стали разыскивать все печатное и писанное объ этой губерніи. Очень понятно, что они встрѣтили чрезвычайную скудость въ источникахъ къ удовлетворенію ихъ желанія.

Зная, между тѣмъ, изъ общей исторіи Россіи, что здѣшній край былъ нѣкогда мѣстопробываніемъ разныхъ иноплеменныхъ народовъ, что здѣсь пролегаль путь знаменитѣйшихъ татарскихъ завоевателей и путь князей нашихъ въ Орду, что впослѣдствіи здѣсь проходила сторожевая линія укрѣпленій, ограждавшихъ наше отечество отъ вторженія татаръ, что протекающая по губерніи рѣка Донъ была путемъ для сношеній Россіи съ Турціей, Крымомъ и Донскими казаками, что, наконецъ, въ г. Воронежѣ жилъ довольно долгое время великій преобразователь Россіи, который положилъ здѣсь основаніе русскому флоту,—гг. Второвъ и Дольникъ, желая ближе познакомиться съ исторіей края, стали продолжать свои поиски и обратились къ архивамъ присутственныхъ мѣстъ.

Поиски эти... превзошли ихъ ожиданія. Въ архивѣ Губернскаго Правленія нашли они три огромныхъ сундука, набитыхъ биткомъ старинными свитками, а вскорѣ потомъ узнали, что еще большее число свитковъ хранится въ архивахъ уѣздныхъ городовъ: Валуйскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Боброва и нѣк. др.

Въ Воронежскомъ архивѣ нашли они акты начиная со временъ Царя Михаила Ѳеодоровича до императора Петра I включительно, касающіеся собственно Воронежа, а кромѣ того дѣла Азовскія, перенесенныя сюда послѣ сдачи Азова туркамъ въ 1711 году.

При помощи редактора Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Срединна, кандидата С.-Петербургскаго Университета, они привели свитки въ порядокъ и съ сентября 1849 года начали печатать по нѣскольку документовъ въ каждомъ номерѣ Губернскихъ Вѣдомостей, перепечатывая ихъ въ то же время въ отдѣльныя книжки. Къ концу 1850 года издано было болѣе 150 разнаго рода актовъ, изъ которыхъ составилось три книжки, перепечатанныхъ въ 1851—1853 годахъ.

И изданіе вышло, какого напрасно еще у насъ ожидала наука даже и отъ опытныхъ знатоковъ дѣла.

Всѣ акты напечатаны по возможности до буквы вѣрно съ подлинникомъ, гдѣ нужно подъ строками сдѣланы объясненія непонятныхъ словъ, приложены снимки, карта Воронежскаго края и рисунокъ Воронежа въ XVII вѣкѣ, планъ окрестностей его и сверхъ всего этого очень подробные указатели: систематическіе указатели содержанія, алфавитные указатели именъ мѣстностей и личныхъ, словари старинныхъ словъ съ объясненіями и съ указаніемъ, какихъ недостаетъ въ Академическомъ Словарѣ, наконецъ, указатели грамматическихъ особенностей въ языкѣ актовъ.

Актовъ всякаго рода издано у насъ огромное множество; дѣло исполнялось безъ недостатка средствъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и тѣмъ не менѣе ни одно изданіе, за исключеніемъ „Выходовъ“, изданныхъ академикомъ Строевымъ, не могло послужить образцомъ для издателей Воронежскихъ актовъ. А между тѣмъ, будь у насъ изданы всѣ акты такъ, какъ эти, много археологическихъ и юридическихъ вопросовъ, иногда волнующихъ нашу текущую литературу, были бы сами собою рѣшены, безъ насилій правдѣ и умѣнью ее отыскивать.

Ревеніе гг. Второва и Дольника не уснуло съ окончаніемъ изданія актовъ. Лѣтомъ 1851 года они объѣзжали по дѣламъ службы уѣздные города Воронежской губерніи и воспользовались этимъ случаемъ для собиранія разныхъ свѣдѣній о краѣ, особенно этнографическихъ, представляющихъ большой интересъ по разнообразію жителей.

При переѣздахъ изъ одного города къ другому, останавливаясь въ селеніяхъ, они разспрашивали мужичковъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, объ обрядахъ, повѣрьяхъ, преданіяхъ, записывали и пѣсни, отмѣчали слова и особенности ихъ говора. Въ то же время приглашенный къ сопутствію учитель рисованія г. Павловъ срисовывалъ костюмы поселянъ съ ихъ портретами и другіе наиболѣе замѣчательные предметы.

То же повторено было въ 1852 и 1853 году.

То же повторилъ г. Второвъ еще разъ въ 1856 году и на этотъ разъ съ фотографомъ самоучкой, острогожскимъ купцомъ Тулиновымъ. Много встрѣтилось препятствій въ исполненіи ихъ предпріятія—и отъ несовершенства и недостатка пособій, и отъ мѣстныхъ обстоятельствъ; тѣмъ не менѣе цѣль, по возможности, была достигнута. Предпріятіе г. Второва, сколько извѣстно, первое въ своемъ родѣ, какъ образецъ примѣненія фотографіи къ нуждамъ этнографіи, достойно особеннаго вниманія. Тутъ его общее значеніе. Безъ сомнѣнія, одна только фотографія можетъ облегчить собираніе этнографическихъ рисунковъ всякаго рода—и по относительной дешевизнѣ своей, и по скорости снятія. Притомъ же фотографическимъ рисункамъ довѣрять можно

болѣ всего, какъ менѣ всего зависящимъ отъ произвола въ изображеніи. Для полноты этнографическаго сборника къ рисункамъ фотографическимъ остается прибавить только чертежи топографическіе, фізіологическіе и т. д.

Г. Второвъ имѣлъ счастье представить свой этнографическій альбомъ Августѣйшему Предсѣдателю нашему и припесь его въ даръ Обществу. Вотъ онъ.

При этнографическомъ альбомѣ Воронежской губерніи г. Второва приложена этнографическая карта этой губерніи и часть этнографическаго описанія. Здѣсь находимъ:

1. Историческій очеркъ постепеннаго заселенія края.

2. Статистико-этнографическія замѣчанія о настоящемъ населеніи Воронежской губерніи.

3. Объясненіе рисунковъ альбома съ описаніемъ снятыхъ лицъ, подробностей объ ихъ одеждѣ, съ ея мѣстными названіями и отчасти съ другими этнографическими замѣтками.

Общество нѣ правѣ надѣяться, что г. Второвъ сообщитъ ему и остальную часть своихъ этнографическихъ наблюденій, вѣроятно еще болѣе любопытную по даннымъ о бытѣ и обычаяхъ народа.

А со временемъ, Богъ дастъ, по этому прекрасному образцу мы будемъ имѣть такой матеріалъ для каждаго изъ краевъ нашего Отечества!

Общество и теперь уже небѣдно разнаго рода этнографическими матеріалами, описаніями, рисунками, чертежами, моделями. Пора подумать о приведеніи этого имущества нашего въ стройный порядокъ, о раскрытіи всего его въ особенномъ Этнографическомъ Музеѣ. Благодарѣтельное вниманіе къ этому дѣлу Августѣйшаго Предсѣдателя нашего ручается, что и это предпріятіе, какъ множество другихъ, исполнится на благо общее, къ которому всѣ мы единодушно должны стремиться, всякій по своимъ силамъ и разумѣнью.

Всякій согласится, что альбомъ г. Второва—прекрасный вкладъ въ нашъ будущій этнографическій музей. Чтобы ближе познакомиться съ описательной частью труда его, я позволю себѣ прочесть изъ книги „Приложенія“ нѣсколько страницъ“.

Изъ записки И. И. Срезневскаго, не нуждающейся въ какомъ-либо комментаріи, слѣдуетъ отмѣтить два обстоятельства: одно—общаго интереса, другое—болѣе частнаго характера.

Первое интересно въ томъ отношеніи, что уже тогда у И. И. Срезневскаго въ его сознаніи стоялъ „особенный этнографическій Музей“, и осуществился онъ, однако, только черезъ 40 лѣтъ въ инициативы Географическаго Общества. Вообще страстная мысль Н. И. Второва о широкой постановкѣ этнографическихъ изслѣдо-

ваній, которымъ онъ показатъ на личномъ опытѣ блестящій примѣръ, хотя и встрѣченная сочувственно, не нашла себѣ, однако, реальной почвы для проведенія въ жизнь.

Второе состоитъ въ томъ, что альбомъ и рукопись Н. И. Второва, нынѣ находящіеся въ г. Воронежѣ, неоспоримая собственность Русскаго Географическаго Общества, ибо Н. И. Второвъ „принесъ ихъ въ даръ Обществу“.

Не проще ли всего было бы, если бы Этнографическое Отдѣленіе Географическаго Общества издало альбомъ Н. И. Второва и его „Приложеніе“ полностью, а также этнографическую карту Воронежской губерніи съ прибавленіемъ его записки о томъ, какъ предпринять этнографическія изслѣдованія въ другихъ мѣстностяхъ, и тѣмъ воздало заслуженную дань уваженія трудамъ трехъ пионеровъ отечественной этнографіи въ провинціи: совѣтника Ворон. Губ. Правленія Н. И. Второва, учителя рисованія Воронежскаго кадетскаго корпуса С. П. Павлова и острогожскаго купца М. Б. Тулинова. Самый альбомъ и всѣ оригинальные документы могли бы потомъ остаться въ г. Воронежѣ, какъ памятникъ трудовъ этихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, на мѣстѣ ихъ возникновенія.

Н. Могилянскій.

Сентябрь 1916 г.

Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго уѣзда Петроградской губерніи. ¹.

С в а т о в с т в о.

Вечеромъ, по извѣщеніи или безъ онаго, приходятъ или пріѣзжаютъ сваты; дѣвушка-невѣста въ это время принарядится, ставятъ самоваръ и начинается угощеніе сватовъ. Разговоры идутъ хозяйственного и дѣлового характера, и къ концу этой бесѣды сваты обращаются къ роднымъ дѣвушки со словами, что мы-де пришли къ вамъ не угощаться, а посватать вашу дочь (или кто она будетъ): тутъ уже разговоръ завязывается на тему о сватовствѣ. Если сваты видятъ, что дѣло кончится согласіемъ, то приглашаютъ родныхъ дѣвушки притти или пріѣхать посмотреть домъ парня-жениха и познакомиться съ его хозяйствомъ; согласія же дѣвушки для рѣшенія ея судьбы во многихъ случаяхъ не требуется, „не вѣкъ же въ дѣвкахъ оставаться, за кого не итти, за кого итти“.

Послѣ сватовства, такъ на второй или на третій день, смотря какъ условились, родные дѣвушки идутъ посмотреть домъ жениха, гдѣ иногда бываютъ куріозныя вещи: если, напр., родные жениха захотятъ пофорсить, то прибавляютъ отъ сосѣда въ свой домъ что возможно изъ имущества, иногда ставятъ сосѣдскую корову, лошадь. Сватовъ угощаютъ, а послѣ разговоровъ обводятъ ихъ всюду, показываютъ домъ, служебныя постройки, все хозяйство. Когда, наконецъ, родные невѣсты окончательно соглашаются на обрученіе, назначаютъ день, чтобы притти или пріѣхать на послѣдній конецъ—на „рукобитье“. Въ назначенный день родные жениха, иногда и самъ женихъ, приходятъ къ невѣстѣ: опять происходитъ угощеніе и только подъ конецъ тѣ разговоры, изъ-за которыхъ пришли; послѣ полнаго соглашенія выходятъ изъ-за стола и, помолясь Богу, благодарятъ хозяина за гостепримство. Тутъ-то и рѣшается судьба дѣвушки: молятся Богу, берутъ икону и цѣлуютъ ее всѣ поочереды, начиная съ отца

---

¹ Настоящая статья любезно просмотрѣна въ рукописи сначала проф. Б. Н. Меншуткинымъ, которому принадлежатъ сноски у нѣкоторыхъ мѣстныхъ словъ, а затѣмъ проф. Н. М. Каринскимъ.

и матери и кончая женихомъ и невѣстой: тогда уже все дѣло кончено, какъ говорятъ—„Богъ поцѣлсвалъ“ и нарушить эту святость считается великимъ грѣхомъ и позоромъ. Бываютъ случаи, что передъ самой свадьбой ее нарушаютъ; тогда противъ нарушителей возбуждается судебное преслѣдованіе. Если сватали отецъ и мать жениха, то имъ дарятъ: отцу на рубашку, матери—на платье, смотря по достаткамъ жениха, а они въ свою очередь отдариваютъ соответственными подарками. Во время просватинъ нѣкоторые допускаютъ постороннюю публику, другіе—нѣтъ.

Когда сваты уходятъ, невѣста начинаетъ плакать отцу такими словами:

Я спрошу у тебя, родитель-батюшка,
Что у тебя за пиръ былъ, за бесѣдушка,
Что за гости были, за пріятели.
Это не гости были и не пріятели,
А вѣковѣчны наши разлучители.
Поразлучать молодешеньку
Меня съ вамъ, родитель-батюшка,—
Вѣрно, надоѣла я вамъ и наскучила.
Хлѣбомъ-солью меня кормючи,
Цвѣтной окритушкой одѣваячи,
И на гулянье собираючи,
А со гуляньица встрѣчаячи.
Аль во полюшкѣ я была не работница,
Аль при нарядѣ я была отговорница.
Все прошло, все миновалось,
Жизнь привольная скороталась.
И понаду, какъ птичка, въ клѣточку,
И, какъ рыбка, во сѣточку.

Если невѣста—сирота, то приплакиваніе—другое.

Когда сваты уходятъ совсѣмъ, то дѣвицы хватаютъ ихъ за полы и требуютъ отъ нихъ на гостинцы; сваты даютъ, что находятъ возможнымъ.

Съ этого дня начинается приготовленіе къ свадьбѣ, какъ у жениха, такъ и у невѣсты, и варятъ пиво, кто какое умѣетъ. Къ невѣстѣ подружки ходятъ помогать шить приданое; дня за два до свадьбы устраиваютъ вечеринки какъ у жениха, такъ и у невѣсты, созываютъ родныхъ и угощаютъ виномъ, пивомъ и закусками. А послѣ этого подружки невѣсты утромъ и вечеромъ поютъ подъ окномъ ея „зорю“. Она поется такъ.

Вотъ мы выйдемте, сестрицы, мы на Божій свѣтъ,
Мы на Божій свѣтъ, на буянъ вѣтеръ.
Мы встанемте, сестрицы, во единый кругъ

И взглянемте, сестрицы, другъ на друженьку:
Всѣ ли мы, сестрицы, пособралися,
И понаправимте, сестрицы, звонки голоса
И воскликните мы зорю вечернюю.
Понемножку зоря запымалася,
Красное солнышко за лѣсъ катится,
Наша Дунюшка собирается,
Съ вольной волюшкой разстается.
Вольна волюшка рѣдной батюшка,
А нѣга рѣдна матушка.
Гдѣ ты, воля, потерялася,
Во темномъ лѣсу заблудилася,
Во шелковой травѣ запуталася,
Во черной грязи замаралася,
Во быстрой рѣкѣ умывалася,
Въ Божію церковь собиралася.

Въ періодъ между просватинами и свадьбою женихъ приходитъ или прѣзжаетъ къ невестѣ съ гостинцами. Наканунѣ свадьбы подруги невесты водятъ ее въ баню. При входѣ въ баню одна изъ подругъ читаетъ вслухъ молитву „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“ и т. д., а послѣ умыванія при выходѣ изъ бани поютъ пѣсни:

Вотъ мы выйдемте, сестрицы, изъ парной баенки
И поклонимся, сестрицы, на всѣ стороны.
Мы пойдемте-ка, сестрицы, потихохоньку,
Мы накладемъ слѣдковъ почастехоньку,
Родному, батюшкѣ на вспоминаньице,
А родной матушкѣ на горячи слезы.

А невеста голосить о своей вольной волѣ; идутъ онѣ по деревнѣ и поютъ:

Не дивуйтесь-ка, люди добрые,
Не княгиня идетъ, не боярыня,
Идетъ бѣдная горяшечка
Она со парной-то со баенки,
Она съ красными со дѣвушками.

Если у невесты есть въ деревнѣ родные дядя или тетка, то невеста заходитъ къ нимъ и зазываетъ ихъ на свадьбу—тоже съ пѣснями и съ приплакиваніями. Когда входятъ въ сѣни (хотя къ теткѣ), поютъ:

Не ломитесь-ка, не ломитесь, сѣни новыя,
Вы не гнитесь-ка, не гнитесь, перекладники:
Не пугайся-ка, не пугайся, родная тетенька.

Не грозна, не грозна туча подымается,
Тутъ идетъ, идетъ бѣдна горюшечка,
Она со парной-то со баенки,
Она съ красными-то дѣвушками.

А невѣста приплакиваетъ то же, что поютъ и дѣвушки, и затѣмъ зазываетъ на свадьбу тетку такъ:

Подымись-ка, рѣдная тетенька (или рѣдный дяденька),
Ко мнѣ на свадебку ко горюшечкѣ.
Ты скажи-ка, рѣдная тетенька,
Каково житѣе во чужихъ людяхъ,
У чужого отца-матери?

А тетка отвѣчаетъ, тоже приплакивая:

Во чужихъ людяхъ жизнь тяжелая,
Жизнь тяжелая, не спокойная.
У чужого отца-матери
Нѣту жалости ко сиротушкѣ.

Послѣ этого невѣсту и дѣвушекъ угощаютъ, а потомъ онѣ идутъ дальше и повторяютъ все то же. По приходѣ домой подружки поютъ ту же пѣсню „Не ломитесь-ка, сѣни новыя“, а невѣста кланяется отцу въ ноги и приплакиваетъ:

Тебѣ спасибо, рѣдный батюшко,
За парную за баенку.
А не спасибо, рѣдный батюшко,
Что ты меня обманывалъ,
Что парна баенка на крутой горѣ,
На крутой горѣ у быстрой рѣки;
Парна баенка приукрашена,
Она березничкомъ приусажена,
А какъ пошла я, молодешенька,
Такъ парна баенка подъ горой стоитъ;
Какъ вошла я въ парну баенку,
Я ступила правой ноженькой,
Правой ноженькой во черную грязь.
Посмотрѣла я, молодешенька,
Какъ заметалась вольна волюшка,
По угламъ она по грядочкамъ,
Какъ ужаснулось ретиво сердце.

Затѣмъ невѣста приплакиваетъ сестрѣ (если есть сестра).

Ты прими, сестрица рѣдная,
Мою вольную ты волюшку,

Мою любимую дѣвичью красу;
Мое дѣвичество не сбесчещоно,
Алыя ленточки не запачканы.

И въ это время она вывязываетъ изъ косы ленты и отдаетъ ихъ сестрѣ или близкой подругѣ.

День свадьбы.

Утромъ мать невѣсты будить ее словами:

Вставай, голубушка моя доченька,
Тебѣ пора вставать, голову чесать.

А дочь отвѣчаетъ матери:

Не буди меня, рѣдна матушка,
Я давно вставши и повыспавши,
Горячимъ слезамъ повымывши,
Тоской-кручинушкой повытерши,
Злобой-горюшкомъ поразмаявши.
Ты спроси меня, родимая,
Какъ мнѣ спалась темна ноченька;
Мнѣ не спалось, все мнѣ думалось,
На зориночкѣ позабылася.
Мимо нашего построеньица
Пролетало стадо сѣрыхъ гусей,
Налету гуси воскликнули:
Быть теплу гнѣзду раззоренному,
Съ отцомъ-матерью разлученною.

А въ это время подруги поютъ подъ окномъ приведенную выше „зору“. Затѣмъ пьютъ, ѣдятъ, готовятъ къ свадьбѣ; всюду оживленіе, жарятъ, пекутъ, варятъ, а около невѣсты хлопчутъ ся подруги и родные, собравшіеся отовсюду на свадьбу; укладываютъ все, чтобы не забыть чего, готовятъ столы, скамейки, посуду, ожидаютъ свадьбы. Невѣсту наряжаютъ къ вѣнцу, и передъ обуваніемъ ея подруги поютъ:

Ты обуй-ка, братецъ родненькій (если есть братъ),
Праву ноженьку послабешенько,
Чтобъ разулась посередъ пути,
Чтобъ остаться красной дѣвушкой—

а невѣста приплакиваетъ въ это время то же, что и поютъ. Теперь мы оставимъ невѣсту убираться, а сами посмотримъ, что дѣлается у жениха.

У жениха.

И здѣсь идутъ тоже спѣшныя приготовленія: пекутъ, жарятъ, варятъ, собираютъ экипажи, лошадей, сбрую, поѣзжанъ, дружекъ (шаферовъ). У лошадей гривы и челки украшаютъ лентами, на сидѣнья экипажей кладутъ перовыя подушки съ кумачевыми наволочками и покрываютъ простынями съ двойнымъ узоромъ; простыни свѣшиваются черезъ задинку. Къ дугамъ подвязываютъ колокольчики, къ шеѣ лошадямъ—ошейники съ бубенчиками. Дружкамъ (которыхъ бываетъ четыре, а то и шесть) черезъ плечо по-генеральски подвязываютъ полотенца съ двоими и даже съ троими узорами; концы полотенца падаютъ чуть не до пятъ; все это очень красиво. Старшій дружка, руководящій свадебнымъ поѣздомъ, отличается отъ другихъ, младшихъ, тѣмъ, что у него полотенце положено на правое плечо, перевязано подъ лѣвой мышкой, а у младшихъ, наоборотъ, полотенце лежитъ на лѣвомъ плечѣ. Это дѣлается для того, чтобы, не спрашивая, можно было узнать, который дружка старшій.

Когда все готово, жениха сажаютъ за накрытый бѣлой скатертью столъ, и отецъ съ матерью, крестнымъ и крестной благословляютъ, затѣмъ дарятъ. Старшій дружка выкликаетъ сначала родныхъ жениха, а потомъ и сосѣдей, которые дарятъ, т. е. кладутъ на выставленное блюдо деньги—кто сколько желаетъ или можетъ, а ему наливаютъ рюмку-другую водки и стаканъ-два пива. Послѣ этого подарившій отходитъ отъ стола, его мѣсто занимаетъ другой и такъ далѣе; вызывать продолжаютъ, пока еще подходятъ. По окончаніи даренія дружки берутъ жениха за руки и выводятъ изъ-за стола; старшему дружкѣ даютъ кнутъ, младшему шубу; послѣдній поворачиваетъ ее шерстью вверхъ и кладетъ на полъ, а старшій дружка бьетъ кнутомъ по шубѣ накрестъ и говорить: „рѣднѣй батюшка и рѣднѣй матушка, благословите нашего князя молодого, а вашего сына рѣднаго, въ путь дорогу отпустить, пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручиться“. Женихъ кланяется въ ноги, поддерживаемый дружками за руки; затѣмъ старшій дружка обращается къ крестному отцу и къ крестной матери съ тѣми же словами, какія были сказаны отцу и матери. А женихъ тоже кланяется опять въ ноги.

Наконецъ, обернувшись лицомъ къ дверямъ (становятся лицомъ къ дверямъ и женихъ и всѣ дружки), старшій дружка говоритъ: „Гости званы, браны, Богомъ даны, молоды молодѣицы, красныя дѣвицы, благословите нашего князя молодого въ путь дорогу отпустить, пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручиться“. Весь собравшійся народъ въ одинъ голосъ отвѣчаетъ: „Богъ благословитъ, дай Богъ часть добрый“.

Теперь жениха выводят вонъ изъ избы; впереди всѣхъ идетъ сваха, пятясь назадъ, и разметаеъ чистымъ вѣпникомъ дорогу на обѣ стороны до самаго экипажа. Женихъ проходитъ, и его усаживаютъ въ экипажъ, а дружки съ иконою въ рукахъ обходятъ свадебный поѣздъ три раза кругомъ; затѣмъ усаживаются всякъ на свою лошадь, и всѣ ѣдутъ къ невѣстѣ. Свадьба поѣхала, а мы вернемся къ невѣстѣ.

У невѣсты.

Невѣста обута, наряжена и посажена за столъ; отецъ, мать и крестные благословляютъ ее и дарятъ. Кто-нибудь изъ родныхъ невѣсты—братъ, дядя—выкликаетъ родовую; всѣ подходятъ и дарятъ, кто сколько можетъ, а ихъ тутъ угощаютъ виномъ и пивомъ; затѣмъ выкликаютъ сосѣдей,—тѣ тоже дарятъ и получаютъ угощеніе виномъ и пивомъ. А подружки въ это время, стоя за столомъ, поютъ такую пѣсню:

Не дарите-ка, не дарите-ка золотой казной,
А подарите-ка, подарите-ка умомъ-разумомъ,
Съ чѣмъ итти бѣдной горюшечкѣ во чужіи люди,
Ко чужому, ко чужому отцу-матери.

Эта пѣсня повторяется нѣсколько разъ, пока не закончится дареніе невѣсты. Бываетъ такъ, что во время ея повторенія вдругъ проносится слухъ, что ѣдетъ свадьба: тогда у всѣхъ, какъ по командѣ, взглядъ устремляется въ ту сторону, откуда ожидается свадьба; нѣкоторые выбѣгаютъ вонъ изъ избы, чтобы поскорѣе взглянуть на поѣздъ.

Но вотъ пріѣзжаетъ и свадебный поѣздъ. Онъ останавливается у родныхъ невѣсты или у сосѣда; женихъ и сваха сходятъ съ экипажа и идутъ въ избу; поѣзжане привязываютъ лошадей и затѣмъ тоже идутъ въ избу, а конямъ хозяинъ задаетъ сѣна. Немного оправившись, поѣзжане идутъ къ невѣстѣ какъ бы узнать, готова ли невѣста; они ее дарятъ, также по выкричкѣ, и подружки угощаютъ ихъ, причемъ поютъ, какъ раньше, „Не дарите-ка, не дарите-ка...“ Дружекъ перевязываютъ тутъ накрестъ полотенцевъ кушаками; дружки отдариваютъ за эту перевязку и идутъ обратно къ жениху, а затѣмъ, погодя немного, опять къ невѣстѣ, какъ бы поторавливать ее. Подружки снова перевязываютъ дружекъ поясами, теперь черезъ плечо, и они снова отдариваютъ подругъ. Послѣ этого дружки приглашаютъ подругъ невѣсты притти къ жениху погулять; подружки соглашаются, идутъ къ жениху, берутъ кружку пива и покрываютъ ее шелковымъ платкомъ; невѣста въ это время остается сидѣть одна за столомъ.

Одна изъ подругъ, такъ называемая старшая подружка, говоритъ въ томъ домѣ, гдѣ женихъ: „Ножки съ походомъ, ручки съ подносомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ. Здравствуйте, господа поѣзжане, дайте знать, какъ вашего старшаго друженьку звать“. Старшаго дружку называютъ по имени и по отчеству; тогда та же дѣвушка, обращаясь къ дружкѣ, говоритъ: „Старшій друженька, вѣрный служенька, Иванъ Максимовичъ, дайте знать, какъ вашего князя молодого звать“. Ей опять отвѣчаютъ, какъ звать молодого. Старшая подружка обращается теперь къ молодому со словами: „Князь молодой Иванъ Ивановичъ, вотъ вамъ отъ нашей княгини молодой подарочекъ, а она велѣла отдарить подарочекъ“. Тутъ подружка даетъ жениху полотенце, и онъ отдариваетъ деньгами. Потомъ подружки угощаютъ поѣзжанъ припасеннымъ ими пивомъ, а поѣзжане угощаютъ ихъ въ свою очередь своимъ виномъ и пивомъ; а затѣмъ, чтобы было больше церемоній, кто-нибудь изъ поѣзжанъ, кто умѣетъ, играетъ на гармоніи, подружки танцуютъ вмѣстѣ съ поѣзжанами, дѣвушки поютъ круговую пѣсню и всѣ вмѣстѣ, но безъ жениха, гуляютъ.

Послѣ этого подружки приглашаютъ поѣзжанъ и жениха къ невѣстѣ, и всѣ свадебники и женихъ ѣдутъ къ невѣстѣ. Какъ только они приближаются къ воротамъ или дверямъ, подружки спѣшатъ вскочить въ сѣни и закрываютъ двери и не пускаютъ поѣзжанъ. Тутъ одна изъ подругъ начинаетъ отговариваться: здѣсь, молъ, вамъ не мѣсто,—вамъ мѣсто, гдѣ дворъ попросторѣ, два столба врыты и небомъ покрыты, желобовъ поснаставлено и овса понасыпано, а у насъ ворота подперты коломъ и отпирать надо рублемъ. Что бы въ это время поѣзжане не говорили, все равно надо за открываніе воротъ заплатить,—только тогда ихъ отворяютъ.

Наконецъ, ворота открыты. Всѣ поѣзжане входятъ вмѣстѣ съ женихомъ, котораго дружки ведутъ за руки, и направляются прямо къ столу, за которымъ сидитъ невѣста, окруженная подругами. Но и тутъ поѣзжане встрѣчаютъ отпоръ со стороны подружекъ: онѣ опять требуютъ выкупа за мѣсто. Поѣзжане говорятъ: „какъ же такъ? когда насъ приглашали, говорили, что все у васъ хорошо, а вышло совсѣмъ не такъ“. А подружки отвѣчаютъ: „а вашъ князь молодой, когда ѣздилъ къ невѣстѣ, то говорилъ, что отъ самаго дома своего и до невѣстинаго дорожку бумажками устелю и золотомъ мосточки замощу, а вмѣсто того нѣтъ ничего“. Такъ, немного поторговавшись, подружки получаютъ отъ старшаго дружки выкупъ и поднимаются, чтобы выходить изъ-за стола по направленію солнца, одна за другой; остается только одна старшая подружка и садится рядомъ съ невѣстой, какъ разъ тамъ, гдѣ долженъ сѣсть женихъ. Женихъ хочетъ сѣсть къ невѣстѣ, но опять встрѣчаетъ отпоръ со стороны старшей дружки: подружка даромъ мѣста не отдаетъ, надо и тутъ выкупъ. Старшая по-

дружка говорить: „заплатите двѣсти за мѣсто, сто за невѣсту, триста за красу, да шестьсотъ за косу“. Волей-неволей по заведенному обычаю дружка долженъ уплатить за мѣсто; тогда старшая подружка уходитъ изъ-за стола, а дружки усаживаютъ жениха рядомъ съ невѣстой. Садится женихъ не сразу: сядетъ и опять встанетъ, опять сядетъ и встанетъ; въ третій разъ садится на положенную на то мѣсто подушку, поддерживаемый дружками за руки.

Когда женихъ усѣлся, сваха женихова подаетъ образъ—женнихово благословеніе, которое и прикрѣпляютъ надъ его головою рядомъ съ невѣстинымъ благословеніемъ, прикрѣпленнымъ уже раньше; на остальныхъ трехъ стѣнахъ повѣшено по образку, и передъ каждымъ зажжены восковые свѣчи.

Поѣзжане снимаютъ теперь верхнюю одежду и усаживаются за приготовленные столы, гдѣ ихъ начинаютъ угощать виномъ, пивомъ, разными закусками по деревенскому вкусу; только женихъ и невѣста, сидя въ центрѣ столовъ, не угощаются и ничего не ѣдятъ: ложки имъ хотя и положены, но чернями отъ нихъ. Народу полна изба и сѣни; народъ толпится и на улицѣ; всюду идутъ разговоры на разные темы: кто критикуетъ жениха, кто невѣсту, а кто хвалитъ и того и другую. Въ самой избѣ толкотня страшная; толпа мѣшаетъ проходить съ блюдами закусокъ; гдѣ просятъ по чести разступиться, а гдѣ и съ руганью, что мѣшаютъ. А каждому, понятно, хочется посмотреть, что дѣлается. Во все это время подружки, вставши близъ стола, поютъ поѣзжанамъ припѣвки, а тѣ ихъ за это дарятъ. Первую пѣсню поютъ жениху:

Первая пѣсня.

Что при вечерѣ, вечерикѣ,
При Дуниномъ дѣвничествѣ,
Прилетѣлъ тутъ младъ ясенъ соколъ.
Онъ сажился на окошечко,
За серебряну рѣшеточку.
Никто сокола не увидалъ,
Никто яснаго не увидалъ;
Увидала рѣдна матушка его,
Говорила своей дочери:
Ужъ ты дочка, чадо милое мое,
Приголубь яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго (называютъ по имени и отчеству).
Я и рада приголубити его,
Да подломились скоры ноженьки,

Да опустились бѣлы рученьки,
Помѣшался умъ въ головушкѣ.
Заболѣло ретиво сердце.

Послѣ этого женихъ даритъ дѣвушекъ: беретъ ломоть бѣлаго
хлѣба и затискиваетъ въ него въ мякишъ подарокъ (рубль) и по-
даетъ дѣвушкамъ за припѣвокъ.

Вторая пѣсня

(поется свахѣ, жениховой сестрѣ, если есть).

Какъ у свата въ теремѣ
Есть почетна гостыца (имя, отчество).
Она сидитъ за столомъ въ пиру,
Она умно беретъ чару
И весь кругъ проздравствуетъ.
Ты послушай, свашинька,
Ты не во саду сидишь,
Тебѣ не соловьи поютъ,—
Поютъ красны дѣвушки,
Онѣ хотятъ подарочекъ. (Сваха дарить).

Третья пѣсня (старшему дружкѣ).

Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый,
Кто у насъ хорошій,
Кто у насъ пригожій.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Ванюшка хорошій,
Степановичъ пригожій.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
По горенкѣ ходить,
Мѣрно наступаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Чуллокъ не мараетъ,
Сапогъ не ломаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Сапогъ не ломаетъ,
Самъ коня сѣдлаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
На коня садится,
Конь подъ нимъ рѣзвится.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.

Онъ платочкомъ машетъ,
А подъ нимъ конь пляшетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
По улочкѣ ѣдетъ,
Всѣ улочки стонутъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ расцвѣтаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Садикъ расцвѣтаетъ,
Машенька встрѣчаетъ.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Поди, мой хорошій,
Поди, мой пригожій.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Долго тебя ждали,
Долго дожидали.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Перинушку стлали,
Изголовье клали.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.
Милымъ называла,
Три разъ цѣловала.
Розанъ мой розанъ, виноградъ зеленый.

Дружка отдариваетъ дѣвушекъ за припѣвки: беретъ стаканъ пива, въ пиво кладетъ деньги и подаетъ имъ.

Четвертая пѣсня (второму дружкѣ).

Что по сѣнечкамъ, по сѣнечкамъ,	Отъ столба, столба точенаго,
По чистымъ перекладинкамъ	Отъ колечка золоченаго.
Тутъ ходила гуляла	Онъ ворвался во зеленые сады,
Размолодая боярыня.	Поломалъ онъ въ садѣ вишенья,
Она ходила, будила	Онъ и калину съ малиной,
Своего мужа-барина:	Черную ягоду смородину.
Ты вставай, вставай, милый другъ	Не тужи-ка, жена-барыня,
Александра Ивановичъ.	Ольга Ивановна,
Оторвался твой воробѣйный конь	Наживемъ мы зеленые сады.

Второй дружка тоже отдариваетъ дѣвушекъ: беретъ рюмку вина, опускаетъ въ вино деньги и подаетъ имъ.

Пятая пѣсня (третьему дружкѣ).

Запонки, запонки,	У ней рѣчь голубина,
Новомодны запонки.	Она бае, разсыпае,
Приходилъ ко мнѣ милой,	Говорить—сердце болить.
Сватъ Василій дорогой;	Одна бровь—сто рублевъ,
У меня ли, у меня	Одинъ взглядъ—пятьдесятъ,
Была Дуня хороша:	Поцѣлуй—шестьдесятъ.
У ней походочка павлина,	

Дружка отдариваетъ, какъ и предыдущіе.

Шестая пѣсня (четвертому дружкѣ).

По лугамъ зеленымъ,	То ли я хорошъ,
По травамъ шелковымъ,	То ли я пригожъ;
Тутъ ѣзжалъ, поѣзживалъ	На мою на красоту
Удалъ добрый молодецъ	Разлюбовалася дѣвица
Федоръ Ивановичъ.	Марья Ивановна,
Онъ коня подергивалъ,	Разбросала пялечки,
На себя посматривалъ:	Сломала иголки.

Седьмая пѣсня (отцу крестному).

Что на нашей улочкѣ	Онъ ходилъ, похаживалъ,
Кони понаставлены,	Вѣроныхъ поглаживалъ:
Шелкомъ ноги спутаны,	Не пугайтесь, конюшки,
Серебромъ занузданы.	Не пугайтесь, вѣроны:
Тутъ ходилъ, похаживалъ	Недалече ѣхати
Удалъ добрый молодецъ,	За моей за суженой
Степанъ да Ивановичъ.	Анной Ивановной.

Отецъ крестной дарить, какъ и всѣ другіе.

Восьмая пѣсня (крестной матери).

При пути-дороженькѣ	Ты помилуй, Господи,
Стояла часовенька,	Мою милу ладушку
Часовня богомольная.	Удалую головушку
Въ этой часовенькѣ	Григорья Ивановича,
Трудилась, молилася	Во пути-дороженькѣ,
Молодая боярыня	Во пиру во свадебкѣ.
Марья Степановна:	

---

¹ Мужа.

Девятая пѣсня (приданнику).

Противъ столика бранаго,	Ко моему ко бѣлому лицу,
Противъ зеркала хрустальнаго	Ко моему ко румяному.
Тутъ не Мишенькали кудри чесалъ,	Привыкай-ка, Наденька,
Тутъ Ивановичъ причесывалъ.	Ко моему уму-разуму,
Приулягтесь-ка русыя,	Ко моему молодечькому.

Послѣ каждой пѣсни всякій, кому она была пропѣта, долженъ подарить, сколько можетъ; всякій по своему прячетъ подарки и подаетъ ихъ спрятанными дѣвушкамъ.

Десятая пѣсня (послѣдняя пѣсня невѣсты, „Вѣночекъ“).

Не долго вѣночку во горенкѣ висѣть,
Во горенкѣ висѣть.
Не долго нашей Дунюшкѣ
Во дѣвушкахъ сидѣть,
Во дѣвушкахъ сидѣть.
Не долго нашей Ивановнѣ
Русую косу плестъ,
Русую косу плестъ.
До парной до баенки
Косу подружка плела,
Косу подружка плела,
Алыя ленточки вязывала.
Она вязывала,
Жемчугомъ русу косу унизывала,
Она унизывала.
Приѣхала тутъ свапинька,
Не милостива, не милостивая;
Стала она косынку рвать и порывать,
Она рвать и порывать.
Алыя ленточки повыдергала,
Она повыдергала;
Жемчугъ изъ русой косы повысыпала,
Она повысыпала.
Затрубили трубушки рано по зорѣ,
Утромъ рано по зорѣ,—
Заплакала Дунюшка по русой косѣ,
Она по русой косѣ.
Крѣпись, крѣпись-ка, батюшка,
Крѣпись, не отдавай,

Покуда тебя, батюшка, зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить ты зятюшка вѣронымъ конямъ,
Двумя вѣронымъ конямъ.
Крѣпись, крѣпись-ка, маменька,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись ты, не отдавай,
Покуда тебя, маменька, зять не подарить
Тебя зять не подарить.
Подарить ты зятюшка
Зять двумя коврамъ,
Двумя золотымъ.
Крѣпись, крѣпись-ка, братецъ,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись, не отдавай,
Покуда тебя, братецъ,
Зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить ты зятюшка
Черкасскимъ сѣдламъ,
Двумя черкасскимъ сѣдламъ.
Крѣпись, сестрица родная,
Крѣпись, не отдавай,
Крѣпись, не отдавай,
Пока, сестрица родная,
Зять не подарить,
Тебя зять не подарить.
Подарить ты зятюшка
Золотымъ кольцамъ,
Золотымъ перстнямъ.

Послѣ этой послѣдней пѣсни поѣзжане выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина за угощеніе, одѣваются и берутъ женихово вино и пиво, чтобы угощать невѣстину родовую; угощаютъ по порядку, начиная съ невѣстинаго отца и матери, потомъ—братьевъ, сестеръ, дядей и тетокъ, крестнаго, крестную. Дружки угощаютъ виномъ и пивомъ, сваха—гостинцами; всѣхъ вызываютъ по имени и по отчеству, съ разными уговорами. По окончаніи угощенія дружки берутъ жениха и невѣсту за руки, выводятъ изъ-за стола, и всѣ становятся лицомъ въ передній уголъ. Старшему дружкѣ опять даютъ кнутъ, а младшему—шубу; послѣдній оборачиваетъ ее шерстью вверхъ, кладетъ ее на полъ; старшій дружка бьетъ по ней накрестъ кнутомъ и говоритъ: „родный батюшка и родная матушка, благословите нашего князя молодого и съ княгиней молодой въ путь-дорогу отпустить,

пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручаться“. Женихъ и невѣста кланяются въ ноги на лежащей тутъ шубѣ, поддерживаемые дружкой за руки. Затѣмъ старшій дружка, поворачиваясь въ другую сторону, обращается къ крестному отцу и къ крестной матери съ тѣми же словами, какъ раньше къ родителямъ, а молодые опять кланяются имъ въ ноги. Затѣмъ старшій дружка, вставъ лицомъ къ выходу, снова бьетъ накрестъ кнутомъ по шубѣ и говоритъ: „гости званы, браны. Богомъ даны, старики и старушки, молодцы молодушки и красныя дѣвушки, благословите нашего князя молодого и съ княгиней молодой въ путь-дорогу отпустить, пути Божіей отвѣдать, подъ вѣнецъ встать, чудный крестъ цѣловать и золотымъ кольцомъ обручаться“. Собравшійся народъ громогласно говоритъ: „Богъ благословитъ“, а женихъ и невѣста кланяются имъ въ ноги, какъ бы въ свою очередь отдавая благодарность всѣмъ собравшимся за ихъ добрыя пожеланія.

Послѣ всего этого сваха, пятясь назадъ, разметаешь вѣникомъ дорогу на обѣ стороны къ экипажу, чтобы въ это время кто-нибудь не подбросилъ молодымъ подъ ноги такъ называемаго „портежа“, т. е. чтобы ихъ не испортили, не превратили хорошую жизнь въ худую; по разметенной дорожкѣ дружки ведутъ молодыхъ за руки и усаживаютъ въ экипажъ. Тѣмъ временемъ поданы лошади и для всѣхъ поѣзжанъ; со стороны невѣсты ѣдутъ отецъ, мать, крестные, братъ, сваха, и чѣмъ больше людей участвуетъ, тѣмъ красивѣе считается свадебный поѣздъ. Когда жениха и невѣсту посадили—каждаго въ свой экипажъ—дружки берутъ благословенія, т. е. иконы, и обходятъ весь свадебный поѣздъ три раза кругомъ. Весь народъ стоитъ въ благоговѣніи, съ обнаженными головами: всѣ съ особымъ чувствомъ желаютъ молодымъ всего хорошаго. Затѣмъ иконы укладываютъ, сваха беретъ ихъ къ себѣ и присаживается къ жениху; всѣ поѣзжане усаживаются, на прощаніе даютъ мужикамъ и ребятамъ на вино. Когда поѣздъ трогается, дѣвушки поютъ:

Поѣзжайте друженьки,	Кипарисна дерева,
Поѣзжайте вѣрные	Что подъ этимъ деревомъ
Подъ гору тихохонько.	Сидитъ красна дѣвица
Не сломай друженька,	Авдотья Ивановна.

А народъ въ это время бросаетъ въ уѣзжающихъ бѣшеной рысью поѣзжанъ комыями сѣнга или землю со словами: „куда молодца, туда и дремота“. Впереди свадьбы волной бѣгутъ мужики и ребята, чтобы въ концѣ деревни заломать лаею¹, тѣмъ остановить поѣздъ и сорвать съ поѣзжанъ еще на вино; а такъ какъ, по мѣстному обычаю, за открываніе лазен полагается дать на чай, то женихъ не

¹ Закрѣпить ворота.

противится желанію мужиковъ и велитъ старшему дружкѣ выдать имъ на вино. Какъ только это сдѣлано, лазеемъ открываютъ, и побѣздѣдутъ дальше бѣшеной скачкой. Но не успѣли они выѣхать изъ деревни, какъ дружки поворачиваютъ назадъ и сломя голову гонятъ обратно въ домъ невѣсты, какъ говорятъ, „со здоровьемъ“. Они входятъ въ домъ, а тамъ ихъ опять угощаютъ виномъ и пивомъ, но дружки на этотъ разъ не присаживаются на лавки, но угощаются стоя, затѣмъ благодарятъ хозяина и снова, какъ сумасшедшіе, сломя голову догоняютъ свадьбу, которая въ это время ѣхала шагомъ. Всѣ эти геройскіе подвиги совершаются подъ вліяніемъ выпивки, размѣръ которой въ это время ограничивается только тѣмъ, кто сколько можетъ выпить.

Когда свадьба пріѣдетъ на погостъ, дружки идутъ къ священнику и объявляютъ ему, что пріѣхали. Затѣмъ начинается обрядъ вѣнчанія, о которомъ я писать не буду, такъ какъ онъ у всѣхъ совершается одинаково; разница только въ пышности: при богатой свадьбѣ обрядъ обставленъ пышно и богато, а при бѣдной—все по бѣдному, пышность отсутствуетъ.

Отъ вѣнца вся свадьба идетъ въ сторожку (изба, гдѣ живетъ церковный сторожъ); тамъ сваха снимаетъ съ головы невѣсты повязку, вывязываетъ изъ косы ленточки и заставляетъ жениха расплетать косу (не знаю, для чего, но есть предположеніе, что это дѣлается въ знакъ власти мужа надъ женой). Сваха потомъ расплетаетъ косу до конца, заплетаетъ волосы на двѣ косы, обматываетъ ихъ кругомъ головы и повязываетъ „повой“ (такъ зовется покрывало на голову, закрывающая волосы; она шьется изъ ситца или ластика или даже изъ шелковой матеріи). Поверхъ повоя сваха повязываетъ платокъ. А въ это время дружки угощаются оставшимся виномъ и пивомъ.

Когда невѣста готова, всѣ выходятъ изъ сторожки, садятся на лошадей и ѣдутъ домой. Къ этому времени всегда уже ночь. На пути, передъ деревней, на полѣ, молодежь устраиваетъ костеръ изъ соломы такъ, что его никакъ нельзя объѣхать, а надо непременно ѣхать черезъ него. Свадьба, не останавливаясь, переѣзжаетъ горящій костеръ и приближается къ деревнѣ.

Въ домъ невѣсты оставался приданникъ, который долженъ увезти приданое невѣсты. Отецъ и мать невѣсты убиты горемъ—невозвратимой потерей своей дочери, можетъ-быть, единственной, которую любили 17—20 лѣтъ; а теперь хотятъ взять и приданое, надъ которымъ мать убивала и силу и здоровье, лишь бы приготовить дочери все необходимое, что надо ей въ людяхъ. Умудренная горькимъ опытомъ мать знаетъ досконально все, что дочери надо въ чужихъ людяхъ, у чужого отца-матери, знаетъ и то, что чужіе отецъ и мать не припадутъ ей дочери ничего, не пожалѣютъ и того, что будетъ къ нимъ

привезено. Поэтому мать сидитъ на сундукѣ дочери, который сейчасъ уберутъ, и горькими слезами оплакиваетъ потерю дочери и все то добро, надъ которымъ она трудилась, не покладая рукъ, 20 или 17 лѣтъ. Мать требуетъ отъ приданника выкупа за сундуки; послѣдній, въ силу обычая, по необходимости даетъ выкупъ и уноситъ сундуки, причемъ, если ему всего не увезти, то отецъ невѣсты даетъ свою лошадь. Картина очень трогательная, если все это видѣть самому или представить себѣ въ воображеніи. Приданое увезли.

Пока мы были въ домѣ невѣсты, свадьба подъѣзжаетъ къ деревнѣ. Услышавъ свадебные колокольчики и шерки, народъ бѣжитъ навстрѣчу ей съ криками: „свадьба ѣдетъ, свадьба ѣдетъ“. Нерѣдко въ темнотѣ бѣшеной скачкой подлетаютъ къ дому жениха дружки, въ попыхахъ вскакиваютъ въ домъ и сообщаютъ роднымъ жениха, что, молъ, слава Богу, ѣдемъ благополучно; имъ торопливо подносятъ по рюмкѣ вина и по стакану пива, по обычаю. А свадьба въ это время тихо въѣзжаетъ въ деревню: дружки опять вскакиваютъ на лошадей (когда осенью бываютъ верхами) и гонятъ ей навстрѣчу, не разбирая иногда и дороги; а то летятъ и вперекоры, и, если ушибъ не серьезный, то только всѣ засмѣются. Дружки встрѣчаютъ свадьбу, и весь свадебный поѣздъ ѣдетъ полной рысью къ дому жениха, гдѣ уже толпится народъ; нѣкоторые забѣгаютъ впередъ впотѣмахъ, чтобы уви-
дѣть молодыхъ. Дѣвушки поютъ „Соколовъ“:

Соколы вы соколы,
Далеко ль вы летали?
Летали мы летали
За три нова города.
Что же вы тамъ видѣли?
Видѣли мы видѣли

Сѣру утку на морѣ,
Красну дѣвку въ теремѣ.
Что же вы ей не взяли?
Взять мы ей не взяли,
Русу косу расплели,
На двѣ косы заплели.

Въ это время дружки соскакиваютъ съ лошадей, привязываютъ ихъ гдѣ попало, а сами снѣшать снять съ экипажа молодыхъ. Старшій дружка беретъ жениха за правую руку, женихъ—невѣсту, младшій дружка невѣсту за лѣвую руку и ведутъ такъ молодыхъ къ крыльцу. А тутъ отецъ жениха, одѣвшись въ шубу шерстью вверхъ, беретъ рѣшето съ хлѣбомъ-солью, сѣменами жита и хмелемъ, а мать икону и идутъ на встрѣчу молодымъ. Отецъ благословляетъ хлѣбомъ-солью, мать—иконою; молодые кланяются отцу и матери въ ноги; отецъ сыплетъ имъ на головы жито и хмель (для чего это дѣлается—признаться, не сохранилось никакихъ преданій).

Какъ введутъ молодыхъ въ домъ, накрываютъ молодой голову платкомъ и становятъ ихъ за столъ; тутъ молодую раскрываютъ; она оборачивается лицомъ къ образамъ и крестится, а народъ въ это время кричитъ: „х-о-р-о-ш-а молода, х-о-р-о-ш-а молода“ нѣсколько

разъ; молодые кланяются всему народу, какъ бы благодарять за похвалбу, и женихъ приказываетъ вынести на улицу ведро, а иногда и больше, пива. А сампмъ молодымъ подаютъ вина и пива: старшій дружка наливаетъ рюмку вина, подаетъ молодымъ, а самъ выкликается женихова отца и говоритъ: „Рѣдный батюшка (имя, отчество), повыйди, повыступи, самъ себя покажи и на насъ погляди“. Отецъ подходитъ, молодая подаетъ ему рюмку вина съ поклономъ; отецъ беретъ и поздравляетъ молодыхъ, выпиваетъ вино и подаетъ рюмку обратно молодой. Затѣмъ выкликается мать; она подходитъ, тоже поздравляетъ и выпиваетъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всю родовую до самаго послѣдняго.

Послѣ этого молодыхъ отводятъ въ отдѣльную комнату, гдѣ ихъ кормятъ; поѣзжанъ также усаживаютъ за столы и тоже угощаютъ. Если уже поздно, то, конечно, послѣ угощенія всѣ ложатся спать, а если рано, то вечерокъ еще прогуляютъ.

На слѣдующій день утромъ становятся поздно, умываются; идутъ оживленные разговоры о вчерашнихъ приключеніяхъ, кто гдѣ спотыкнулся, кто съ лошади свалился, кто опрокинулся, какъ и отчего. Потомъ молодой даютъ вѣникъ, и она принимается мести полъ. Сперва спрашиваетъ свою свекровь: „Богомъ данная матушка, откуда у васъ избушка пашется ¹?“ Свекровь ей отвѣчаетъ: „Съ передняго угла“. Тогда молодая мететъ полъ, а поѣзжане разбрасываютъ по полу деньги; она ихъ подбираетъ въ свою пользу; поѣзжане снова набрасываютъ деньги, надо молодой опять мести, и такъ продолжается долго при неумолкаемомъ смѣхѣ. Потомъ садятся за столъ, пьютъ чай, закусываютъ, а если дѣло происходитъ лѣтомъ или осенью, то идутъ къ колодцу или на рѣку, обливаютъ другъ друга водою, но не касаясь молодыхъ. Послѣ этой, какъ бы и неумѣстной, игры идутъ домой, переодѣваются, запрягаютъ лошадей и ѣдутъ кататься, иногда и по чужимъ деревнямъ.

А тѣмъ временемъ идетъ спѣшное приготовленіе къ „княжому столу“, готовятся всякія изысканныя въ деревенскомъ вкусѣ блюда. вмѣстѣ съ тѣмъ родные молодой, сваха и крестная мать развѣшиваютъ все приданое молодой, какъ въ музей, для обозрѣнія народа; въ это время никому не возбраняется входить въ домъ или въ избу и осматривать приданое молодой. А такъ какъ бываютъ случаи, что мелкія вещи воруютъ, то всѣ вещи прикрѣпляются къ стѣнѣ гвоздями, или къ веревкѣ, или сшиваются. Тутъ, конечно, не обходится безъ критики: кто приданое хвалитъ, а кто и хааетъ. Когда молодые возвращаются съ катанья, то, если все готово, начинается княжой столъ.

¹ Пахать значитъ мести.

Княжой столъ.

На княжой столъ зазываютъ всю родовую молодого; всѣ усаживаются за приготовленные столы, и начинается угощеніе. Угощаютъ непремѣнно изъ одной и той же рюмки поочереды, начиная со старшаго или такъ называемаго дорогого гостя. Въ это время всѣ разговариваютъ оживленно, кто во что гораздъ, но каждый старается сказать такое словцо, чтобы оно было назидательное или смѣшное—придать компаніи веселый характеръ. Вотъ подносятъ рюмку вина гостю; гость говоритъ: „Ну-ка своему здоровью“; подносящій подноситъ рюмку ко рту: „Будьте здоровы, гости хозяйскіе“. А гости громко отвѣчаютъ: на доброе здоровье. Подносящій (кто онъ тамъ будетъ, свать или братъ) выпиваетъ эту рюмку до дна, поднимаетъ ее вверхъ и говоритъ: вотъ, какъ я, такъ и всѣ. Затѣмъ онъ снова наливаетъ ее и подаетъ тому, кому она была предложена раньше: на этотъ разъ гость беретъ уже не куражась и, со словами „будьте здоровы“, начинаетъ уже пить, какъ вдругъ проквашиваетъ физиономію и говоритъ, обращаясь къ молодымъ: „какъ горько, нельзя ли подсластить“. Молодые не куражась цѣлуются при всей публикѣ; затѣмъ уже гость выпиваетъ и говоритъ, что очень сладко. То же продѣлываетъ и другой, а иной и еще больше наговорить. Когда всѣ обнесены виномъ и пивомъ, то гостей просятъ приняться кушать изъ одной чашки, какъ обыкновенно ѣдятъ гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ.

А въ это время дѣвушки поютъ всѣмъ сидящимъ за столомъ припѣвки. Первая пѣсня поется молодому: это тотъ „Вѣночекъ“, который уже мы знаемъ.

Вторая пѣсня—молодой.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго
Вылетало стадо бѣлыхъ гусей,
А другое лебединое.
Отставала тутъ лебедушка
Она отъ стада лебединаго,
Приставала тутъ лебедушка
Она къ стаду ко сѣрымъ гусямъ.
Начали ей гуси щипати.
Не щиплите, гуси сѣрые, меня:
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Меня погодою-невзгодою.
Отставала наша Дунюшка
Она отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
Приставала наша Дунюшка
Она къ молодымъ молодушкамъ.
Молодушки стали смѣяться.
Вы не смѣйтесь, люди добры, надо мной:

Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони Алексѣевы.

Потомъ поютъ свахѣ молодой, крестному и крестной все тѣ же пѣсни, что пѣли и на свадьбѣ; за каждый припѣвокъ поѣзжане дарятъ, кто сколько можетъ; обыкновенно не стѣсняются въ подаркахъ—каждый хочетъ быть на хорошемъ счету у всѣхъ.

Пока дѣвушки поютъ свои припѣвки, поѣзжане угощаются; у гостей одно блюдо смѣняется другимъ, и въ концѣ княжого стола подаютъ драчѣну. Но передъ этимъ раздаются подарки роднымъ молодого отъ молодой: прежде всего дарятъ отцу, потомъ матери и т. д., и всѣ они въ свою очередь отдариваютъ молодую деньгами. Каждый подарокъ поднимаютъ, чтобы вся присутствующая публика видѣла, кому что дарятъ. Этимъ кончается княжой столъ; всѣ поѣзжане расходятся затѣмъ по домамъ, и на слѣдующій день уже этихъ церемоній не бываетъ.

Примѣрно на третій день отецъ и мать молодого и молодые ѣдутъ на „хлѣбины“ къ новымъ сватовьямъ; поѣзжане въ этомъ уже не участвуютъ. А когда возвратятся съ хлѣбинъ, начинается поочередное „почѣстье“—молодые ходятъ къ друзьямъ и ко всѣмъ роднымъ на угощенье; это продлывается не менѣе недѣли, а то и больше. По окончаніи почѣстievъ молодая топить „княжу баню“: она ходитъ вмѣстѣ съ золовкой по деревнѣ и приглашаетъ всѣхъ, заходя въ избу, въ княжу баню, гдѣ мыло готовое и полотенцевъ навѣшана иногда цѣлая дюжина. Княжой баней заканчивается весь свадебный обрядъ.

Послѣ этого начинается для молодой жизнь, полная разныхъ испытаній: ей надо на всѣхъ угодить, на свекра и на свекровь, а главное на мужа и на золовокъ. Хорошо еще той, у которой хорошій мужъ, или берутъ любя. А если, спаси Богъ, мужъ неважный, пьяница или хуже того, какой-нибудь неразборчивый, то каждое слово молодой поднимается на смѣхъ, и уже о дѣлѣ и говорить нечего; а въ деревенскомъ быту это не рѣдкость. Очень мало бываетъ такихъ разборчивыхъ людей, которые считаются съ возрастомъ, силой и знаніями молодой—тогда той еще ничего, но большинство людей объ этомъ и не думаетъ, да впрочемъ и знать не хочетъ, что молодой 17 лѣтъ и она не можетъ выполнять всѣхъ возложенныхъ на нее непосильныхъ обязанностей. Вотъ тѣмъ и горе у чужого отца и матери: не даромъ въ иѣсняхъ и приплакиваніяхъ слышатся заунывные выраженія, какъ въ „Вѣночкѣ“ и другихъ.

31 декабря 1910 г.

Крестянинъ Иванъ Максимовъ.

Дер. Малое Раковно, Лужскаго у., Петроградской губ.

Изъ цикла украинскихъ народныхъ пѣсенъ о панщинѣ.

Среди многочисленныхъ пѣсенъ и думъ о панщинѣ особое мѣсто занимаетъ дума объ уничтоженіи панщины и измѣненіяхъ въ народномъ быту, послѣдовавшихъ послѣ ея уничтоженія (записана Н. Бѣлинскимъ, издана въ Запискахъ Юго-Зап. Отд. Имп. Русскаго Географическаго Общ. I—1874) ¹.

Дума эта интересна, прежде всего, по своей структурѣ ². Обычно историческія думы отличаются строгою послѣдовательностью изложенія. Въ основѣ ихъ—событіе прошлаго времени, и повѣствованіе строго слѣдуетъ за ходомъ событія. Мѣрно разматывается нить повѣствованія, и всегда чувствуется ясная послѣдовательность отдѣльных моментовъ описываемаго событія. Таковы историческія думы.

Указанная дума объ уничтоженіи панщины отличается по своей структурѣ. Четыре момента прошлаго и настоящаго намѣчены въ этой думѣ. Бремя панщины и страданія народа; уничтоженіе панщины и горе пановъ; радость крестьянъ при уничтоженіи панщины; крестьянская жизнь послѣ уничтоженія панщины и благодарность за освобожденіе. Эти основные моменты слѣдуютъ не въ ихъ послѣдовательности, какъ ожидали бы мы въ народной исторической думѣ, а причудливо переплетаются въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Словно пѣвцу кажется, что недостаточно отгѣненъ этотъ рѣзкій контрастъ, и онъ снова и снова возвращается къ противопоставленію былого и настоящаго. Все вниманіе сосредоточено на контрастѣ горя пановъ и радости мужиковъ, и лишній разъ хочется подчеркнуть этотъ контрастъ—то эпически-спокойно, то съ ироніею и затаенною насмѣшкою.

Основные моменты разбираемой думы не являются рѣдкостью въ народной поэзіи. Историческія пѣсни постоянно останавливаются на времени панщины, на страданіяхъ крестьянства подъ непосильнымъ бременемъ. Въ этомъ смыслѣ разбираемая дума примыкаетъ къ народнымъ пѣснямъ о панщинѣ; оригинальность ея—въ обработкѣ и въ

---

¹ Высказаны были сомнѣнія относительно народнаго происхожденія этой думы, но сомнѣнія эти разсѣяны Драгомановымъ въ ст. „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ за подписью: П. Кузмичевскій. Кіевская Старина 1887. III—IV.

² Варіантъ этой думы записанъ г. Руданскимъ и приведенъ въ вышеуказанной статьѣ Драгоманова (IV, стр. 637—641).

сочетаніи отдѣльныхъ эпизодовъ. Нужно признать, что въ обоихъ отношеніяхъ проявлено большое мастерство, и недаромъ записавшій думу подчеркнулъ сильное впечатлѣніе, оказанное ею на слушателей: повтореніе основныхъ моментовъ значительно усиливаетъ впечатлѣніе.

Пересмотръ отдѣльныхъ темъ думы начнемъ съ описанія бремени панщины и страданій народа. Такія характеристики панщины нерѣдки въ украинской народной поэзіи. По основной точкѣ зрѣнія эти характеристики можно раздѣлить на двѣ группы; современные описанія панщины и воспоминанія о ней, какъ явленіи прошлого времени, безвозвратно отошедшаго. Эта коренная разница неминуемо должна отразиться и дѣйствительно отражается на общемъ настроеніи: вѣдь, говорить о переживаемыхъ страданіяхъ или пережитыхъ—большая разница. Разбираемая нами дума знаетъ панщину какъ пережитое бѣдствіе, и это, конечно, отражается на ея настроеніи: для думы достаточно немногихъ намековъ на прошлое, и тамъ, гдѣ современная панщина пѣсня давала проникнутую глубокимъ горемъ картину, дума даетъ лишь бѣглыя указанія:

урвалася та паньщина, що люди робили,
поминано тепер тое, що різками били.

Какъ видимъ, для думы достаточно бѣглаго упоминанія о *різках*, этомъ поруганіи человѣческаго достоинства крестьянина.

О *різках* украинская народная пѣсня вспоминаетъ очень неохотно, но если приходится вспоминать, то чувствуется вся горечь, все негодованіе; украинскій народъ особенно болѣзненно-чутко воспринималъ надругательство надъ человѣческимъ достоинствомъ. Дума бросаетъ объ этой сторонѣ панщины краткое упоминаніе, но въ этой недоговоренности чувствуется глубокій смыслъ, отголосокъ за-таенныхъ переживаній.

Больше, пространнѣе останавливается разбираемая дума на панщинномъ трудѣ. Воспоминанія о принудительныхъ работахъ въ пользу пана еще очень живы.

Съ ироніей припоминаетъ дума о панской дворнѣ, штабѣ разныхъ надсмотрщиковъ и управляющихъ:

перше було—штирі пани, а два отамани,
вісімнадцять польових, а оден підданий...

Здѣсь сказалось презрительное отношеніе народа къ панской дворнѣ, панскимъ слугамъ, выбившимся изъ массы простого крестьянства и ревностно помогавшимъ панству и арендаторамъ эксплуатировать крестьянскій трудъ.

Ближайшими руководителями панщинныхъ работъ и надсмотрщиками за крестьянами были отаманы и осавулы. Имъ больше всего удѣляется вниманія и горькой насмѣшки. Отамапъ съ нагаемъ подъ

окнами, вызывающій крестьянскую семью на работу—это обычный образъ народныхъ воспоминаній о панщинѣ. Рѣже въ этой роли выступаетъ самъ панъ:

іздит пан по-під хати на паньщину гнати:
„вийди, вражіи мудю, маєш кару взяти“...

Обыкновенно панъ верхомъ на конѣ объѣзжаетъ въ полѣ своихъ работающихъ крестьянъ, присматривая за ихъ работою и понуждая менѣ старательныхъ. Заказывать работу на другой день съ вечера и объѣзжать поутру крестьянскія хаты—это дѣло отамана или осавулы: такъ именно представляютъ осавулу народныя пѣсни цикла о панщинѣ. Съ прекращеніемъ панщины—отмѣчаетъ наша дума—

що не ходять вовкотруби по-під наші хати—
какъ это было раньше при панахъ.

Варіантъ, записанный Руданскимъ, нѣсколько детальнѣе развиваетъ этотъ намекъ:

Ой будемо заробляти, на боже давати,
що не ходять окомани по-під наші хати.
Ніхто ж тепер мужика, ніхто ж вже не збудить,
хиба йому в головах дитина затрубить.

Кіевск. Старина 1887. IV. 640.

Въ этихъ отрывкахъ отмѣчается появленіе осавулы или эконома, вызывающаго крѣпостныхъ на панщину. Другія пѣсни отмѣняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжесть непрерывной панщины, символомъ которой и является осавула подъ окнами крестьянской хаты:

Находив ся я із ралом,
намажав ся з ціпом
і прийшов я із панщини
вже перед досвітом.
Заказнище¹, вставши рано,
кричить під віконце,
щоби вийти на панщину
ще перед вигонцем².

Гринченко, III, № 1467.

Или:

Намажав ся я косою,
набухав ся ціпом,
пригнав воли з роси
та вже перед світом.

¹ Заказникъ—осавула.

² ваг. перед сходом солнца.

Осаула із півночи
ходить під віконцем,
загадує на панщину
перед сходом сонцем.

Київск. Стар. 1883. XI.

Итакъ, неотдохнувшій, какъ слѣдуетъ, крестьянинъ долженъ снова итти на панщину.

Народное творчество очень дорожитъ этимъ образомъ. Дѣйствительно, утомленный работникъ вернулся домой очень поздно съ работы, а рано утромъ его будятъ и заставляютъ итти на панщину еще до восхода солнца. Этотъ образъ ярко и рельефно характеризуетъ тяжелое бремя панщины, лучше длинныхъ описаній самой работы.

Другія пѣсни отмѣчаютъ панщину въ воскресенье,—тоже прекрасный образъ тяжелой безъ отдыха панщины.

А в неділю до схід сонця
усї дзвони дзвонять,
а десятник з отаманом
на панщину гонять...

Манжура К. С. 1882. V. № 1.

или:

а в неділеньку раненько
усї дзвони дзвонять,
а отаман з десятником
снопів носить гонять...

Манжура ibd. № 2.

или:

а тепера у неділеньку
у всї дзвони дзвонять,
осаула з козаками
на панщину гонять...

Гринченко, № 1468.

Непрерывность тяжелой изнурительной панщинной работы оттъняется и народными пѣснями въ картинѣ недѣльных занятій, которыя приходится выполнить безропотному крѣпостному. Знаетъ эту картину и наша дума:

Як настане понеділок,
бери ціп і лопату,
іди паньщину відробляти.
Молотив понеділок й вівторок,
ще лишилось снопів сорок.

Став гуменний витворати:
„кидайте, хлопці, калатати,
кидайте, хлопці, молотити,
йдіть колосся носити“.
А в середу докінчив.
За іден день три дні панщини робив!
Ото хлопці, ото злидні!
За іден день робив три дні!
Цілих три дні наробив ся,
прийшов в вечері, шей набив ся,

Пожалуй, панщина была назначена на одинъ день, но оказалась такою трудною, что пришлось ее отработывать цѣлыхъ три дня: дѣйствительно, *злидні*, какъ съ горькою иронією замѣчаетъ дума, рассказывая о работѣ, затянувшейся на понедѣльникъ, вторникъ и среду.

Народныя пѣсни часто упоминають о цѣлой недѣлѣ панщины безъ перерыва, безъ отдыха—

увесь тиждень на панщині,
до дому в суботу...

Манжура К. С. 1882. V.

или:

як виженуть в понеділок,
робим до суботи...

Новицкій Сб. X. И. Ф. О. VI.

Пѣсня связываетъ эту непосильную работу съ добротою пановъ (горькая иронія):

добрий наш пан, добрий наш пан,
добрий до роботи...

Манжура *ibd.*

Иногда при этомъ дѣлается сопоставленіе съ прежними панами, которые не такъ умѣло хозяйничали и потому были добрѣе къ крестьянамъ—

добре було нашим батькам
під панами жити,
бо не вміли старі пани
панщини робити:
а тепера молодіі
ваялись за роботу...

Манжура *ibd.*

Въ одной пѣснѣ противопоставляется давнее и современное:

добре ж було, добре
нашим батькам жити,
що не знали наши батьки
панщини робити.

Гринченко III. № 1468.

Можетъ-быть, и здѣсь рѣчь не о полномъ отсутствіи панщины, а лишь о болѣе легкой панщинѣ, какъ въ другихъ сходныхъ пѣсняхъ.

Тяжесть постоянной панщины усиливалась тѣмъ, что не всегда давали достаточно отдыху. Разбираемая дума вспоминаетъ, что

а хто хотів за паньщини в коршмі погуляти,
треба було три дні в буряні з жінкою ховатись.

Только съ освобожденіемъ стало возможнымъ для крестьянъ вполне располагать своимъ временемъ.

Пѣсни даютъ болѣе сильный образъ, чѣмъ дума: работникамъ нѣтъ времени спокойно поѣсть дома или на полѣ, ихъ торопятъ съ работою —

а отаман з десятником
снопів носить гонять.
Чи носили, не носили—
сіли спочивати:
оглянуть ся назад себе,
аж наш панич іде,
та кого бє, кого лає,
кого так питає:
ой чого ж ви, хлопці, сіли,
чом ви снопів не носили?

Манжура ibd.

или:

а десятник з отаманом
на панщину гонять.
Як приїхали до лапу—
посідали снідати.
Оглянулись назад себе,
аж і пан наш іде.
Як приїхав пан до лану,
став отамана бити...

Манжура ibd.

или:

остали ся малі дїтки
та їсточки просять,
а матери з батьками
та снопики носять.
Ще снопиків не зносили,
обідати сїли,
коли глянуть позад себе,
аж прикащик їде.
Ой покиньмо обідати
та підем носити,
бо як приїде прикащик,
буде він нас бити...

Новицькій-ibid.

или:

скоро прийшли до ланочку,
сїли обідати,
Ой, обїде, обїдочку,
гіркий наш обїде!
Оглянуть ся назад себе,
аж яконом їде.
Не доїзджа до ланочку,
батїг розпускає...

Гринченко ibd. № 1468.

Такъ обрисовывають разбираемая дума и народныя пѣсни тяжелую панцину безъ отдыха и безъ праздниковъ.

Народныя пѣсни, современныя панцинѣ, оканчивають характеристику панцинныхъ работъ горькою жалобою—

ой, Боже наш милостивий,
не можемъ зробити!

Гринченко № 1468.

Разбираемая дума, какъ и другія пѣсни, явившіяся уже послѣ освобожденія крестьянъ, съ чувствомъ удовлетворенія сопоставляютъ прежнее съ настоящимъ, тяжелое прошлое—съ современностью. Разбираемая дума неоднократно возвращается къ такому сопоставленію, вводя каждый разъ новыя и новыя детали. Съ злою иронією сравниваются прежнее и современное панство, глубокое измѣненіе, происшедшее въ жизни панства вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ.

Отводя много мѣста характеристикѣ изнурительной панцины, народная пѣсня тѣмъ охотнѣе противопоставляетъ тяжелому прошлому лучшія матеріальныя условія современности. Нѣтъ уже той принудительной цѣлонедѣльной работы безъ отдыха и безъ праздниковъ. Те-

перъ крестьяне нанимаются у пановъ на работу, и работа стала гораздо легче. Послѣ описанія *зlidнів*, какъ приходилось цѣлыхъ три дня отработывать день панщины, разбираемая дума непосредственно переходитъ къ контрасту современности, работы по вольному найму:

теперь стало таке діло:
як настане понеділок,
іздит пан й ходить по-під хати
просить хлопців калатати:
„ідіть, хлопці, молотити,
дам горілки оковитой,
з маслом хліба закусити...

Варіантъ Руданскаго такъ представляетъ наемъ работниковъ паномъ:

ой ходить пан по селі
та збирає косарі:
ходить, хлопці, косити,
буду платити
й дам горілки оковити...

К. С. 1887. IV. 640.

Такъ измѣнились отношенія между панами и крестьянами съ паденіемъ крѣпостного права и кореннымъ переворотомъ въ положеніи пановъ. Теперь паны нуждаются въ рабочихъ, и народныя пѣсни не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи поиронизировать надъ панами, потерявшими свое прежнее самоуваженіе.

Конечно, крестьянскій трудъ остался попрежнему, но народное сознаніе удовлетворено тѣмъ, что нѣтъ прежняго принужденія, нѣтъ прежней непосильной панщины безъ отдыха и праздниковъ. При чтеніи думы и народныхъ пѣсенъ можно сдѣлать неправильный выводъ о крестьянскомъ трудѣ послѣ раскрѣпощенія. По сравненію съ тяжелою панщиною все кажется легкимъ

Теперь моя жінка паня—
воскликаетъ варіантъ Руданскаго, а разбираемая дума замѣчаетъ—

теперь наши жіики пані
и это только потому,
що не прядуть мітки зраня
или, по объясненію пѣсни:

йдуть на ниву, хоць не рано.

Гринченко № 1475.

Работа на полѣ осталась прежней, но отпали ея тяжелыя условія, принудительность; работать нужно, но выходить на работу можно и не такъ рано, отдохнувши: это оттѣняетъ дума, какъ и другія пѣсни. Въ своей работѣ крестьянинъ сталъ теперь полнымъ хозяиномъ—

а тепер я до полудня бью солому,
а з полудня йду до дому,
оттак ціпом помахая,

Такъ характеризуетъ варіантъ Рудапскаго работу крестьянина. А вотъ характеристика работы крестьянки—

серпом гонить, горном вяже
і в полудень спати ляже;
серпом гонить, юрком душить...

Такъ рисуєть дума крестьянскій трудъ послѣ освобожденія.

Наемная работа на пана на панскомъ полѣ не внушаетъ крестьянамъ особаго желанія стараться. Пану негдѣ взять другихъ работниковъ, и онъ долженъ приглашать своихъ прежнихъ крѣпостныхъ, мирысь съ тѣмъ, что работа уже не такая, какая была раньше до освобожденія крестьянъ. Хоть и не очень стараюсь —

а все від ляха сороківця маю...

Такъ и крестьянка на полѣ можетъ отдохнуть въ полдень, а все равно

пан заплатити їй мусить...

Для пана стала сразу замѣтна разница въ трудѣ крестьянина:

ой ходить пан по нівоньці,
має клопіт в голівоньці:
дрібні снопи, конів мало,
а в кешені легко стало...

Такъ характеризуетъ дума затрудненія пановъ при переходѣ къ новому хозяйственному укладу; иронія ясно проступаетъ въ этихъ мѣстахъ народной пѣсни и думы...

Кромѣ перемѣны въ экономическомъ укладѣ жизни, глубоко чувствовалась народомъ перемѣна моральная. Кончилась прежняя полоса угнетенія, безправія, поруганія челоуѣческаго достоинства крестьянъ. Упомянаніе о *різках* или *буках* болѣзненно-тяжело для украинскаго крестьянина, а потому, и противопоставляя прошлое настоящему, украинская дума и пѣсня очень неохотно говорятъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Объ этомъ помнятъ, но не говорятъ... Рассказывая о новомъ укладѣ сельской жизни, дума указываетъ, что запрещена кулачная расправа:

хоче пап мужика за що ся набити,
треба штрафу три рублі завше положити...

Далѣе указывается, что обѣднѣвшимъ панамъ не по карману такая роскошь, какъ кулачная расправа,—приходится отъ нея воздерживаться—

либонь нам, пане-брате, в то ся не вдавати,
бо тепер дурно три рублі, нігде їх взяти...

Такъ иронизуетъ дума надъ положеніемъ пановъ, намекая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на прошлое, на прежнія злоупотребленія розгами и кулаками.

Народъ, отмѣчаетъ дума (варіантъ Руданскаго), можетъ позволить себѣ смѣяться надъ застрашиваніемъ пановъ. Панъ обѣзжаетъ хаты крестьянъ и вызываетъ ихъ на панщину, грозя наказаніемъ: этотъ образъ въ варіантъ Руданскаго относится ко времени послѣ раскрѣпощенія (а варіантъ Бѣлинскаго, какъ мы указывали выше, относитъ къ прежнему времени до реформы). Въ отвѣтъ на такія запоздавшія угрозы крестьяне только смѣются (варіантъ Руданскаго).

Въ этой ироніи замѣчательно ясно выступаетъ контрастъ прежней забитости и подчиненія съ одной стороны и новой свободы—съ другой.

Этимъ контрастомъ достойно завершается все противопоставленіе тяжелаго прошлаго и послѣреформенной современности.

А. Грушевскій.

Поѣздка въ нагорный Дагестанъ¹.

Въ настоящемъ живо изложенномъ обстоятельномъ описаніи заброшеннаго и рѣдко посѣщаемаго края есть кое-что, требующее восполненія, а порою и исправленія. Такъ, напр., въ маршрутѣ не мѣшало бы указать, что въ Ботлихъ ведетъ путь не только изъ Темир-Хан-Шуры, но и изъ Грозны черезъ Ведень мимо Форельнаго озера и затѣмъ по Царской дорогѣ. Названія мѣстныхъ построекъ, хозяйственныхъ предметовъ и ихъ частей не всегда даются; при перечнѣ предметовъ питанія слѣдовало бы оговорить, чѣмъ питаются взрослые. Кстати, въ этомъ именно мѣстѣ, гдѣ рѣчь о питаніи, и еще кой-гдѣ въ этнографической характеристикѣ быта дидоевъ краски сгущены: такъ, прежде всего въ свѣдѣніяхъ о послѣдствіяхъ мщенія. Было бы цѣлесообразнѣе также, если бы явленія, общія у дидоевъ съ прочими коренными обитателями Кавказа, отмѣчались, какъ таковыя: напр., молотьба хлѣба носитъ общій по всему Кавказу характеръ и въ подробностяхъ.

Историческая часть требуетъ болѣе обстоятельной обработки, но это не могло войти въ задачи автора, который, по примѣру другихъ, заинтересовавшее его племя называетъ *ди до й ца ми*, тогда какъ это этническій терминъ—*дидон*, ед. ч.—*дидой*. Также этническій, а не географическій терминъ и „*цунталъ*“, собственно *цунъ*, мн. число отъ „*цунъ*“. Сомнительно, чтобы терминъ „*лезгинъ*“ былъ заимствованъ отъ грузинъ, такъ какъ сами грузины еще задолго до появленія русскихъ на Кавказѣ называли народъ тотъ „*лекъ*“, а не „*лескъ*“ или „*лезгъ*“, хотя слѣды существованія нѣкогда полной формы *lesk > lezg* имѣются и въ грузинской рѣчи.

Что касается лингвистической части, особенно „Краткаго словаря дидойскаго языка“, то пользоваться имъ въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о нарѣчіяхъ индо-дидойской группы, въ частности и о дидойскомъ, конечно, нельзя, но для собирателя матеріаловъ на мѣстѣ эта часть, несмотря на всѣ ея недочеты, можетъ оказать услугу.

¹ Докладъ, читанный А. К. Сергнutowскимъ въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О-ва 10 декабря 1910 г. Печатается подъ редакцію и непосредственнымъ наблюденіемъ д. чл. Н. Я. Марра, которому принадлежитъ вступленіе, а также и приложенный къ дидойско-русскому словарю русскій указатель.

Какъ ни несовершенна транскрипція ¹ и какъ ни далека авторъ отъ грамматическаго пониманія дидойской рѣчи ², нельзя ему отказать въ томъ, что онъ лично и непосредственно наблюдалъ звуки и въ предѣлахъ имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ записывалъ въ высшей степени добросовѣстно и точно. Специалистъ не затруднится, пробѣжавъ собранный матеріалъ разъ, использовать его безъ риска сдѣлать промахъ. Редакторъ нашелъ нужнымъ внести въ угловатыхъ скобкахъ собственныя записи, когда у него имѣлись таковыя. Редакція однако нашла излишнимъ такое осложненіе записей автора на основаніи извѣстныхъ въ литературѣ лично не проверенныхъ матеріаловъ, напр., прежде всего на основаніи работъ д-ра Дирра.

Н. М.

Лѣтомъ 1910 года я былъ командированъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея императора Александра III въ Андійскій округъ Дагестанской области къ верховьямъ р. Андійское Койсу для собиранія этнографическихъ коллекцій у дидоевъ и другихъ народностей глухой нагорной части Дагестана.

Просматривая литературу по Кавказу и населяющимъ его народамъ, я, къ сожалѣнію, о дидояхъ нашелъ лишь самыя отрывочныя указанія, которыя не могли меня удовлетворить. Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе относительно выбора маршрута. Въ путеводителяхъ указаній не нашелъ, какимъ путемъ можно пробраться къ верховьямъ р. Андійское Койсу. На картѣ, изданной Генеральнымъ Штабомъ, обозначено, что въ интересующую меня страну ведутъ лишь горныя тропы, а колесныхъ путей нѣтъ. Это вынудило меня отправиться въ г. Темиръ-Ханъ-Шуру и тамъ въ областномъ управленіи добыть необходимыя свѣдѣнія. Но тамъ мнѣ сказали лишь одно—что путей по Андійскому округу нѣтъ, и посоветовали ѣхать въ с. Ботлихъ, гдѣ проживаетъ начальникъ Андійскаго округа. Чтобы избѣжать опасности отъ нападенія разгуливавшихъ въ горахъ по Царской дорогѣ грабителей, съ Залимъ-ханомъ во главѣ, я намѣтилъ путь въ Ботлихъ черезъ сс. В. Каранай, Гимры, Апильты, Игали и Тлюхъ и направился по горнымъ тропамъ черезъ горы верхомъ на лошади. Проѣхалъ два дня, но далѣе, вслѣдствіе сильныхъ дождей, тропы оказались совершенно разрушенными, и я, не доѣхавъ до

¹ Достаточно сказать, что спирантъ *h* передается черезъ задне-язычный звонный *g*, не различаются средніе *ʒ*, *ʒ̣*, *ʒ̥* отъ глухихъ *t*, *ṭ*, *t̥*, а также средній *q*, равно аспированные *k*, *q* отъ *k* и *q*, не говоря о специфическихъ звукахъ этой группы *ʒ̣* и *ṭ* и т. п.

² Сполнъ и рядомъ форма мн. числа записывателемъ принимается за особое слово.

с. Ашильты, вынужденъ былъ возвратиться обратно въ г. Шуру. Это обстоятельство заставило меня ѣхать въ Ботлихъ окружнымъ путемъ черезъ Дженгутай, Ходжал-Махи, Салтинская, Карадахъ, Хунзахъ и Тлохъ. По этому пути отъ г. Шуры до Ботлиха 217 вер.

Въ Ботлихъ начальникъ Андійскаго округа полковникъ А. Н. Гвелесіяни объяснилъ мнѣ, что дидои живутъ въ ущельяхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими горными хребтами со снѣжными вершинами, и что пробраться въ такую малодоступную мѣстность можно лишь пѣшкомъ и верхомъ на лошади по крайне опаснымъ горнымъ тропамъ, которыя очень часто подвергаются разрушенію отъ потоковъ воды и каменныхъ обваловъ. Въ справедливости словъ г. Гвелесіяни я убѣдился скоро на дѣлѣ.

Ботлихъ расположенъ на *сильно пересѣченной*, неровной мѣстности въ ущельѣ Андійскаго Койсу, на лѣвой сторонѣ его и окруженъ высокими горами, лишенными растительности. Ботлихъ находится верстахъ въ трехъ отъ самой рѣки, на высотѣ 3174 ф. надъ уровнемъ моря. Это—довольно большое селеніе, представляющее административный центръ Андійскаго округа Дагестанской области. Въ Ботлихѣ, кромѣ начальника округа, живутъ начальникъ участка и врачъ и стоитъ немного войска (пластуны и солдаты-артиллеристы), а также имѣется почтово-телеграфное отдѣленіе. Для безопасности отъ нападѣнія со стороны горцевъ здѣсь построена крѣпость и въ ней хорошіе каменные дома съ желѣзными крышами, а рядомъ—казармы для солдатъ. Въ крѣпости имѣются орудія.

Ботлихъ населяютъ ботлихцы, принадлежащіе къ андійской группѣ. Они говорятъ на особомъ языкѣ, непонятномъ для сосѣднихъ народностей. Кромѣ Ботлиха, они населяютъ еще селеніе Міарсу. На сѣверозападъ и на сѣверъ отъ Ботлиха живутъ андійцы и населяютъ: Анди, Зило, Чанк(х)о Чохкуръ, Гагатль, Гунхо, Ашали, Рикюаны, Конхидатль и Муни.

Собственно Ботлихъ или аулъ ботлихцевъ расположенъ на склонѣ горы. Ниже аула въ ущельѣ по террасамъ много садовъ и огородовъ, которые орошаются искусственно посредствомъ сѣти канавъ, проводящихъ воду изъ рѣки и изъ горныхъ потоковъ и ключей. Даже самыя поля, засѣяныя пшеницей, за неимѣніемъ иныхъ удобныхъ для земледѣлія мѣстъ, расположены только въ садахъ и огородахъ. Сабли и вообще всѣ постройки ботлихцевъ сложены изъ камня—плитняка въ видѣ четырехгранной призмы и непремѣнно имѣютъ крытыя галлерей, поддерживающіяся деревянными столбами. Крыши—плоскія, горизонтальныя. Онѣ сдѣланы такъ: на стѣны положены деревянные балки, на которыя настилается рядъ жердей. Затѣмъ, жерди покрываются хворостомъ, иногда берестой, и сверху тонкими каменными плитами и пескомъ вмѣстѣ съ глиной. Песокъ плотно укатывается каменнымъ валькомъ. Постройки лѣнятся къ крутому склону скалистой горы и

стоять одна надъ другою въ видѣ ступеней огромной лѣстницы. Постройки многихъ домохозяевъ слиты вмѣстѣ и представляютъ собою какъ бы одно цѣлое. Онѣ раздѣлены между собою только естественными препятствіями, какъ, напр.: нависшими скалами, горными ручьями и т. п. У каждаго домохозяина имѣются стѣдующія постройки: сакля, сарай или конюшня и сѣноваль. Обыкновенно внизу устраивается сарай или сарай и конюшня вмѣстѣ. На нихъ, какъ бы во второмъ этажѣ, устроены жилия помѣщенія—одна или двѣ сакли съ галлереей, обращенной на востокъ. Надъ саклей устраивается сѣноваль. Очагъ—посреди сакли или у стѣны. Въ послѣднемъ случаѣ устраивается дымарь. По стѣнамъ висятъ кухонная и домашняя посуда и разные домашніе предметы. У стѣнъ на земляномъ или каменномъ полу простланы войлочные полсти, на которыхъ спятъ. Подушекъ нѣтъ.

Изъ Ботлиха я поѣхалъ верхомъ на лошади по горнымъ тропамъ вдоль р. Андійское Коису черезъ селенія Агвали, Цумада, Эчеда, Инхокоры, Контляда, Сантляда, Хварши, Ханакъ и достигъ дидойскаго селенія Шантль.

Но прежде нѣсколько словъ о горныхъ путяхъ въ Андійскомъ округѣ.

Путей, въ собственномъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ. Единственные пути сообщенія—это узкія горныя тропинки, которыя очень часто такъ плохо замѣтны среди нагроможденныхъ въ безпорядкѣ каменныхъ глыбъ, что даже самые опытные проводники нерѣдко сбиваются съ дороги и долго блуждаютъ по однообразнымъ ущельямъ или горамъ. Обыкновенно тропинка идетъ зигзагами, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ по крутымъ, почти отвѣснымъ склонамъ скалистыхъ горъ или вдоль рѣкъ и рѣчекъ, которыя глубоко въ ущельѣ съ дикимъ ревомъ перебрасываютъ свои воды черезъ огромные камни. Въ среднемъ тропинки бываютъ около 0,50^м шириною; иногда онѣ суживаются до 0,20^м, такъ что на нихъ еле помѣщаются копыта лошади. Особенно узки тропинки на крутыхъ, почти отвѣсныхъ скалистыхъ склонахъ, гдѣ онѣ представляютъ собою незначительную зазубрину, расположенную на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ дномъ ущелья или рѣки. По берегу Андійскаго Коису, прорѣзывающаго высокія горы со снѣжными вершинами, тропинки по мѣстамъ устроены такъ: въ отвѣсные скалистые склоны горы горизонтально кое-какъ вбиты деревянные колышки, на которые положены каменные плиты,—и тропинка готова. Это—самыя опасныя тропинки: полусгнившіе колышки шатаются подъ тяжестью лошади и всадника, каменные плиты разѣзжаются и образуютъ дыры, а между тѣмъ, съ одной стороны высятся гладкая, какъ полированная, каменная стѣна, а съ другой—зіяетъ пропасть, въ которой не видно дна. Надо обладать смѣлостью горца, чтобы спокойно проѣхать по такимъ тропинкамъ. Не менѣе опасны тропинки, ведущія черезъ снѣжныя вершины горъ.

ныхъ хребтовъ, напр., черезъ Бочогъ. Тутъ тропинка правильными изгибами поднимается вверхъ по чрезвычайно крутому склону горы, покрытому мелкимъ шифернымъ камнемъ. Ноги лошади погружаются по щиколотки въ шиферъ, который отъ движенія непрерывно обсыпается внизъ и уничтожаетъ тропинку. По мѣстамъ преграждаютъ путь потоки воды или оползни льда. Вы поднимаетесь 5—6 часовъ, ледяные оползни все увеличиваются и, наконецъ, залегаютъ сплошной массой. Ноги лошади скользятъ по льду. Вы сходите съ лошади, пускаете ее свободно, а сами карабкаетесь по ледникамъ, цѣпляясь руками за острые скалы. Хорошо, если васъ не захватилъ гроза на вершинѣ горы,—вы можете спускаться внизъ; въ противномъ случаѣ вамъ придется долгое время оставаться на четырехверстной высотѣ подъ проливнымъ дождемъ, такъ какъ каскады воды, низвергаясь съ горы, разрушаютъ всѣ тропинки. Таковы тропинки Ункратль-Дидоевскаго участка Андійскаго округа въ юлѣ и августѣ мѣсяцахъ. Въ другое же время года страна Цунталь, какъ ее называютъ мѣстные жители, почти совершенно недоступна. Зимой снѣгъ покрываетъ всѣ тропинки и набивается въ ущелья въ десятки метровъ глубиной. Проѣхать по снѣгу нѣтъ никакой возможности. Весною и вплоть до половины іюня отъ таянія снѣговъ съ горъ льются потоки воды и разрушаютъ всѣ тропинки. Осенью, когда идутъ частые дожди, происходитъ то же явленіе. Правда, черезъ нѣкоторые горные ручьи и ущелья переброшены мостики; по эти мостики—такія жидкія сооруженія, которыя какъ бы нарочно сдѣланы для того, чтобы подъ ними погибали проѣзжающіе. По словамъ мѣстныхъ жителей, больше всего бываетъ несчастныхъ случаевъ при переѣздѣ черезъ мостики и на тропинкахъ, устроенныхъ на колышкахъ.

Климатическія условія Андійскаго округа—самыя разнообразныя. Во всякомъ случаѣ, въ виду того, что страна лежитъ высоко надъ уровнемъ моря, здѣсь бываютъ зимою довольно большіе морозы и глубокіе снѣга. Лѣтомъ днемъ очень жарко, а ночью до того холодно, что иногда замерзаетъ вода. Въ ущельяхъ очень жарко и никогда не бываетъ зимы. Въ нихъ зимой пасутся стада рогатаго скота, овецъ и лошадей.

Зимой часто падаетъ снѣгъ, а лѣтомъ почти ежедневно бываютъ грозы и сильные ливни. Словомъ, климатъ округа можно считать умѣреннымъ, сырмъ и нездоровымъ.

Не даромъ говорятъ, что на Кавказѣ почти каждое горное ущелье населяетъ особый народъ. Особенно много такихъ небольшихъ народностей въ Дагестанской области. Въ одномъ Андійскомъ округѣ въ числѣ 50.000 ж. об. н. заключается болѣе 13 различныхъ народностей, имѣющихъ свой особый языкъ, свои обычаи и вообще свои особыя бытовыя черты. Здѣсь живутъ андійцы или куанналы, каратинцы, ахвахцы или садакилнду, багулалыцы, идерицы или тиндалыцы (бо-

госѣ то жѣ), чамалальцы, ботлихцы, дидои или цунта, хваршинцы, аварцы, годоберипцы, чеченцы, капучинцы и гинухцы, какъ они сами себя называютъ.

Не имѣя собственнаго общаго названія, всѣ эти народности, кромѣ чеченцевъ, извѣстны подъ именемъ лезгинъ или горцевъ. Слово „лезгинъ“ самими народностями, извѣстными намъ подъ этимъ именемъ, не употребляется; имъ обозначаютъ горское населеніе Дагестана грузины и кумыки, отъ которыхъ оно усвоено и русскими. Подобно тому какъ словомъ лезгинъ обозначали горцевъ вообще, кумыки, а отъ нихъ и русскіе, горцевъ Сѣвернаго Дагестана называли тавлинцами. И то, и другое названіе чуждо народностямъ, которымъ оно дается.

Перечисленныя народности относятся къ четыремъ группамъ: чеченской, аварской, андійской и дидойской. Дидойскую группу составляютъ собственно дидои, хваршинцы, капучинцы и гинухцы.

Дидои (дидо, цези то жѣ) сами себя называютъ цунта или цунталь по названію занимаемой мѣстности Цунта или Цунталь. Самая мѣстность, вѣроятно, получила названіе отъ протекающей здѣсь рѣки Цунта-дариль, главнаго притока Андійскаго Койсу. Впрочемъ, на мой вопросъ, какъ называется эта рѣка, дидои отвѣтили: „Цунта-Койсѹ“.

Страна Цунталь занимаетъ югозападную часть Андійскаго округа по верховью р. Андійское Койсу и ея притокамъ. Вся страна Цунталь, окруженная горными хребтами, вершины которыхъ покрыты вѣчными снѣгами, представляетъ собою также сплошныя горы, нагроможденные въ безпорядкѣ одна на другую. Горы Цунталь въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ голыхъ, лишенныхъ всякой растительности скалъ. Только на нѣкоторыхъ невысокихъ горахъ и по ущельямъ, а также на сѣверныхъ склонахъ имѣются деревья и травяной покровъ. Цунталь окружаютъ горныя хребты: съ юга Главный Кавказскій хребетъ отдѣляетъ отъ Кахетин, на востокъ тянется Богосскій и Мичитлскій хребты по границѣ Гуннбскаго округа; съ сѣверозапада нагромождены отроги Пирикительскаго хребта. Благодаря этому страна Цунталь почти круглый годъ остается совершенно замкнутой. Зимой снѣгомъ заносятся всѣ тропинки и ущелья, и жители часто лишены возможности даже выйти изъ селенія. Весною, когда таютъ снѣга, пути отрѣзываютъ бурныя горныя рѣчки, которыя съ такой силой мчатъ свои воды, что уносятъ даже довольно тяжелые камни. Лѣтомъ частыя грозы и ливни, а осенью постоянные дожди разрушаютъ горныя тропы и дѣлаютъ эту страну недоступною.

Дидо, дидои, Цунта, цунталь или цеза, какъ ихъ называютъ въ литературѣ, заселяютъ такъ называемый мѣстными жителями Цунталь, т.-е. нагорную часть Дагестана по бассейну верховьевъ р. Андійскаго Койсу. Дидо или дидоями называли ихъ ближайшіе сосѣди, грузины. Грузинское названіе перешло и въ литературу, такъ какъ старѣйшія указанія на эту народность имѣются у грузинскихъ писа-

телей. Восточные сосѣди дидоевъ называютъ ихъ цеза, что на аварскомъ языкѣ означаетъ люди. Сами себя дидон называютъ цунталъ или цунта. Дидоевъ по послѣднимъ свѣдѣнiямъ насчитываютъ 5.340 чело-вѣкъ. Они живутъ въ 36 селенiяхъ, составляющихъ 9 обществъ. Въ административномъ отношенiи дидон, за исключенiемъ Тляратни-скаго селенiя, которое относится къ Гумбетовскому участку, входятъ въ составъ Ункратль-дидойскаго участка Андiйскаго округа Дагестан-ской области. Страна Цунталъ лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и представляетъ собою горную мѣстность, въ которой скалистые отроги сосѣднихъ горныхъ хребтовъ переплелись между собою по всѣмъ направленiямъ и нагромодили въ полномъ безпорядкѣ одна на дру-гую огромныя каменные глыбы, поднимающiяся въ высоту за линiю вѣчнаго снѣга. Могучiе потоки воды образовали множество ущелий и непроходимыхъ пропастей, по дну которыхъ протекають быстрыя гор-ныя рѣки и рѣчки. Иногда эти рѣчки скрываются подъ горой или падаютъ со скалъ и образуютъ водопады. По ущелью на пути изъ селенiя Хуиро къ Кадорскому перевалу одна изъ такихъ горныхъ рѣчекъ образуетъ паденiе воды съ высоты около версты. Таковы при-токи Андiйскаго Кофису, прорѣзывающаго на всемъ своемъ пути огром-ныя горы.

Въ такой-то дикой и недоступной странѣ съ давнихъ поръ по-селились дидон. Дидон, по своей малочисленности и бѣдности страны, не имѣли самостоятельнаго государственнаго устройства. Они входили въ составъ Грузинскаго царства. Затѣмъ, во время Шамиля, храбрые дидон являлись его лучшими воинами.

Дидон исповѣдуютъ магометанство и говорятъ на особомъ языкѣ, который еще мало изученъ. Мною записано много дидойскихъ словъ, перечень которыхъ приложенъ въ концѣ статьи.

Селенiя обыкновенно расположены въ ущельѣ немного выше его дна на высотѣ около 15—40^m и непременно на солнечной сторонѣ склона горы. Почти всегда по дну ущелья, гдѣ расположено селенiе, протекаетъ горная рѣчка или ручей. Иногда воду изъ рѣчекъ, ручьевъ или горныхъ ключей искусственно направляютъ по узкой канавкѣ въ селенiе. Выше надъ селенiемъ такая канавка разбивается на рукава и доставляетъ воду почти въ самое жилище. Часто можно видѣть, какъ вода льется изъ такой канавки въ деревянный жолобъ, поло-женный на крышѣ жилища, и служить для домашняго употребленiя, для орошенiя почвы и даже для вращенiя жернова маленькой мель-ницы самаго примитивнаго устройства. Постройки, такъ сказать, при-лѣплены къ очень крутому склону и расположены не по ширинѣ, а вверхъ въ видѣ гигантской лѣстницы. Добраться со дна ущелья до селенiя, вслѣдствiе крутизны склона горы, нѣтъ никакой возможности. Обыкновенно въ селенiе ведетъ зигзагообразная узкая тропа, высѣ-ченная въ крутомъ склонѣ горы и защищенная утесами и огромными

камнями. Дѣлають такъ для того, чтобы легко было защищаться отъ непріятеля и преградить ему доступъ въ селеніе. Почти сплошь и рядомъ, поднявшись на гору, видишь селеніе въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, но, чтобы добраться до такого селенія, надо употребить 2—3 часа самаго труднаго пути: надо сдѣлать множество поворотовъ и объѣздовъ, надо нѣсколько разъ то спуститься почти на дно ущелья, то опять подняться на гору, то пройти сквозь узкую трещину между скалами. Селеніе откроется взору только на разстояніи десятка метровъ, причемъ у самаго селенія приходится почти постоянно подниматься по очень крутому склону горы, предъ которымъ останавливаются даже привычныя горскія лошади. Такіе крутые подъемы сохраняются теперь еще по традиціи, когда они были необходимы, чтобы сдѣлать аулъ недоступнымъ для неожиданнаго нападенія врага.

Всѣ жилия и служебныя постройки возводятся изъ камня-плитняка, который ломается изъ горъ тутъ же на мѣстѣ. Камень имѣетъ видъ тесаныхъ плитъ. Камни плотно складываются, и щели замазываются мокрой землей, въ которой много глины.

Почти всегда при возведеніи стѣнъ, а особенно столбовъ, изрѣдка между камнями кладутъ деревянныя связи: камни вдавливаются въ дерево и не расползаются въ стороны.

Изъ построекъ у дидоевъ имѣются: видкѹ—жилое помѣщеніе, речу—конюшня или сарай, оц—навѣсь. Кромѣ того, иногда устраиваютъ ботли—кладовую или амбаръ и лагонэ—сарай на дрова. Обыкновенно постройки располагаются такъ: внизу—сарай, на немъ—жилое помѣщеніе, а выше—сѣноваль. Видкѹ имѣетъ прямоугольную форму; длина 7—8 арш., шир. 6—7 арш., высота 4—5 арш. Стѣны сложены изъ каменныхъ плитъ безъ цемента, внутри обмазаны глиной или просто землей. Полъ—земляной. Съ южной стороны—крытая галлерей съ деревянными столбиками. Дверь—небольшая. Окна—квадратныя, но въ нихъ вставлены доски, въ которыхъ для свѣта прорѣзаны круглыя дырки около 0,25^м въ діаметрѣ. Кромѣ этихъ оконъ, въ стѣнѣ имѣются маленькія окна-щели для стрѣлянія въ непріятеля и въ крышѣ неправильной формы дыры со стеклами для пропуска свѣта.

На стѣны горизонтально кладутъ 5—6 балокъ. На балки настилають хворостъ или прутья. Затѣмъ все это покрывается травой или берестой, мостится тонкими каменными плитами и засыпается пескомъ. Песокъ утрамбовывается каменнымъ каткомъ. Въ старинныхъ видкѹ ставили еще толстый каменный столбъ, который поддерживалъ главную толстую балку. Посрединѣ въ крышѣ сдѣлано отверстіе для дыма. Иногда это отверстіе на крышѣ обложено и покрыто каменными плитами. Подъ дымовымъ отверстіемъ подвѣшена цѣпь съ желѣзной рѣшеткой, на которую кладутъ каменную плиту. Подъ цѣпью—очагъ, представляющій собою небольшое углубленіе въ полу. Возлѣ очага

самое почетное мѣсто. У стѣнъ—узкія скамьи, покрытыя войлокомъ. Это—кровати для сна. Подушекъ нѣтъ. Вся посуда и вообще вещи висятъ на стѣнахъ.

Видкѣ очень напоминаетъ горную пещеру, отъ которой она произошла.

Дидои занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, охотой, рыбной ловлей и отчасти ремеслами. Земледѣліе находится въ крайне плохомъ состояніи. Поля,—если такъ можно назвать полями маленькіе клочки земли въ 1^м шириною и нѣсколько метровъ длиною, разбросанные между скалами на крутыхъ склонахъ горъ,—обрабатываются исключительно женщинами посредствомъ мотыки. На поляхъ сѣютъ пшеницу, ячмень, овесъ и изрѣдка ленъ. Пашни сильно страдаютъ отъ засухи. Яркіе лучи солнца въ нѣсколько дней превращаютъ въ паръ всю влагу почвы, и растенія погибаютъ. Съ другой стороны, отъ сильныхъ дождей съ горъ льются могучіе потоки воды, размываютъ тонкій слой почвы и уносятъ какъ землю, такъ и растенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ поля орошаютъ искусственно посредствомъ сѣти канавъ, проводящихъ воду изъ рѣкъ, ручьевъ и ключей. Черезъ расщелины и узкія ущелья перекидываютъ деревянные жолоба, по которымъ свободно протекаетъ вода. Канавки обыкновенно обкладываютъ камнями и покрываютъ иногда каменными плитами, чтобы защитить воду отъ палящихъ лучей жаркаго южнаго солнца. Такія канавы, вмѣстѣ съ тѣмъ, проводятъ воду на небольшія мельницы самаго примитивнаго устройства. Вслѣдствіе того, что въ странѣ Цупталъ, загроможденной въ безпорядкѣ высокими скалистыми горами, господствуютъ самыя разнообразныя климатическія условія, полевые работы производятся даже въ сосѣднихъ селеніяхъ въ разное время. Въ глубокихъ ущельяхъ, по южнымъ склонамъ, работы начинаются очень рано и оканчиваются въ половинѣ іюня, тогда какъ на сѣверныхъ склонахъ или на террасахъ, приподнятыхъ высоко надъ уровнемъ моря, полевые хлѣба зеленѣютъ до глубокой осени. Пашни расположены вблизи селеній. Поля удобряютъ навозомъ, который доставляютъ въ особыхъ корзинахъ, навьючивая ихъ на лошадей или ословъ или же перенося на себѣ. Какъ было замѣчено выше, всѣ полевые работы производятся женщинами. Женщины устраиваютъ искусственное орошеніе, очищаютъ клочки земли отъ камней или кустарниковъ, разрыхляютъ желѣзной мотыкой почву, сѣютъ сѣмена, боронятъ пашню лопатою или мотыкой, выпалываютъ сорныя травы, которыя на себѣ переносятъ въ селеніе и сунятъ на крышахъ строеній, заготовляя такимъ образомъ на зиму запасы сѣна. Женщины же жнутъ и собираютъ съ полей хлѣба, переносятъ ихъ домой и тамъ обмолачиваютъ. Малорослые хлѣба онѣ руками выдергиваютъ съ корнемъ, а хорошіе жнутъ серпомъ. Обмолачиваютъ, гоняя по снопамъ лошадей или таская лошадьми же толстую широкую доску, въ которую снизу набиты короткіе камен-

ные зубья. Для увеличенія тяжести жерновъ сама становится на эту доску и управляетъ лошадьми. Вѣютъ хлѣбъ подбрасывая его въ особомъ двойномъ корытѣ; затѣмъ, очищаютъ отъ мелкихъ камней, посредствомъ промыванія зерна въ водѣ. Сушатъ хлѣбъ на солнцѣ, разсыпая его на крышахъ построекъ. Просушенное зерно размалываютъ на каменной плитѣ, вращая сверху жерновъ, или на водяныхъ мельницахъ. Заготовленная такимъ образомъ мука хранится въ кожаныхъ мѣшкахъ, подвѣшенныхъ подъ крышей, или въ деревянной посудѣ. Хлѣбъ родится въ такомъ маломъ количествѣ, что при ежедневномъ употребленіи его не хватило бы и на одинъ мѣсяцъ. Но дидои хранятъ хлѣбъ только для дѣтей и дорогихъ и почетныхъ гостей. Впрочемъ, довольно часто бываютъ такіе неурожайные годы, въ которые истощается весь хлѣбъ не только въ томъ или иномъ селеніи, но даже во всемъ округѣ. Между тѣмъ, привезти хлѣбъ или иные съѣстные продукты изъ сосѣднихъ округовъ по мѣстнымъ дорогамъ не представляется никакой возможности.

Скотоводство является у дидоевъ, какъ почти и у всѣхъ горскихъ племенъ Дагестана, главнѣйшимъ источникомъ существованія. Трудно себѣ представить, какъ могли бы жить люди безъ лошадей и овецъ среди пустынныхъ скалистыхъ горъ. Лошади являются почти единственнымъ средствомъ передвиженія и перевозки тяжестей, а овцы даютъ пищевые продукты и предметы одежды, обуви и головныхъ уборовъ. Другія домашнія животныя уже менѣе необходимы для горцевъ. Кромѣ лошадей и овецъ, дидои разводятъ ословъ, козъ, коровъ и изрѣдка буйволовъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ разводятъ много ословъ, на которыхъ перевозятъ всѣ тяжести. Мѣстные ослы тѣмъ хороши, что они довольствуются крайне скудной пищей и очень хорошо ходятъ по самымъ узкимъ, крутымъ и опаснымъ горнымъ тропамъ. Козы также неразборчивы въ пищу и добываютъ ее даже въ разсѣлинахъ скалъ, на недоступныхъ для человѣка горныхъ вершинахъ. Козье молоко употребляется въ пищу и идетъ на изготовленіе мѣстнаго довольно вкуснаго сыра. Изъ козьей шерсти изготовляютъ обувь, канаты и т. п.; мясо козъ употребляютъ въ пищу, а изъ шкуръ шьютъ одежду, дѣлаютъ бурдюки, сумки и пр. Козьи рога идутъ на вѣшалки или на изготовленіе ручекъ для ножей и кинжаловъ. Коровъ держатъ очень мало: по одной или по двѣ на хозяйство, да и то не въ каждомъ селеніи. Быковъ оставляютъ только племенныхъ. Коровъ больше въ тѣхъ селеніяхъ, возлѣ которыхъ имѣются хорошія пастбища и сѣнокосы. Последніе попадаются въ горахъ довольно рѣдко. Рогатый скотъ здѣсь мелкой породы. Коровы безъ теленка не даютъ молока. Больше всего разводятъ овецъ съ большими жирными хвостами (курдюки). Изрѣдка попадаются и другой породы — тонкорунныя овцы. Но больше всего у дидоевъ цѣнятся порода овецъ съ короткой и тонкой рыжей шерстью. Изъ овчинъ барашковъ этой породы дѣлаютъ дорогія шапки,

которыя на Кавказѣ цѣнятся до 25 руб. и болѣе штука. Зажиточные домохозяева имѣютъ нѣсколько сотъ овецъ, которыя круглый годъ пасутся въ горахъ. Впрочемъ, съ 1872 г., когда у дидоевъ отняли въ казну почти всѣ горы, покрытыя лѣсомъ и травой, овцеводство здѣсь пало до минимума, а вмѣстѣ съ тѣмъ, за немѣниемъ достаточнаго количества пищи, начало уменьшаться и народонаселеніе.

Пчеловодство у дидоевъ находится въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и земледѣліе. Пчеловодствомъ занимаются исключительно мужчины. Дикія пчелы водятся на Кавказѣ въ дуплахъ деревьевъ и на горахъ въ скважинахъ между камнями. Дидои отыскиваютъ по лѣсамъ бортни и въ горахъ пчелиныя гнѣзда и собираютъ всѣ соты, уничтожая пчелъ. Не довольствуясь такимъ варварскимъ роебойнымъ способомъ добыванія меда, нѣкоторые дидои разводятъ домашнихъ пчелъ и изготовляютъ для нихъ дуплянки—бортни. Дуплянка представляетъ собою древесный стволъ около 1,2^м длиною, 0,4^м въ діаметрѣ. Стволъ раскалывается по длинѣ пополамъ. Въ этихъ половинкахъ выдалбливается помѣщеніе для пчелинаго гнѣзда. Въ одномъ концѣ ствола продѣлываются двѣ дырочки—летокъ. Затѣмъ, половинки ствола складываются вмѣстѣ, и бортъ готова. Въ дуплянки кладутъ немного меда, чтобы приманить пчелиный рой, и помѣщаютъ въ горизонтальномъ положеніи на сѣновалѣ подъ крышей, обращая леткомъ на солнечную сторону. Въ такія дуплянки охотно входитъ рой пчелъ. Для добыванія меда въ дуплянкѣ снимаютъ только верхнюю половинку, вынимаютъ соты и опять закрываютъ. На зиму дуплянки окутываются сѣномъ или соломой. Этимъ и ограничивается весь уходъ за пчелами. Дидойскіе бортники не ловятъ пчелиной матки, а если поймаютъ рой пчелъ, то помѣщаютъ его въ дуплянку безъ всякихъ предосторожностей противъ его ухода.

Медъ употребляется въ пищу въ сыромъ видѣ и входитъ составною частью во многія кушанья. Особенно любимымъ кушаньемъ считается у дидоевъ толокно, мѣшанное съ медомъ въ видѣ густой массы.

Звѣроловство у дидоевъ не составляетъ особаго промысла. Охотятся на звѣрей во всякое время при удобномъ случаѣ. Горныя лѣса обилуютъ дичью. Здѣсь водятся медвѣди, волки, лисцы, барсуки, олени, серны, туры, горныя козлы, рыси и др. Дидой отправляется въ лѣсъ не на охоту, а по инымъ надобностямъ и беретъ съ собою ружье. Большинство ружей у дидоевъ еще кремневой системы очень плохого качества. За ружье центральнаго боя здѣсь охотно отдають пару лучшихъ лошадей. Но такія ружья среди дидоевъ—большая рѣдкость. Во всякомъ случаѣ дидой изъ самаго плохого кремневаго ружья сумѣетъ однимъ выстрѣломъ уложить на мѣстѣ большого и сильнаго медвѣдя. Для этой цѣли здѣшніе охотники разрѣзываютъ накрестъ конецъ пули, которая при ударѣ разрывается и наноситъ звѣрю смер-

тельную рану. Съ убитыхъ звѣрей въ большинствѣ случаевъ снимаютъ только шкуру, а мясо оставляютъ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что не всегда является возможнымъ доставить убитое животное черезъ горы въ селеніе. Съ другой стороны, по магометанскому закону, при убиваніи тѣхъ животныхъ, мясо которыхъ употребляется въ пищу, надлежитъ соблюдать положенныя правила, что не всегда возможно на охотѣ. Поэтому, занятіе звѣроловствомъ доставляетъ дидоюмъ самыя незначительныя выгоды, хотя, какъ было сказано, дичи здѣсь очень много. Въ дидойскихъ селеніяхъ часто можно видѣть множество роговъ оленей и горныхъ козловъ. Эти рога, въ видѣ трофеевъ, украшаютъ жилища снаружн и внутри. Въ селеніи Кидеро у одного охотника мною найдено пять медвѣжьихъ шкуръ и около 20 паръ роговъ оленей, туровъ и горныхъ козловъ.

Рыболовство развито у дидоевъ еще менѣе, чѣмъ звѣроловство. Въ горныхъ рѣкахъ преимущественно водится форель, ловить которую довольно трудно. Между тѣмъ, у дидоевъ, кромѣ сплетенной изъ прутьевъ конусообразной корзины, иныхъ рыболовныхъ снастей нѣтъ.

Птицеводство почти совсѣмъ не существуетъ, если не считать того, что нѣкоторые домохозяева имѣютъ домашнихъ куръ и голубей.

Лѣсной промыселъ ограничивается лишь рубкой деревьевъ на дрова и на нныя надобности хозяйственнаго обихода. За неимѣніемъ сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія всѣ лѣсныя богатства страны Цунталь погибаютъ даромъ.

Ремесла у дидоевъ до того слабо развиты, что объ этой сторонѣ народнаго производства трудно сказать что-либо положительное. Достаточно замѣтить, что ткацкій станокъ у нихъ—самаго примитивнаго устройства: основа—въ вертикальномъ положеніи. Тканей изготовляютъ очень мало. Женщины прядутъ нитки только изъ овечьей шерсти,—прядутъ безъ прялки слѣдующимъ образомъ: клубъ шерсти помещается въ лѣвой рукѣ, а веретено—въ правой, причемъ нижній конецъ веретена стоитъ въ каменной или деревянной чашечкѣ.

Изъ шерстяныхъ нитокъ вяжутъ на спицахъ чулки и сапоги. Шерстяныя же нитки употребляются для шитья и иныхъ надобностей.

Вмѣсто ткацкаго домашняго сукна, здѣсь изготовляютъ войлокъ изъ бѣлой волны. Войлоки употребляются вмѣсто ковровъ, одѣялъ, простынь и т. п.; изъ войлоковъ шьютъ верхнюю одежду съ рукавами и безъ рукавовъ. Словомъ, до послѣдняго времени всю одежду, а въ томъ числѣ и бѣлье, изготовляли изъ шкуръ или войлока, сшивая ихъ ремешками или шерстяными нитками. Теперь начинается входить въ употребленіе привозный ситецъ бѣлаго, чернаго, краснаго и синяго цвѣтовъ, а также фабричное и домашнее сукна. Послѣднее доставляется изъ Бежиты и изъ другихъ селеній сосѣднихъ народностей.

Повсюду у дидоевъ занимаются выдѣлкой кожъ и дубленіемъ овчинъ. Производятся работы по выдѣлкѣ кожъ ручнымъ способомъ

при помощи самых примитивных орудій. Такъ, напр., кожи очищаютъ отъ жира и остатковъ мяса коровьимъ или бараньимъ рогомъ. Ремни, которыми увязываютъ вьюки, приготавливаютъ изъ оленьей кожи, причемъ кожу, безъ всякой выдѣлки, пропитываютъ только жиромъ. Больше тщательно выдѣлываютъ кожи, изъ которыхъ изготовляютъ пояса, ремни для ружья и лошадиную сбрую. Овчины выдѣлываются крайне плохо, нечисто, но хорошо смазываются жиромъ, что предохраняетъ ихъ отъ вреднаго вліянія воды. Только овчины съ барашкомъ выдѣлываются хорошо и идутъ на папахи. Надо замѣтить, что у дидоевъ на головной уборъ обращаютъ очень много вниманія. Можно носить лохмотья или только клочки одежды, но нельзя показаться другимъ безъ головного убора или безъ кинжала. Здѣсь можно видѣть красивыя и дорогія папахи. На ряду съ оружіемъ и сбруей, папахи украшаютъ стѣны сакли.

Одежда дидоевъ отличается простотой. Мужчины зимой и лѣтомъ неизмѣнно носятъ короткую рубашку и узкіе штаны изъ овчины. Штанины вправляютъ въ короткіе вязанные въ узоры шерстяные сапоги. Сверху набрасываютъ въ опашку полушубокъ съ большимъ воротникомъ и длинными рукавами, достигающими до подола, или безъ рукавовъ. Въ дождливую погоду полушубокъ выворачиваютъ шерстью наружу. Теперь лѣтомъ начинаютъ уже носить коленкоровые рубаху и штаны. Днемъ на голову надѣваютъ папаху, а ночью—тюбетейку. Если къ этому прибавить кожаный поясъ, на которомъ неизмѣнно виситъ солидныхъ размѣровъ кинжалъ, то и получится весь костюмъ дидоя. Женщины носятъ длинную почти до земли овчинную рубаху съ широкими рукавами, узкіе овчинные штаны, штанины которыхъ вправляются въ длинныя голенища вязаныхъ шерстяныхъ сапогъ съ тупыми носками, головной уборъ, украшенный серебромъ, и широкій поясъ, концы котораго висятъ почти до земли. Рубаху и штаны теперь шьютъ уже изъ кумача и коленкора. Обыкновенно рубаха бываетъ черная съ широкой красной каймой у подола. Поясъ—красный. Женщины и дѣти носятъ много украшеній и амулетовъ и талисмановъ на груди и на головѣ. Огромныя серьги рѣдко вдѣваются въ уши; онѣ пришиты къ головному убору такъ, что висятъ возлѣ ушей. Теплой зимней одежды у женщинъ и дѣтей нѣтъ, такъ какъ имъ зимой все время приходится сидѣть дома.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ нагрудныя женскія украшенія въ видѣ ажурныхъ пластинокъ различной формы. Въ настоящее время эти украшенія замѣняются новыми, но старинныхъ еще много можно найти въ мусорѣ старинныхъ жилищъ или спрятанными въ ящикахъ. Прежде, по словамъ мѣстныхъ жителей, здѣшнія женщины носили на головномъ уборѣ височныя кольца, теперь вышедшія изъ употребленія. Нынѣ такія кольца носятъ андійскія женщины. Мужчины носятъ кольца-талисманы на большомъ пальцѣ правой руки.

Можетъ-быть, это—пережитокъ тѣхъ колець, которыя употреблялись для натягиванія тетивы.

Несмотря на то, что скотоводство является главнѣйшимъ источникомъ жизни горцевъ, сѣнокошеніемъ дидон не занимаются, да здѣсь и нѣтъ луговъ. Лишь женщины жнутъ серпомъ по склонамъ горъ и между скалами траву и полевые злаки и складываютъ въ кучки вышиною въ ростъ человѣка, издали кажушіяся пнями или высокими кочками. Затѣмъ женщины связываютъ траву въ вязанки, которыя переносятъ на плечахъ въ селеніе и разбрасываютъ на крышахъ или въ видѣ гирляндъ свѣшиваютъ съ крышъ. Необыкновенно красиво выглядятъ своеобразныя дидойскія постройки, опоясанныя галлерейками, когда онѣ убраны гирляндами зелени, пестрѣющей яркими цвѣтами. Трава быстро сохнетъ подъ палящими лучами дагестанскаго солнца и даетъ зеленое душистое сѣно. Само собою разумѣется, что такимъ способомъ заготавливаютъ очень немного сѣна, котораго хватаетъ только для рабочихъ лошадей. Весь же крупный и мелкій рогатый скотъ и лошади всю зиму и лѣто пасутся въ горахъ.

Кладбища бываютъ возлѣ селенія. Надъ могилами ставятъ надгробныя памятники, въ большинствѣ случаевъ представляющіе собою каменную плиту около 1^м вышиною. На такихъ плитахъ, поставленныхъ вертикально, дѣлаютъ надпись на арабскомъ языкѣ, а также означаютъ имя и качества умершаго. Содержаніе надписей заимствуютъ изъ корана.

Умершихъ въ пути, въ горахъ тамъ же и хоронятъ. Если это знатныя лица, то надъ ихъ могилой ставятъ сложенные изъ камней памятники въ видѣ четырехгранной призмы съ пирамидой вверху. Проѣзжающіе мимо такихъ памятниковъ путники останавливаются, сходятъ съ лошадей и совершаютъ молитву. По горнымъ тропамъ памятники попадаются довольно часто. Проводники, какъ плохіе психологи, то и дѣло указываютъ на мѣста, гдѣ погибли путешественники. Мнѣ не легко было запретить переводчику и проводникамъ не рассказывать мнѣ ничего о несчастныхъ случаяхъ, чтобы у меня не являлось представленія о большихъ опасностяхъ пути.

Когда въ дидойское селеніе пріѣзжаетъ кто-либо изъ начальниковъ или вообще посторонній господинъ, то дидон, при содѣйствіи еффенди, сочиняютъ привѣтственную рѣчь на арабскомъ языкѣ и записываютъ ее на бумагѣ или на каменной плиткѣ; затѣмъ передаютъ мальчуганамъ, и тѣ преподносятъ бумагу или каменную плитку пріѣзжимъ, въ ожиданіи отъ нихъ подарковъ. Хотя, по распоряженію начальника округа, старшины и запрещаютъ дѣлать подобныя приношенія, какъ стѣснительныя для пріѣзжихъ, но, тѣмъ не менѣе, мальчишки,—конечно, съ вѣдома взрослыхъ,—при всякомъ удобномъ случаѣ изъ-за угла суютъ въ руки бумажки или каменные плитки съ привѣтственной рѣчью.

Въ другое время ребятинки убѣгаютъ, прячутся отъ постороннихъ, а при неожиданной встрѣчѣ, окрысившись подобно котятамъ, плюютъ на проходящихъ и жестами выражаютъ нѣчто въ родѣ презрѣнія.

Въ дидойскомъ лексиконѣ нѣтъ бранныхъ словъ. Дидои не любятъ плоскихъ шутокъ, цензурныхъ намековъ и вообще порнографическихъ выраженій. Они отличаются необыкновенной скромностью и въ этомъ отношеніи превосходятъ даже высоко культурные народы. Среди дидоевъ поддерживается необыкновенная чистота нравовъ. Нарушеніе супружеской вѣрности—небывалое у нихъ явленіе. Точно такъ же здѣсь не было случая рожденія внѣбрачныхъ дѣтей.

Изъ преступленій преобладаютъ смертоубійство, пораненія, побой и увѣчья, а также оскорбленіе женщинъ, увозъ и прелюбодѣяніе; изъ проступковъ—кражи, мошенничества и обманы. Всѣхъ осужденныхъ на 1.000 душъ населенія приходилось въ 1902 г. по Андійскому округу 1,1 чел.¹ Если принять во вниманіе, что смертоубійства совершаются больше всего въ силу обычая кровавой мести, что увозъ женщинъ по народному обычаю не считается преступленіемъ и что къ числу кражъ относятся и такія нарушенія частной собственности, какъ самовольная порубка лѣса и т. п., то дѣйствительныхъ преступленій окажется очень мало. Впрочемъ, въ послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ голодовокъ, здѣсь участились грабежи и разбой.

Хотя дидои знакомы съ приготовленіемъ содержащаго алкоголь напитка, называемаго бузой, но онъ такъ мало употребляется и такъ рѣдко можно его встрѣтить, что дидоевъ безусловно слѣдуетъ зачислить въ разрядъ трезвенниковъ. Изъ одурманивающихъ средствъ здѣсь примѣняется только куреніе табака, да и то среди дидоевъ большое число некурящихъ. Такая похвальная черта характера не можетъ быть поставлена дидоимъ въ особую заслугу. Они не пьютъ спиртныхъ напитковъ и мало курятъ лишь потому, что нѣтъ крѣпкихъ напитковъ и негдѣ добывать табакъ. Когда тѣ же трезвенники-дидои пріѣхали со мною въ Кахетію, то тотчасъ же попали въ духанъ и, какъ непривычные, напились допьяна.

Аталычество у дидоевъ играетъ большую роль. До послѣдняго времени дидои отдають своихъ сыновей на воспитаніе родственникамъ или кунакамъ въ сосѣднее селеніе. Обыкновенно отдають мальчиковъ лѣтъ 4—5-ти. Передъ отправленіемъ на воспитаніе, мальчикамъ на лѣвой рукѣ въ локтевой части дѣлають надпись по-арабски: имя и годъ рожденія по магометанскому лѣтосчисленію. Надписи дѣлають уколами иглы, затѣмъ въ ранки втирають порошокъ и красящія вещества. Надпись сохраняется на всю жизнь.

---

¹ Пользуюсь статистическими данными, приведенными въ Памятной Книжкѣ Дагестанской области, изданной въ 1905 г.

На воспитаніи юноши остаются до возмужалости, т.-е. приблизительно до 17-лѣтняго возраста. Здѣсь они посѣщаютъ особыя школы при мечетяхъ и изучаютъ арабскій языкъ, коранъ и арнеметику.

За все время пребыванія на воспитаніи, юноши никогда не посѣщаютъ родного селенія и не бываютъ въ родительскомъ домѣ. Отецъ изрѣдка или при случаѣ навѣщаетъ своихъ сыновей, причемъ даетъ имъ подарки. Я имѣлъ случай присутствовать, когда отецъ навѣщалъ своего сына, отданнаго въ аталычество изъ дидойскаго селенія Кидеро въ с. Бежиту къ народности хуанналь или капучинцы.

Когда юноша окончить ученіе, его отправляютъ къ отцу. Возвращеніе сына домой обставляется особенной торжественностью. Юношу сопровождаютъ принявшій его отецъ и цѣлая толпа мужчинъ-родственниковъ и пріятелей. Сзади слѣдуетъ цѣлый караванъ скота и другихъ подарковъ, сдѣланныхъ юношѣ. Въ родномъ домѣ юношу торжественно встрѣчаетъ отецъ или заступающій его мѣсто, если отецъ умеръ, и устраиваетъ пиръ. Тутъ юношѣ дѣлаютъ подарки. Дарятъ лошадей, коровъ, стада овецъ, оружіе, сѣдла и т. п. Устраиваются ристалища, джигитовка, танцы, причемъ много стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей. При стрѣльбѣ никогда не обходится безъ несчастныхъ случаевъ: кого ранять, а кого и на смерть убьютъ.

Получивши подарки, юноша женится и обзаводится своимъ домомъ.

Въ дидойскомъ быту слѣдуетъ отмѣтить одинъ обычай, удержавшійся до нашихъ дней. Это—кровомщеніе. Кривавая месть возникаетъ здѣсь иногда по крайне ничтожнымъ причинамъ или, вѣрнѣе, поводамъ, которые, казалось бы, не заслуживаютъ такой развязки. Въ случаѣ возникновенія по тѣмъ или инымъ причинамъ кровавой распри, во взаимномъ истребленіи принимаютъ участіе всѣ родственники, весь родъ одной и другой стороны. Мель продолжается иногда многіе годы; отъ нея погибаютъ не только семьи, но нерѣдко цѣлыя селенія. Насколько у дидоевъ укоренился обычай кровавой мести, свидѣтельствуемъ нижеслѣдующій фактъ, на который обратилъ мое вниманіе въ с. Кидеро дидойскій наибъ Магома Джабуловъ-Оглы. Наибъ Магома указалъ мнѣ на разрушенную часть селенія и пояснилъ, что тамъ жилъ одинъ родъ, который весь погибъ отъ кровавой мести. Еще недавно изъ этого рода оставался единственный его представитель—старикъ лѣтъ шестидесяти. Онъ постоянно сидѣлъ въ саклѣ, никуда не выходилъ и никого не впускалъ къ себѣ, кромѣ малолѣтнихъ дѣтей. Но мстители, не имѣя возможности убить этого старика виѣ сакли, подослали семилѣтнюю дѣвочку. Она свободно ходила къ старику въ саклю. Однажды, когда старикъ уснулъ, дѣвочка-ребенокъ вонзила ему въ шею кинжалъ настолько сильно, что старикъ тогда же

умеръ. Когда распри разгораются между большими родами, то онѣ принимаютъ видъ настоящихъ войнъ, отъ которыхъ сильно уменьшается численность населенія.

Второй бичъ дагестанскихъ горцевъ, истребляющій много людей, — это эпидемическія болѣзни. Отсутствие медицинской помощи, грязь, нечистота, голодовки или неправильное питаніе, самыя отвратительныя гигиеническія условія жилища и одежды — все это благопріятные факторы для распространенія здѣсь эпидемическихъ болѣзней, которыя среди горцевъ принимаютъ грандіозныя размѣры. Мы указали развалины дидойскаго селенія Гутатль, жители котораго всѣ погибли отъ черной оспы. Изъ этого селенія только два человѣка убѣжали во время эпидеміи въ горы къ пастухамъ и тамъ спаслись отъ смерти. По возвращеніи они не осмѣлились заглянуть въ родное селеніе, такъ какъ тамъ валялись разложившіеся трупы людей, а поселились вблизи, немного выше на склонѣ горы и основали нынѣ существующее селеніе Гутатль. Узнавъ о моемъ желаніи осмотрѣть запустѣвшее селеніе, дидои обнаружили такой страхъ, что, не желая приводить ихъ въ смущеніе, я въ то время вынужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, а когда я въ свободный часъ направился къ развалинамъ вымершаго аула, то какъ переводчикъ, такъ и проводникъ отказались слѣдовать за мной, предполагая, что тамъ оспа остается до настоящаго времени, хотя со дня эпидеміи прошло уже около 50 лѣтъ.

Кромѣ эпидемическихъ болѣзней, самыми распространенными здѣсь являются глазныя и гастрическія заболѣванія. Первыя, вѣроятно, зависятъ отъ нечистоты, дыма, ядовитой горной пыли и рѣзкихъ переходовъ отъ тѣни къ сильному свѣту; вторыя — отъ плохого и неравномѣрнаго питанія. Дидои, да и вообще дагестанскіе горцы, то голодаютъ, то чрезмѣрно много сѣдаютъ жирной баранины, безъ хлѣба или какой-либо зелени. Хлѣба нѣтъ во всемъ Андійскомъ округѣ. У дидоевъ чуреки — нѣчто въ родѣ опрѣснотовъ — хранятся у зажиточныхъ домохозяевъ только для приѣма почетныхъ гостей или для самыхъ торжественныхъ случаевъ. Если къ этому прибавить, что во всей странѣ Цунталь нѣтъ ни огородовъ, ни садовъ, то будетъ понятно, что пища дидоевъ слишкомъ однообразна.

Несмотря на бѣдность и отсутствіе пищевыхъ продуктовъ, дидои отличаются гостепріимствомъ и готовы подѣлиться послѣднимъ кускомъ баранины или сыра. Можно смѣло утверждать, что только священный обычай гостепріимства даетъ возможность проникнуть въ эту почти недоступную страну. Гостепріимство и вообще оказаніе всевозможныхъ услугъ гостю являются стариннымъ обычаемъ и нравственнымъ долгомъ каждаго горца. Въ цѣляхъ напоминанія объ обязанностяхъ гостепріимства, снаружи сакли въ стѣны вставляются прямоугольныя каменныя плиты, на которыхъ высѣчены на арабскомъ языкѣ надписи примѣрно нижеслѣдующаго содержанія.

Не изъ гордости или тщеславія, не ради почестей или удобствъ своей жизни построены настоящій домъ, но ради того, чтобы въ немъ принимать высокихъ и дорогихъ гостей и дать имъ удобный отдыхъ послѣ труднаго пути.

Каждый гость, входящій въ этотъ домъ, найдетъ почетный приемъ, полную безопасность, удобство и пріютъ.

Построены этотъ домъ по завѣту предковъ, чтобы принимать высокихъ гостей.

Строитель дома, не ты хозяинъ и владыка настоящаго жилища, а твои высокіе гости.

Господинъ дома, храни твоихъ гостей и служи имъ три дня, пока они не станутъ хозяевами настоящаго дома.

Одинъ Богъ, а Магометъ—пророкъ его. Да хранятъ настоящій домъ.

Пусть гости не проѣзжаютъ мимо этого дома.

Гостепріимство—очень важный обычай у дидоевъ. У нихъ гость является неприкосновенной личностью. Въ защиту гостя дидой охотно положить свою жизнь. Бывали примѣры, когда хозяинъ, защищая гостя—русскаго—отъ нападавшихъ соплеменниковъ, или первый погибалъ или останавливалъ ихъ, страшая местию родственниковъ за свою жизнь. Поэтому, при путешествіи по Дагестану, лучше всего довѣриться хозяину-горцу, какъ въ домъ, такъ и въ пути. Гостемъ считается всякій подорожный человѣкъ, который войдетъ въ домъ. Гость, пробывшій у одного хозяина три дня, уже перестаетъ считаться гостемъ, а становится, смотря по лѣтамъ или знатности, хозяиномъ дома или членомъ семьи. Въ первые три дня хозяинъ и вообще вся его семья оказываютъ гостю всевозможныя услуги, гостепріимство и стоятъ въ его присутствіи. Гостя не оставляютъ въ одиночествѣ ни на одну минуту, развлекаютъ его разговорами, музыкой, пѣніемъ и т. п. Хозяинъ только тогда оставляетъ гостя, когда тотъ ляжетъ спать. Послѣ трехъ дней гость предоставляется самому себѣ, и на него не обращаютъ вниманія,—конечно, если этотъ гость не принадлежитъ къ числу начальствующихъ или иныхъ знатныхъ лицъ.

Дидой при встрѣчѣ привѣтствуютъ другъ друга энергичнымъ взмахомъ правой руки сверху внизъ или произнесеніемъ слова варчамъ, что означаетъ здравствуй. При прощаніи говорятъ: йгичи. Пожатіе руки—тоже очень распространенный обычай. Въ знакъ особенной почести стараются пожать руку.

Гости-мужчины съ женщинами не здороваются посредствомъ пожатія руки, а только говорятъ: варчамъ. Женщины совсѣмъ не привѣтствуютъ встрѣчныхъ мужчинъ. При встрѣчѣ онѣ сходятъ съ дороги въ сторону и оборачиваются къ проходящему спиною. Стоять лицомъ къ проходящему считается крайне неприличнымъ. Такой обычай распространенъ среди горцевъ по всему Дагестану.

Какъ было замѣчено выше, женщины исполняютъ почти всѣ работы въ домашней и хозяйственной жизни: по части изготовленія пищи, одежды, обуви и т. п. Онѣ очищаютъ землю отъ камней, кустарниковъ, корчей и т. п. Носятъ на себѣ въ корзинахъ землю на скалы и такимъ путемъ устраиваютъ пашню. Женщины мотыкой разрыхляютъ почву, удобряютъ навозомъ, сѣютъ, полютъ и собираютъ хлѣба. Словомъ, женщины исполняютъ всѣ работы. Мужчины только пасутъ стада, строятъ сакли, устраиваютъ тропинки, мосты и канавки для орошенія полей. Все остальное свободное время,—а у горцевъ постоянно свободное время,—сидятъ по цѣлымъ днямъ подогнувши ноги, да ведутъ безконечные разговоры. Изъ всѣхъ народовъ, съ какими мнѣ пришлось познакомиться, только еще евреи любятъ говорить такъ много, какъ дидои. Самое пустяшное дѣло или обстоятельство вызываетъ безконечные разговоры, споры и разсужденія. Зато дидойскія женщины больше молчатъ да занимаются дѣломъ.

Тяжела жизнь и незавидна доля дидойской женщины. Дѣвушки выходятъ замужъ очень рано—въ 12—14 лѣтъ. Это еще совсѣмъ дѣвочки-подростки. Обыкновенно женихъ платитъ отцу невесты баншколь ака и кунаказъ, т.-е. калымъ или выкупъ деньгами, скотомъ и одеждой приблизительно на сумму 100 руб. Поэтому, отцу желательно скорѣе получить баншколь, и онъ готовъ выдать дочь замужъ даже 10 лѣтъ. Очень молоденькихъ дѣвочекъ берутъ замужъ только въ качествѣ второй или третьей жены. Болѣе зажиточные дидои имѣютъ даже по 5 женъ; у одного было даже 7 женъ. Замѣчательно, что старшей женой считается не молодая или болѣе красивая, а пожилая и хорошая хозяйка. Старшими женами больше всего становятся уже бывшія за мужемъ вдовы или даже женщины, прогнанныя мужьями. Говорю „прогнанныя“ потому, что разводъ у дидоевъ совершается довольно легко: мужъ просто прогоняетъ жену безъ всякихъ формальностей. Конечно, въ такомъ случаѣ пропадаетъ уплаченный тестю выкупъ. Дѣти остаются при отцѣ. Женщина самовольно не можетъ оставить мужа, пока сама или кто-либо изъ родственниковъ не возвратятъ мужу той суммы денегъ или скота, которая уплачена въ видѣ выкупа при выходѣ замужъ. Часто случается, что кто-либо пожелаетъ взять къ себѣ чужую жену. Въ такомъ случаѣ онъ уплачиваетъ ея мужу затраченный выкупъ. Впрочемъ, на такой почвѣ нерѣдко происходятъ убійства, а затѣмъ кровавая месть со стороны родственниковъ какъ одной, такъ и другой стороны.

При выходѣ замужъ женщинамъ даютъ приданое, состоящее изъ одежды и украшеній. На украшенія, которыя бывають довольно цѣнны, составляется муллой опись; она хранится у женщины или муллы. Въ случаѣ смерти бездѣтной или неимѣющей дочерей женщины, ея украшенія возвращаются матери, сестрамъ или инымъ родственницамъ. Мужъ не можетъ распоряжаться украшениями жены.

Жены подчиняются мужу безпрекословно и слушаются одной из своей среды, назначенной хозяйкой. Замѣчательно, что жены живутъ между собою мирно и очень рѣдко ссорятся, можетъ-быть, отчасти потому, что некогда, такъ какъ заняты дѣломъ, или и потому, что ихъ не балуетъ мужъ, котораго онѣ очень рѣдко видятъ дома. По словамъ мѣстныхъ жителей, дидойскіе мужья очень нѣжно относятся къ своимъ женамъ, совѣтуются съ ними и дорожатъ ихъ мнѣніемъ. Одинъ мой переводчикъ, получивъ извѣстіе, что его жена заболѣла, тотчасъ же ночью поѣхалъ домой черезъ горы по крайне опаснымъ тропинкамъ, по которымъ съ большимъ трудомъ можно пробраться и днемъ. За все время моего пребыванія въ Цунта я не замѣтилъ ни ссоръ, ни брани, ни вообще грубаго обращенія какъ мужчинъ по отношенію къ женщинамъ, такъ и женщинъ между собою.

Собаки въ селеніяхъ почти совсѣмъ не видны. Ихъ держатъ исключительно для стадъ и отчасти для охоты. Собаки постоянно остаются при стадахъ, которыя загоняются далеко въ горы и остаются тамъ все время, переходя съ сѣверныхъ склоновъ на южные и наоборотъ. Старыхъ и негодныхъ собакъ убиваютъ, сбрасывая ихъ съ высокихъ обрывовъ въ быструю горную рѣку. Шкуръ не сдираютъ. На собакъ надѣваютъ особый ошейникъ изъ кожи, въ которую вбиты длинныя острые гвозди. Такіе ошейники защищаютъ собаку отъ нападенія волковъ и другихъ собакъ.

Кошекъ много; онѣ пользуются любовью и ласками. Но самымъ любимымъ животнымъ у дидоевъ является лошадь. Лошадь мѣстной породы—небольшая, тощая, но необыкновенно вынослива и проходитъ по такимъ крутизнамъ, по какимъ человѣку приходится прибѣгать къ помощи веревки или палки съ желѣзнымъ наконечникомъ. Горная лошадь—это драгоценное животное, безъ котораго невозможно было бы не только жить въ горахъ, но даже добраться до этой страны.

Дидои въ большинствѣ выше средняго роста, худощавы; полныхъ совсѣмъ нѣтъ. Кисти рукъ и ступни ногъ пропорціональны росту—небольшія. Большинство—брюнеты, хотя попадаются и шатены. Глаза—темныя, а у нѣкоторыхъ сѣрыя; губы—средней толщины; зубы—прямые; надглазныя дуги сильно развиты; носы—прямые, изрѣдка попадаются съ горбинкой; уши—чрезмѣрно большія и сильно торчатъ впередъ. Развитіе ушной раковины—самая характерная черта дидоевъ, которою они отличаются отъ другихъ сосѣднихъ народностей. Замѣчательно, что сильное развитіе ушной раковины замѣтно даже у дѣтей. У юношей ухо уже сильно развито. Насколько мнѣ удалось замѣтить, у женщинъ ушныя раковины тоже сильно развиты. Женщины ростомъ ниже мужчинъ и отличаются сильно развитыми грудями, но зато крайне узкимъ тазомъ. Почти всѣ женщины немного сутуловаты и имѣютъ крайне неуклюжую фигуру.

При объѣздѣ дидойскихъ селеній, мнѣ пришлось попасть въ Гинухъ. Въѣзжая въ это селеніе, я обратилъ вниманіе на нѣкоторыя особенности построекъ и на женскую одежду, совершенно отличную отъ дидойской. По официальнымъ даннымъ, въ Гинухѣ проживаютъ дидои. Но сопровождавшіе меня мѣстные дидойскій наибъ Магома, переводчикъ и проводникъ заявили, что въ Гинухѣ и Митрадѣ живетъ особый народъ, который говоритъ на своемъ, непонятномъ для другихъ языкѣ и называетъ себя гинухцами. Я остановился въ Гинухѣ, отыскалъ переводчика и узналъ отъ мѣстныхъ жителей, что дѣйствительно у нихъ свой особенный языкъ, на которомъ никто не говоритъ на Кавказѣ, кромѣ жителей селенія Митрады¹. Митрада расположена въ разстояніи около 60 в. отъ Гинуха на сѣверозападъ отъ дидоевъ, тогда какъ Гинухъ лежитъ отъ нихъ на востокъ, въ ущельѣ Мичитлскаго хребта. Коренные ли жители гинухцы,—я буду такъ называть этотъ народъ, — или же переселились сюда откуда-нибудь, о томъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, никто этого не помнитъ и не знаетъ.

Нѣтъ также никакихъ преданій. По рассказамъ стариковъ, гинухцы подчинялись Шамилю, и мнѣ показывали то жилище, въ которомъ останавливался и жила Шамиль во время своихъ наѣздовъ въ Цунталь.

Изъ сказаннаго уже можно составить представленіе объ экономическомъ состояніи обитателей дикой страны Цунталь. Мнѣ остается только резюмировать изложенное выше и кое-что прибавить.

Земледѣліе—въ самомъ плачевномъ состояніи. Садоводства и огородничества нѣтъ. Звѣроловство мало приноситъ дохода. О рыболовствѣ не стоитъ и говорить. Лѣсной промыселъ отсутствуетъ. Заработковъ нѣтъ. О кустарномъ промыслѣ обитатели не имѣютъ и

¹ Привожу для сравненія нѣсколько словъ того и другого языка.

По-гинухски:	По-дидойски:
женщина—акилй.	анаби.
отецъ—обұ.	бабіѹ.
солнце—бок.	бух.
земля—мочй.	чедо.
вода—гле (се).	хи.
рѣка—иху.	керу.
голова—киму.	кнм.
глаза—ижэйбэ.	озировій.
носъ—малю.	малн.
ухо—ахха.	ахявй.
борода—баб.	мешолга.
волосы—чуть.	кодье.
нога—концу.	хото.
рука—мечубэ.	ретля.
шея—моц.	меч.
палецъ—тлютлбэ.	башиби.

понятія. За отсутствіемъ дорогъ они не занимаются ни извозомъ, ни продажей какихъ-либо продуктовъ. Словомъ, торговли здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ. И такъ, единственное средство къ существованію—это разведеніе лошадей и ословъ и крупнаго и мелкаго рогатаго скота. Дѣйствительно, въ прежнее время скотоводство среди горцевъ процвѣтало и давало средства къ существованію. Но когда въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія среди дидоевъ вспыхнуло возстаніе и многіе изъ нихъ выселились въ Турцію, тогда, въ видѣ наказанія, отъ дидоевъ были отняты удобныя для пастбищъ горы. Въ настоящее время онѣ сдаются казною постороннимъ овцеводамъ въ аренду за 6.000 руб. въ годъ. У дидоевъ же скотоводство пало, а вмѣстѣ съ нимъ начались голодовки, уменьшеніе населенія и полное вымираніе. Можетъ-быть, отчасти голодовками объясняется тотъ печальный фактъ что этотъ извѣстный своей необыкновенной храбростью народъ началъ въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе заниматься разбоями, чего прежде, по словамъ старожилловъ, никогда не замѣчалось. Мѣстное начальство уже много разъ ходатайствовало о возвратѣ дидоямъ пастбищъ, но ходатайства эти остаются пока безъ удовлетворенія, а между тѣмъ цѣлая народность вымираетъ...

А. Сержпутовскій.

Краткій словарь дидойскаго языка.

Аллах—Богъ.
 рух—духъ, душа.
 шайтанбй—дьяволъ.
 Бух—солнце.
 буцй [buʃi]—луна, [мѣсяць]. 5
 чэдд—земля.
 хон [hon]—гора.
 тли [hi]—вода.
 цык—лѣсъ.
 бабію [bābyw, *мн. babibi, вѣ* 10
иныхъ селахъ dbiw)]—отецъ.
 әнід [әniyu, *равно yeni > eni*]—
 мать.
 әсіу—братъ [esiu, *мн. esnabi и*
esubi] сестра [әsiyu, *мн. es-*
nabi].
 ужй [uji]—сынъ.
 кид [qid]—дочь.
 анабй [gana, *мн. ч. ḡanabi*]— 15
 женщина.
 діотль—я.
 міотліә—ты.
 ким [kim]—голова.
 хаморй [hamoŋu]—грудь
 [qiqi *женская грудь, сосокъ,*
ср. 249, 289, goŋu сердце].
 меч [meʃ]—шея. 20
 ахавй [*мн. aḡyabi*]—уши,
 [aḡya *ухо*].
 озирови [ozog, *мн. ozogabi*]—
 глаза, *ср. 198*.
 мәли [mal]—носъ; [холмъ].
 мецуви—предилечіе, *ср. 31*.
 рәтливи [reʃa, *мн. reʃibi*]— 25
 кисть руки, *ср. 176*.

кончувй [komʃu, *мн. komʃubi*]—
 колѣно.
 рори [rori]—ступня.
 гут [hut, *мн. hutbi*]—губы.
 кицуви—зубы.
 мәц [meʃ]—языкъ, *ср. 197*. 30
 гугу—плечи, [ḡigo *плечо, мн.*
ḡigobi] *ср. 24*.
 матлубй [moʃu, *мн. moʃubi*]—
 ногти, мотлу—ноготь.
 гаку [haʃu]—ротъ.
 мешубля—усы, борода, *ср. 180*.
 коды—волосы [mus, *мн. mus-* 35
gebi].
 хохви—щека.
 хоруви—локоть [meʃu, *мн.*
meʃubi].
 башиби [bashiʃi]—пальцы,
 ваш палець.

Животныя.

луло—лошадь, *ср. 173*.
 сиріо [siŋo]—кобылица; *ср. 40*
 174.
 барти—жеребець.
 кечули—жеребенокъ.
 корәцни—катеръ (осель) [botl.
 ʃurʃen *мулъ*].
 амой [əʃmoʊ]—ишакъ (осель).
 ис [is, *мн. iswa < iswabi*]— 45
 быкъ.
 зіа [zia]—корова.
 меши [meshi]—теленкъ.
 бетль [beʃl *баранта, beʃu*
баранъ]—баранъ, *ср. 150*.

митльби — овца.
тэка [ʈeqa] — козель. 50
чанья [ʈaɲɥa, *а также*
ʈan] — коза.
кету [ketu] — кошка.
вай — собака, *ср.* 149.
зэ [ze, zeɥ] — медвѣдь.
бац — волкъ, *с.м.* 143. 55
зыру [zɪɾu] — лисица, *ср.* 144.
каяби [qabi] зайцы, — заяць —
ха] qa].

Времена.

гуды [gudi] — день.
неширу [neɕɪɾu] — [вечерь,]
ночь.
чуресы — свѣтъ. 60
сасіу [sasiw *темный*] — темнота.
цы [ti] — огонь.
хухудоры — гроза.

Глаголы, обстоятельственные слова.

эзуа — посмотрѣть.
эзу — смотри. 65
риквас — увидалъ.
техси — услыхалъ.
рышетль — хорошо.
жук — плохо [sesɾu *тощій, ху-*
дой].
кетада — играть. 70
этло — пѣть.
кеца — лежать.
мотло — спать, сонъ.
рэтла — сѣять.
бехура — убить. 75
атла — говорить.
этла — сказать.
чатла — рубить.
гегерси — разбить.
шоруяху — свистѣть. 80

рыса — ѣсть.
хатлоа — пить.
ротлоа — болѣть.
шетлоа — одѣваться.
рочваа — снимать, раздѣ- 85
ваться.

Числительныя.

сыс — одинъ.
кано — два.
тлоно — три.
уйно — четыре.
тлено — пять. 90
итльно — шесть.
отлно — семь.
битльно — восемь.
учино — девять.
оцыно — десять. 95
сіоцы — одиннадцать.
каёцы — двѣнадцать.
тлооцы — тринадцать.
уоцы — четырнадцать.
куо — двадцать. 100
кунооцыно — тридцать.
канокую — сорокъ.
канокуюнооцыно — пятьдесятъ.
тлоноко — шестьдесятъ.
тлонокоооцыно — семьдесятъ. 105
уйноку — восемьдесятъ.
уйнокунооцыно — девяносто.
бишон — сто.
бишоноссы — сто одинъ.
бишонокуо — сто двадцать. 110
азал — тысяча.
коноазал — двѣ тысячи.

Деньги.

абасы — двугривенный.
уруш — рубль.
шаги — пятачокъ. 115
ётлику — половина.
ётликууруш — полтина.

Фразы и нарѣчія.

баркалыа — благодарю.
 варчами — здравствуй.
 игичи — прощай. 120
 ишѡрѣтин — хочу ѣсть.
 тлихатлорѣтин — хочу нить.
 дидурьетль межичи — какъ ваше
 здорѡвье?
 дѣй рѡтлхо — я боленъ.
 ди иги ѣтл — я здоровъ. 125
 ди еги ѣтл — я здорова.
 ди иг зоус адѣйтоу — я
 здоровъ былъ раньше.
 жакотль [jaqutɬ] — сегодня.
 ниширу [h₀uɬ] — вчера.
 удѣ [gude] — завтра. 130
 хѣтль [ɬeb || ɬab] — годъ.
 ас [as] — небо.
 буцы *см.* 5.
 бух. [buq] — солнце.
 ца [ɬa] — звѣзда [, искра]. 135
 гвин [aɣit] — дерево [qaɬa де-
 рево, лѣсъ, gedu дрова].
 ара — вѣтка.
^ткаб — листь.
 гагали — цвѣтокъ.
 ик — лѣсъ. 140
 тлид [ɬid] — олень.
 зе *см.* 54.
 боци [boti] — волкъ, *ср.* 55.
 зиру [zigu] — лиса, *ср.* 56.
^кха — заяць. 145
^ксохро [ɬhro] — лягушка.
 ис *см.* 45.
 кету *см.* 52.
 увай [ɣwan] — собака.
 митики [митлку?] — барабъ, 150
ср. 48.
 тека *см.* 50.
^гтак [taq] [ножъ], — ножикъ, *ср.*
 220.
 чѣдо — земля.

уль [ɣul] — камень.
 керу — рѣка [, ɬu рѣка]. 155
 авыр — мельница.
 мужи — жерновъ.
 меш — метла.
 витку [vutku] — домъ.
 тламю — сарай. 160
 тлу [ɬu] — крыша.
 гельчу — кадка.
 мочи — пашня.
 зызыѣ — [zizio] послѣзавтра.
 мужмар [muɣmar] — недѣля 165
 (, пятница).
 бих — лугъ.
 ахуо — пастухъ.
 рѣкен — стадо.
 ат — тѣсто.
 цы *см.* 62. 170
 атль [saɬ] — (ауль,) селеніе.
 гуни — дорога, тропа.
 гулу [gulu] — лошадь, *ср.* 39.
 сиріѣ кобылица, *ср.* 40.
 кили *см.* 18. 175
 рѣтля — рука, *ср.* 25.
 баша *см.* 38.
 мотлу *см.* 32.
 хото [qoto] — нога, *ср.* 27.
 менюлга (мешолга борода), 180
 — борода, усы, *ср.* 34.
 энтор — иди.
 горо — сюда.
 итли — уходи.
 итлис — пошелъ.
 ди — я. 185
 ми — ты.
 гобжо — онъ.
 эли — мы.
 межы — вы.
 жеди — они. 190
 жеда — ихъ.
 шудабичи — кладбище (*букв.* мо-
 гилы).
 шуд — могила.

цы шеб—какъ звать?		хакомку—мѣшалка.	
наси [naɣau > naz > nau]—ст-куда.	195	аку [aɣu]—лопаточка, <i>ср.</i>	235.
эе—знаешь.		287.	
мець—языкъ, <i>ср.</i> 30.		куанотлю—подсвѣчникъ.	
озуры—глаза [, глазъ <i>ср.</i> 22].		куоту—кувшинъ.	
эхос—смерть.		хук—ковшъ.	
ротльхо—болѣзнь.	200	гельчу—валекъ.	
цѣе—соль.		гѣу—ошейникъ.	240
магалу [maɣalu]—хлѣбъ.		нэшу (нешу)—серпъ.	
ра [ɣa]—молоко.		квараги—сито.	
изу—сыръ.		мецы—форма.	
акры—творогъ [, aɣɪ свѣ-жій, непосоленный сыръ].	205	кашптру—сѣчка.	
туть [tuɪ]—муха.		хомув—мѣхъ.	245
иш—ѣсть.		этюк—сумка.	
кец—спать.		гугуды—цѣпъ.	
хатло—пить.		шиту—блюдо.	
батло—бить.	210	метхир—соска, <i>ср.</i> 19, 289.	
икихды—итти.		рытло—корытце.	250
охи—бѣжать.		жами—горшокъ.	
эких—ѣхать верхомъ.		эшин—топоръ, <i>ср.</i> 268, 275, 359.	
атли—говорить.		чэро—подойникъ.	
нал—плакать.	215	хотинуку—скребница.	
кеч этло—пѣть.		шоруби—сапоги [, gedo са-погъ, <i>мн.</i> gedobɪ (<i>ср.</i> 325), ɟaɣmau сапогъ, <i>мн.</i> ɟaɣmaubɪ].	255
кеч—пѣсня.		зоки—ковшъ.	
этыр—играть.		каба—котелокъ [, ɣabaɟa чу-гунный котелъ].	
таманча [ɟaɣanɟa]—пистолеть.		гоцымаби—скобы подъ ноги.	
такх—ножъ, <i>ср.</i> 152.	220	расу—вѣсы.	
ретли—ножны.		сык—подойникъ.	260
ико—пороховница.		рэхнаку—ходунъ.	
зинотлѣ—маслянка [<i>ср.</i> чам. зинаɟ масло].		чарэму—совокъ.	
базалай—ружье [, ɟuɟɪ, <i>мн.</i> ɟu-mabɪ].		меш—мутьовка.	
коц—ковшъ.	225	корахи—черпакъ.	
этюк—сумка.		рэша—вертелъ.	265
зоуки—сосудъ.		мотло [moɟu]—вилка [, kuɟu вилы, <i>мн.</i> kuɟubɪ, kuɟumabɪ].	
коши [koɟɪ]—ложка.		куту—кувшинъ.	
тлабаки—чашка.		этинъ—топоръ—кирка, <i>ср.</i> 252, 275, 359.	
меш—рогатка.	230	муш—сосудъ.	
мори—чашка.			
отль—веретено.			
анса—трость.			

крич—ножницы. 270
 шимо—рогъ.
 отль *см.* 232.
 акибэ—стрема.
 хумуку—замокъ.
 о [ʃəw]—топоръ, *ср.* 252, 275
 268, 359.
 роч—арканъ.
 агураби [ʙaɬɪqəw]—кольцо.
 зинотлу—солонка.
 зайданъ—каганецъ.
 рыч—корыто. 280
 хоцу [qətu]—щипцы.
 бутни [bʉnɪ]—войлокъ [бур-
 ка].
 рыту—одѣяло.
 ургу—тюфякъ.
 боко—шуба. 285
 чэро—сосудъ, цѣдилка.
 коц—лопаточка, *ср.* 235.
 каир—наугольникъ.
 мехир—соска, *ср.* 19, 249.
 шиту—блюдо. 290
 кук—папахъ.
 кемот [kəmot]—ящикъ [сун-
 дукъ].
 атгоры—брусокъ.
 жами, *см.* 251.
 зоки—кубокъ, *ср.* 255. 295
 око—вѣшалка.
 рыр—рѣшето.
 куту—жбанъ *ср.* 237.
 гому—колье.
 рокура—[rokura, *мн.* rokɪ- 300
 gabɪ]—серьги, *ср.* 316.
 мечи—ожерелье.
 кир—нагрудникъ.
 геро [gəro]—пуговица.
 ака [aqa]—браслетъ.
 чанта [ʃaŋða]—сумка. 305
 каз [kazi]—платокъ головной
 [mətəqəw]—платокъ, узел-
 локъ].
 табасар—сковорода.

аку—долото.
 машу—воронка.
 кунд—ложечникъ. 310
 ирги—крюкъ.
 тлильдо—ложка.
 кор—капканъ.
 тэтэну—украшение, *ср.* 323.
 сабаб—привѣска. 315
 хэта—серьги, *ср.* 300.
 рут—единица мѣры длины.
 циптай [ɢ. tinda-i]—чулки.
 буркули [ɢ. borkil-i]—путо.
 нишэдыро [ɢ. nemtar-i]—рѣ- 320
 зецъ.
 муд—ед. мѣры сыпучихъ
 тѣлъ.
 аршиву—ожерелье.
 пары—украшение, *ср.* 314.
 акуби—аграфъ.
 гедови—сапоги ж., *ср.* 255. 325
 кунта—рубашка ж., *ср.* 361.
 херицели [qəŋɖeli]—коса (*ору-*
die) [*въ другихъ языкахъ андо-*
дидойской группы это —
серпъ; „бука. ручная коса“,
какъ если бы имѣли г. слово
qel-is ɖel-i: г. qel-i рука, ɖel-i
коса], ср. 241.
 махи—косевище.
 бпэо—кирка.
 коц—скребокъ. 330
 хоцу—щипчики.
 шокуй—трутъ.
 цикотлихосы—огниво.
 боорсо—мошна.
 рэтликой—рукавица. 335
 цуха—кисеть.
 зурма—зурна (муз. INSTR.).
 кейли—барабанъ.
 ико—пороховница.
 тлакала—шапка. 340
 кальян—трубка.
 бетхай [beɬaɣ]—кинжалъ.

ашуни [ʃaʃʃni]—поясъ [, ра- дуга].		хотинаку—скребница. 360
кигу—корытце.		тлоба—рубаха [, ged, <i>мн.</i> ged- mabi], <i>ср.</i> 326.
боку—кожухъ. 345		пигу—штаны (gedu штаны, шаровары), <i>ср.</i> 372.
анса, <i>см.</i> 233.		мачу—гладилка.
белику—волчокъ.		куту, <i>ср.</i> 267.
кочи—сѣдло.		гѣтлу [gedu]—панталоны. 365
отлмоко—чашка.		такія—шапочка.
гагалок—пешня. 350		китли—шило.
цѣльзаку—катушка.		анса—подставка, <i>ср.</i> 233, 246.
бешай—кинжалъ [, maʃa сабля], <i>ср.</i> 342.		лабачан—шуба.
отоко—ходули.		коны—плащъ. 370
хухецы—намордникъ.		чуха [ʃuqʊw, <i>въ иныхъ селахъ</i> ʃuqʊu]—черкеска [<i>ср.</i> 374].
хони—клей. 355		заких—штаны, <i>ср.</i> 362.
юк—уполовникъ.		кед—колыбель.
кокоша—тыква.		[kurtay бешметъ, <i>ср.</i> 371].
кошитру—сѣчка.		
кондыру—топоръ, <i>ср.</i> 252, 268, 275.		

Русскій указатель къ краткому еловарю дидойскаго языка.

аграфъ 324	бѣжать 212	вы 189
арканъ 276	валекъ 239	гладилка 363
ауль 171	веретено 232=272	глазь 22, 198
баранъ 338	вертель 265	говорить 76, 214
баранъ 48, 150	вечеръ 59	годъ 131
бешметъ 374	вилка 266	голова 18, 175
бить 210	вилы 266	гора 7
благодарю 118	вода 8	горшокъ 251, 294, 364
блюдо 248, 290	войлокъ 282	гроза 62
Богъ 1	волкъ 55=143	грудь 19
боленъ <i>см.</i> я боленъ	волосы 35	губы 28
болѣзнь 200	волчокъ 346	два 87
болѣть 83	воронка 309	двадцать 100
борода 34, 180, <i>ср.</i> усы	восемь 93	двугривенный 113
браслетъ 304	восемьдесятъ 106	двѣнадцать 97
братъ 12, <i>ср.</i> сестра	вчера 129	двѣ тысячи 112
брусокъ 293	вѣсы 259	девяносто 107
бурка 282	вѣтка 137	девять 94.
быкъ 45, 147	вѣшалка 296	день 58

- дерево 136
 десять 95
 долото 308
 домъ 159
 дорога 172
 дочь 14
 духъ 2
 душа 2
 дьяволъ 3
 жбанъ 298
 женская грудь *см.*
     грудь
 женщина 15
 жеребенокъ 42
 жеребецъ 41
 жерновъ 157
 завтра 130
 замокъ 274
 заяцъ 57, 145
 звать *см.* какъ звать?
 звѣзда 135
 здоровъ *см.* я здоровъ
 здоровье *см.* какъ ваше
     здоровье?
 здравствуй 119
 земля 6, 153
 знаешь 196
 зурна (*муз. инструм.*)
     337
 играть 70, 218
 иди 181
 итти 211
 ихъ 192
 ишакъ *см.* осель
 каганецъ 279
 кадка 102
 какъ вашездоровье? 123
 какъ звать? 194
 камень 154
 капканъ 313
 катеръ *см.* мулъ
 катушка 351
 книжалъ 342, 352
 кпрка 268, 329, *см.* то-
     поръ.
 клсетъ 336
 клсть руки 25
 кладбище 192
 клей 355
 кобылица 40, 174
 ковшъ 225, 238, 256
 кожихъ 345
 коза 51
 козелъ 50, 150
 колыбель 373
 колъе 299
 кольцо 277
 колѣно 26
 корова 46
 корыто 280
 корытце 250, 344
 коса (*орудіе*) 327
 косьевище 328
 котелокъ 257
 котель мѣдный 257
 кошка 52, 148
 крыша 161
 крюкъ 311
 кубокъ 295
 кувшинъ 237, 267
 лежать 72
 лиса 144
 лисица 56
 листъ 138
 ложечникъ 310
 ложка 228
 локоть 37
 лопаточка 235, 287
 лошадь 39, 173
 лугъ 166
 луна 5, 133
 лѣсъ 9, 140
 лягушка 146
 масло (чам.) 223
 маслянка 223
 мать 11
 медвѣдь 54, 142
 мельница 156
 метла 158
 могила 193
 молоко 203
 мошка 334
 мулъ 43
 мутовка 263
 муха 206
 мы 188
 мѣра длины 317
 мѣра сыпучихъ тѣлъ
     321
 мѣсяцъ 5
 мѣхъ 245
 мѣшалка 234
 нагрудникъ 302
 намордникъ 354
 наугольникъ 288
 небо 132
 недѣля 165
 нога 179, *см.* скобы подъ-
     ноги, ступня
 поготъ 32, 178
 пожикъ 152
 пожницы 270
 пожны 221
 ножъ 220
 ность 23
 ночь 59
 овца митльби 49, *ср.*
     баранъ
 огниво 333
 огонь 62, 170
 одинъ 86
 одиннадцать 96
 одѣваться 84
 одѣяло 283
 ожерелье 301, 322
 олень 141
 они 190
 онъ 187
 осель 44, *см.* мулъ
 отецъ 10
 откуда 195
 ошейникъ 240
 палецъ 38, 177
 панталонъ 365
 папахъ 291
 пастухъ 167
 пашня 163
 пешня 350
 пистолетъ 219
 пить 82, 209, *см.* хочу
     пить
 плакать 215
 платокъ головной 306
 плащъ 370
 плечи 31
 плохо 69
 подойникъ 253, 260
 подсвѣчникъ 236
 подставка 368, *ср.* палка,
     трость
 половина 116
 полтина 117
 пороховница 222, 339
 послѣзавтра 164
 посмотреть 64
 пошелъ 184
 поясъ 342
 предплечіе 24
 привѣска 315

прощай 120	смерть 199	увидаль 66
пуговица 303	смотри 65	узелокъ 306
пуго 319	спимать (раздѣваться) 85	украшеніе 314, 323
пѣсня 217	собака 53, 149	уполовникъ 356
пѣть 71, 216	совокъ 262	услыхаль 67
пятачокъ 115	солнце 134	усы 34
пятница 165	солошка 278	ухо <i>см.</i> уши
пять 90	соль 201	уходи 183
пятьдесятъ 103	сонъ 73, <i>ср.</i> спать	уши 21
разбить 79	сорокъ 102	форма 243
раздѣваться <i>см.</i> снимать	соска 249, 289	хлѣбъ 202
раньше <i>см.</i> я здоровъ	сосокъ 19	ходули 353
быль раньше	сосудъ 227, 269, 286	ходунъ 261
рогъ 271	спать 73, 208	хорошо 68
рогатка 230	стадо 168	хочу пить 122
ротъ 33	сто 108	хочу ѣсть 121
рубаша 361	сто двадцать 110	худой (тощій) 69
рубашка женская 326	сто одинъ 109	цѣтокъ 139
рубить 78	стреля 273	цѣдилка 286
рубль 114	ступня 27	цѣпь 247
ружье 224	сумка 226, 246, 305	чашка 229, 231, 349
рука 176, <i>см.</i> кисть руки	сундукъ <i>см.</i> ящикъ	черкеска 371
рукавица 335	сынъ 13	черпакъ 264
рѣзецъ 320	сыръ 204, свѣжій, не- посоленный сыръ 205	четыре 89
рѣзка 155	сѣдло 348	четырнадцать 99
рѣшето 297	сѣчка 244=353	чулки 318
сабли 352	сѣять 74	шапка 340
сапоги 255, женскіе са- поги 325	сюда 182	шаночка 366
сарай 160	творогъ 205	шесть 91
свистѣть 80	теленокъ 47	шестьдесятъ 104
свѣтъ 60	темнота 61	шея 20
сегодня 128	топоръ 252, 268, 275, 359	шило 367
селеніе 171	три 88	штаны 362, 372
семь 92	тридцать 101	шуба 285, 369
семьдесятъ 105	тринадцать 98	щека 36
сердце 19	тропа, <i>см.</i> дорога	щипцы 281
серпъ 241	трость 233, 346, <i>ср.</i> палка	щипчики 331
серьги 300, 316	трубка кальянъ 341	ѣсть 81, 207
сестра 12, <i>ср.</i> братъ	труть 332	ѣхать верхомъ 213
сито 242	ты 17, 86	я 16, 185
сказать 77	тыква 357	я боленъ 124
скобы подъ ноги 258	тысяча 111	я здоровъ 125, я здо- рова 126
сковорода 307	тѣсто 169	я здоровъ былъ рань- ше 127
скребница 254, 360	тюфякъ 284	языкъ 30, 197
скребокъ 330	убить 75	ящикъ 292

Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія ¹.

I.

Послѣднія десятилѣтія мирнаго времени принесли съ собой огромное развитіе музейнаго дѣла не только въ Европѣ, но и во всѣхъ областяхъ земнаго шара, куда распространились европейская цивилизація и современное научное знаніе. Одновременно съ толчкомъ, который привелъ на практикѣ къ созданію новыхъ грандіозныхъ музеевъ, который покрылъ цѣлой сѣтью мелкихъ музеевъ страны, гдѣ европейская культура и наука не явились лишь послѣдней, новѣйшей страницей въ ихъ исторіи,—значительно эволюционировало и самое понятіе о музеѣ.

Древній міръ подъ словомъ музей—Museum понималъ храмъ музъ, т. е. особое мѣсто или зданіе, посвященное музамъ-покровительницамъ наукъ и искусствъ. Однако, ни древняя Греція, ни древній Римъ не знали музея въ болѣе позднемъ его смыслѣ и съ новымъ его содержаніемъ—музея-хранилища произведеній искусства, рѣдкостей, древностей и т. п.

Самымъ знаменитымъ музеемъ древности былъ Александрійскій музей ²—грандіозное, научное учрежденіе всеобъемлющаго, академическаго характера, съ обширной бібліотекой, рядомъ вспомогательныхъ учреждений, какъ, напр., анатомическій кабинетъ, ботаническій и зоологическій сады и др. Здѣсь тоже—особая постройка—капелла музъ носила специальное названіе—Μουσείον.

Значительное число ученыхъ, во время расцвѣта свыше 50 чловѣкъ, назначались членами его съ цѣлью разработки спеціальныхъ областей науки. Это учрежденіе древности также не было, какъ мы видимъ, музеемъ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Современные европейскіе музеи—учрежденія сравнительно весьма молодыя. Даже наиболѣе старые изъ нихъ въ своемъ прошломъ не

¹ Докладъ, читанный въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О-ва 24 марта 1917 г.

² Изъ старыхъ описаній Александрійскаго музея можно указать: G. H. Klaproth. Ueber das Alexandrinische Museum. Göttingen, 1838. Изъ новѣйшихъ: Weniger. Das Alexandrinische Museum. Berlin, 1875.

уходятъ далѣе середины XV в., когда Кузьма Медичи положилъ во Флоренціи начало музею въ новомъ смыслѣ этого слова, собравъ богатую коллекцію художественныхъ произведеній и помѣстивъ ее въ особомъ зданіи (теперь знаменитая галлерей Уффици). Его примѣру послѣдовалъ папа Левъ X, положившій основаніе ватиканскому музею. Древнѣйшее собраніе Германіи—коллекція Августа Саксонскаго относится уже ко второй половинѣ XVI столѣтія. Старѣйшій музей Англіи—*Museum Ashmole* въ Оксфордѣ основанъ во второй половинѣ XVII в., а ея гордость—знаменитый Британскій Музей¹ основанъ лишь въ 1700 г. Замѣчательнѣйшій изъ европейскихъ музеевъ—Парижскій Лувръ, хранящій художественныя и научныя драгоцѣнности французской націи, сдѣлался національнымъ музеемъ послѣ революціи въ 1793 г. Еще новѣе музеи Берлина: Старый Музей существуетъ съ 1828 года, Новый—только съ 1855 г.

Уже издавна и древняя Русь хранила старинныя вещи или какъ драгоцѣнность въ царскихъ хранилищахъ, или какъ святыню въ церковныхъ ризницахъ. Богатѣйшею изъ нихъ является патріаршая, нынѣ синодальная ризница въ Москвѣ, гдѣ хранятся священныя и домашнія одежды и утварь патріарховъ и митрополитовъ. Петръ Великій въ 1714 г. перевезъ изъ Москвы значительное количество пріобрѣтенныхъ въ Голландіи еще въ 1698 г. коллекцій, причемъ для храненія ихъ вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами основана была кунсткамера (куншткамеръ), особенно обогатившаяся послѣ второй поѣздки Петра Великаго по Европѣ. Коллекціи, собранныя Петромъ Великимъ, и теперь еще сохранились и вошли въ составъ собраній, хранящихся въ Музеѣ Антропологии и Этнографіи имени императора Петра Великаго при Россійской Академіи Наукъ. Въ 60-хъ годахъ XVIII в. Екатерина II положила основаніе „Эрмитажу“, для котораго въ 1765 г. было выстроено специальное зданіе. Основаніе было заложено на благоприятной почвѣ и въ счастливый моментъ: сейчасъ коллекціи Эрмитажа—богатѣйшаго хранилища произведеній искусства и научныхъ цѣнностей—пользуются міровою извѣстностью.

Такимъ образомъ, и у насъ въ Россіи основаніе музейному строительству положено уже два столѣтія тому назадъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что развитіе и процвѣтаніе музеевъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ XIX вѣку и особенно его второй половинѣ и находится въ зависимости отъ общихъ условій и тенденцій времени: широкаго роста и демократизаціи просвѣщенія, блестящаго развитія наукъ и особенно естествознанія, огромнаго накопленія матеріальныхъ средствъ и роста городовъ и городской жизни.

---

¹ См. статью Н. Викторова въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г., кн. I. То же: G. Perrot. Le Musée Britannique. *Revue des deux mondes*. 1875—76.

II.

Но не однимъ лишь ростомъ широкаго строительства музеевъ характеризуется истекшій XIX вѣкъ. Музеи, множась и разрастаясь, естественно привлекли къ себѣ значительныя культурныя силы, и энергіей дѣятельныхъ работниковъ на почвѣ музейнаго дѣла выяснены были не только многія практическія задачи, но и самая постановка музейнаго дѣла приобрѣла новый смыслъ и значеніе, получивъ новыя идейныя основанія и почву.

Въ прежнее время существовалъ, да и теперь еще не отжилъ въ широкой публикѣ, взглядъ на музей, какъ на мѣсто, гдѣ собраны и хранятся разнаго рода диковины и раритеты, драгоценности и необыкновенныя вещи вообще, которыхъ нигдѣ больше увидѣть нельзя, и предназначенныя для удовлетворенія столько же любопытства, сколько и любознательности. Таково было идейное значеніе и смыслъ устройства разнаго рода кунстъ- или шатцъ-камеръ, кабинетовъ рѣдкостей или древностей. Въ нихъ для массы вѣяло еще той таинственностью, которой окружены были наука и научныя исканія еще въ средніе вѣка; они были пріоткрытой дверью въ таинственный кабинетъ д-ра „Фауста“, недоступный для непосвященныхъ.

Лишь постепенно и медленно, путемъ длиннаго жизненнаго опыта, создалось то своеобразное, необходимое учрежденіе нашей культурной эволюціи, которое мы называемъ музеемъ въ современномъ смыслѣ этого слова, выросла въ сознаніи музейныхъ работниковъ идея о его роли и назначеніи и сложилось опредѣленное понятіе о музеѣ, какъ научномъ учрежденіи.

Все это явилось дѣломъ и заслугой XIX вѣка, главнымъ образомъ, его второй половины. И явленіе это не случайное, а стоитъ въ тѣсной, генетической связи съ общимъ теченіемъ мысли и успѣхами знанія. То великое приобретеніе человѣческой мысли, которое сдѣлано было современнымъ дарвинистическимъ естествознаніемъ—трудами Ч. Дарвина, Ч. Ляйэлля въ биологін, геологін и антропологін—въ специальной области музейнаго строительства можетъ быть кратко характеризовано въ двухъ словахъ: *раціоналізація системы*. Музей по старой *Systema Naturae* гениальнаго морфолога классификатора Линнея былъ бы все же похожъ на бібліотеку безъ раціональнаго каталога, гдѣ книги стояли бы на полкахъ по своему росту, числу страницъ или иному какому-либо внѣшнему признаку. Уже попытка наглядно изобразить въ системѣ современное состояніе научныхъ воззрѣній въ какой-либо отрасли знанія—въ видѣ систематически расположенныхъ объектовъ Музея—имѣла не только значеніе популяризаціи науки, ея приобретений, но имѣла свое значеніе для науки, какъ систематическаго знанія вообще, ибо на объективномъ матеріалѣ прихо-

дилось лишній разъ провѣрить данныя науки, причемъ рельефно выступали всѣ пробѣлы, недочеты знаній и создавался необходимый импульсъ для накопленія новаго матеріала, новой провѣрки и новыхъ исканій. вмѣстѣ съ тѣмъ музей взялъ на себя важную, существенно необходимую роль хранителя и стража паучныхъ цѣнностей. Понятіе о храненіи вещи есть тоже понятіе сложное, состоящее изъ разныхъ элементовъ. Прежде всего каждая вещь, хранящаяся въ музеѣ, какъ матеріальный объектъ, подлежитъ разрушенію отъ дѣйствія различныхъ факторовъ въ теченіе длительного времени. Уберечь часто весьма нѣжный, быстро гибнущій въ обыкновенныхъ условіяхъ предметъ отъ разрушенія—первая задача музейной техники, часто весьма сложная и нелегкая, доступная лишь спеціалистамъ, выработавшимъ долгимъ наблюденіемъ и опытомъ многіе спеціальныя методы и приемы. Но и этого физическаго сохраненія вещи мало: нужно еще сохранить ея научную, нематеріальную цѣнность—навсегда фиксировать подлинность вещи и ея происхожденіе изъ извѣстнаго источника. Каменное орудіе безъ точнаго обозначенія мѣстонахожденія и точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, въ которыхъ оно найдено—предметъ, не имѣющій никакого научнаго значенія. Музеи и являются учрежденіями, приспособленными для наилучшаго храненія предметовъ, какъ научныхъ документовъ. Но и этимъ задачи музея не являются далеко исчерпанными. Еще недавно практически живо было представленіе о музеѣ, какъ о простомъ хранилищѣ попавшихъ туда вещей, къ которымъ приставлены хранители, какъ отвѣтственные за цѣлость имущества сторожа. Такой музей безъ внутренней жизни естественно былъ лишь мертвымъ учрежденіемъ, простымъ хранилищемъ часто весьма цѣннаго матеріала. Но и эта практика дѣлается уже повсемѣстно достояніемъ прошлаго. Музейные работники новаго времени смотрятъ на музей, какъ на живое учрежденіе, живой организмъ, гдѣ всякій застой—лишь болѣзненный симптомъ, норма же—исполненіе серіозныхъ задачъ и важныхъ жизненныхъ функцій въ формѣ постоянной, непрекращающейся научной и спеціальной музейной работы. Первой, непрестанной заботой всякаго музея является непрерывное пополненіе его коллекцій. Какую бы область знанія мы ни взяли—будь то естествознаніе, археологія или этнографія—никогда и никакое собраніе не можетъ считаться абсолютно полнымъ и, слѣдовательно, нуждается въ заботливомъ, систематическомъ пополненіи. Но не только пополненіемъ предметами долженъ озаботиться музей: онъ долженъ собирать свѣдѣнія, наблюденія, факты и регистрировать ихъ. Такимъ образомъ, музей является не только хранителемъ, но и собирателемъ, регистраторомъ научнаго матеріала, и, какъ таковому, ему принадлежитъ, несомнѣнно, важная и отвѣтственная роль въ научной работѣ. Являясь, съ другой стороны, популяризаторомъ знаній въ широкой средѣ неспеціалистовъ науки, музей учитъ общество цѣнить и понимать смыслъ

тѣхъ кажущихся обиходными, привычными предметовъ, которымъ мы не склонны придавать какое-нибудь значеніе,—такъ близкими и знакомыми намъ являются они въ повседневной жизни,—вмѣстѣ съ тѣмъ пробуждаетъ въ широкой средѣ общественное самосознаніе, сознательную любовь къ окружающему, къ своей малой, провинціальной родинѣ, затѣмъ къ своему отечеству и болѣе широкое, наконецъ, міровое чувство человѣчности. Въ этомъ отношеніи и самый музей, широкое развитіе музейнаго строительства, о которомъ говорилось выше, является по существу продуктомъ этого самосознанія.

„Мы смотримъ на музеи не какъ на роскошь, но какъ на учрежденія высокаго культурнаго значенія, которыя должны быть организованы въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ населенномъ центрѣ“¹, пишетъ провинціальный дѣятель В. Лучникъ.

Молодой финляндскій археологъ А. М. Тальгрень пишетъ о мѣстныхъ музеяхъ: „Нельзя также забывать, что музеи и на мѣстахъ удовлетворяютъ культурной потребности,—что, при правильномъ заведываніи ими, они являются своего рода мѣстными академіями. Кромѣ того, музеи даютъ исходъ мѣстнымъ силамъ, желающимъ быть примѣненными въ области изслѣдованій, даютъ возможность проявиться привязанности къ роднымъ мѣстамъ, почему они и возникаютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди населенія начинается проявляться сознательная дѣятельность“².

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ слѣдующему выводу: каждый музей, будь то самый маленькій провинціальный музей съ ограниченной скромной сферой дѣятельности, имѣетъ тотъ общій признакъ съ большимъ центральнымъ музеемъ, что является важнымъ факторомъ вспомогательной научной дѣятельности, если, конечно, онъ поставленъ правильно, а не представляетъ собою только складъ разрозненныхъ, случайныхъ предметовъ и, по отсутствію средствъ и надлежащаго руководства въ своей работѣ, не можетъ проявлять никакой активной дѣятельности.

О другихъ признакахъ музея, какъ спеціальной научной и технической организаціи, мы скажемъ нѣсколько ниже, когда будутъ точнѣе сформулированы спеціальныя задачи и цѣли музеевъ.

III.

Выше мы указали, что всѣ музеи,—какъ большіе или центральные музеи съ весьма широкой программой, такъ и маленькіе, даже съ огра-

¹ В. Лучникъ. Къ исторіи Ставропольскаго на Кавказѣ Городскаго Музея имени М. В. Пирогова. Стр. 37.

² А. М. Тальгрень. Родиноувѣдѣніе въ Финляндіи (задачи, исторія и современная его организація). Перев. Л. К. Тимофеева. СПб. 1913. Гл. III. Мѣстные Музеи, стр. 67—79.

ниченной сферой дѣятельности, работающіе гдѣ-нибудь въ глуши, далекой отъ центровъ окраины,—объединяются на исходныхъ принципахъ своей работы. Это отличіе—въ количествѣ, объемѣ дѣятельности, но не въ ея качествѣ, т. е. въ исходныхъ идейныхъ отправныхъ пунктахъ ея. Количественныя, объемныя различія зависятъ прежде всего отъ матеріальныхъ средствъ, и вполне естественно, что центральные, обыкновенно столичные музеи, всегда лучше матеріально обеспеченные, могутъ болѣе широко развить свою дѣятельность, чѣмъ музеи областныя, мѣстные, вообще провинціальныя. Кромѣ указаннаго выше сходства въ исходныхъ, принципиальныхъ основахъ дѣятельности и различія въ масштабѣ ея, важно отмѣтить одно существенное обстоятельство, отличающее музей центральный отъ музея областного или мѣстнаго. Центральные музеи, въ силу историческихъ условій своего возникновенія носятъ нерѣдко смѣшанный характеръ. Наряду съ большими книжными богатствами, они имѣютъ собранія искусства, картинныя галлерей или античныя произведенія искусства, археологическія и естественно-историческія коллекціи. Такой характеръ имѣютъ, напримеръ, Британскій Музей и Московскій Румянцовскій Музей въ Москвѣ. Въ новѣйшее время, однако, замѣчается стремленіе избѣгать универсальнаго характера во многихъ областяхъ науки одновременно; оставаясь универсальными въ географическомъ смыслѣ, музеи предпочитаютъ идти по пути спеціализаціи, чтобы полнѣе и точнѣе исполнить свои спеціальныя задачи и цѣли. Примеромъ можетъ служить Россійская Академія Наукъ, создавшая у себя рядъ музеевъ: Зоологическій, Минералогическій и Геологическій, Музей Антропологій и Этнографіи, Азіатскій Музей и т. д.

Музей областной или мѣстный непременно долженъ носить смѣшанный характеръ, такъ какъ его назначеніе—дать общую и полную характеристику края или области, а также принципиально сознательно отказаться отъ географической универсальности для лучшаго исполненія своихъ собственныхъ задачъ и цѣлей.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ центральныхъ музеевъ съ мѣстными—вопросъ сложный, требующій весьма большого вниманія и серьезнаго обсужденія, и не можетъ быть трактованъ кратко, мимоходомъ. У А. М. Тальгрена мы находимъ свѣдѣніе о томъ, что третьимъ всеобщимъ съѣздомъ по родиновѣдѣнію въ Финляндіи обсуждался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ мѣстныхъ и центральныхъ музеевъ, причемъ была учреждена комиссія изъ спеціалистовъ для обсужденія даннаго вопроса. Изъ самыхъ обстоятельствъ постановки видно, какъ серьезно отнеслись къ этому трудному вопросу наши ближайшіе культурные сосѣди.

IV.

Областной или мѣстный музей и у насъ въ Россіи является учрежденіемъ, имѣющимъ уже свою исторію ¹. Кавказскій областной музей въ г. Тифлисѣ 2 января 1917 года могъ бы праздновать свой 50-лѣтній юбилей; къ тому же возрасту приближается извѣстный и за предѣлами нашего отечества Минусинскій Публичный мѣстный Музей (основанъ въ 1877 г.); но оба эти учрежденія обязаны своимъ возникновеніемъ энергіи отдѣльныхъ лицъ и частной инициативѣ, а дальнѣйшимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ—правительственной и общественной поддержкѣ. Говоря объ исторіи областного музея въ Россіи вообще, важно, однако, отмѣтить не частные, быть можетъ, и яркіе явленія и примѣры, а болѣе глубокое идейное теченіе, проложившее широкіе пути общему творчеству на этой почвѣ. Если широкимъ покровительствомъ организациі центральныхъ музеевъ (кунстъ-камера, Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ, Оружейная Палата въ Москвѣ) отмѣчены были выше царствованія Петра I и Екатерины II, то къ царствованію Александра I, одновременно съ общимъ ростомъ самосознанія, относится и ростъ сознанія важности храненія памятниковъ древности на мѣстахъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ, напр., изданное въ 1822 г. положеніе „о сохраненіи памятниковъ древности въ Крыму“ ². Одновременно съ нарастаніемъ въ образованной средѣ интереса къ древностямъ (гр. Румянцовъ, А. Мухановъ, А. С. Грибоѣдовъ) обнаруживается стремленіе къ изученію памятниковъ древности и мѣстной старины. Къ этой же эпохѣ относятся проекты учрежденія русскаго національнаго музея (Аделунгъ, Вихманъ).

Царствованіе Николая I отмѣчено рядомъ законодательныхъ актовъ, касающихся сохраненія памятниковъ старины: достаточно сказать, что часть и понынѣ дѣйствующихъ узаконеній о починкахъ древнихъ зданій возникла еще въ царствованіе Николая I. Издаются правила для Керченскаго Музея; учреждаются общества: исторіи и древностей въ Одессѣ, археологическо-нумизматическое въ Петербургѣ; наконецъ, изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря гр. Уварова (1852 г.) повели къ систематическому плану ихъ изслѣдованія и образованію Археологической Комиссіи (1859 г.). Къ тому же времени относится обширная записка митрополита Филарета (Московскаго) „о средствахъ сохранности церковныхъ древностей и рукописей“ (1853 г.), обратившая вниманіе на сбереженіе церков-

¹ В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Т. I. Кн. 2. Кіевъ. 1892. VIII. Музеи, какъ хранилища памятниковъ вещественной древности и искусства. Музеи правительственные, общественные, церковные и частные въ Россіи. Стр. 1350—1423.

² И. С. Зак. XXXVIII, № 29105.

ныхъ древностей, которыя перѣдко подвергались самымъ невѣжественнымъ передѣлкамъ, разрушенію и часто полному уничтоженію.

Шестидесятые годы, одновременно съ крупными общественными реформами Александра II, давшими новую, широкую почву для русской общественной дѣятельности, были началомъ новаго теченія въ исторіи провинціальныхъ музеевъ, ибо починъ въ этомъ дѣлѣ, исходившій въ царствованіе Николая I отъ центральной власти и администраціи, переходитъ въ руки общества. Все настойчивѣе раздаются теперь голоса, требующіе приведенія въ извѣстность всѣхъ сохранившихся въ Россіи древностей, объ устройствѣ музеевъ этнографическихъ (К. Э. фонъ-Бэръ), мѣстныхъ и специальныхъ, напр., церковныхъ ¹, и требованія эти, дѣйствительно, находятъ удовлетвореніе въ возникновеніи цѣлаго ряда подобныхъ музеевъ и собраній, создающихся при ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ, а также отдѣльно. Появляется и обширная литература, основанная на богатыхъ коллекціяхъ нашихъ музеевъ ². Въ возникновеніи большого количества мѣстныхъ музеевъ видная роль въ послѣднее пятидесятилѣтіе принадлежитъ несомнѣнно городамъ и земству. Лишь при матеріальной поддержкѣ городовъ и земства частная инициатива въ дѣлѣ музейнаго коллекціонирования нашла себѣ достойный исходъ. Думается, что въ наше время невозможно уже повтореніе исторіи Новгородскаго Историческаго Музея, когда изъ-за отсутствія средствъ онъ на многіе годы долженъ былъ перестать существовать, что связано было съ утратой имъ значительной части собранныхъ коллекцій. Нѣкоторые изъ музеевъ обязаны своимъ возникновеніемъ дѣятельности губернскихъ статистическихъ комитетовъ, учрежденныхъ въ провинціи архивныхъ комиссій; многіе, конечно, возникли тоже благодаря частной инициативѣ. Было бы невозможно перечислить здѣсь всѣ возникшія тѣмъ или инымъ путемъ музейныя организаціи. Для примѣра укажемъ на разившійся за послѣднія 15 лѣтъ по богатству своихъ собраній въ большой областной музей—Кіевскій Научный и Художественно-Промышленный Музей, получившій для развитія своей дѣятельности правительственную матеріальную поддержку.

Въ г. Полтавѣ на средства земства содержится большой мѣстный Музей, принявшій въ себя большое частное собраніе г-жи Скаржинской въ Лубнахъ. Число музеевъ ежегодно растетъ, и рѣдкій день повременныя изданія не заключаютъ въ себѣ свѣдѣній изъ жизни того или другого провинціального музея. За губернскими городами слѣдуютъ города уѣздные, и перѣдко энергіи мѣстныхъ дѣятелей съ помощью земства удается создать музей въ городкѣ съ нѣсколькими

¹ П. Д. Мансветовъ. Объ устройствѣ церковно-археологическихъ музеевъ. Православное Обозрѣніе 1872, № 2.

² См. В. С. Иконниковъ, *op. cit.*, стр. 1370—1374.

тысячами жителей, стоящемъ вдали не только отъ культурныхъ центровъ, но даже отъ желѣзной дороги.

Есть ли, однако, въ этой несомнѣнно рвущейся къ творчеству дѣятельности въ области музейнаго строительства какой-нибудь выдержанный планъ, ясно поставленныя цѣли, съ обезпеченными для ихъ исполненія средствами? Въ мои задачи не входитъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, но на реальныхъ примѣрахъ мы ясно видимъ, что мы были бы далеки отъ истины, отвѣтивши положительно на поставленный вопросъ. Если бы, для примѣра, мы взяли положеніе музейнаго дѣла въ Черниговѣ, гдѣ имѣются три музея: церковное древлехранилище, Историческій Музей Черниговской Архивной Комиссіи и Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго Черниговскаго Губернскаго Земства, изъ которыхъ ни одинъ не обезпеченъ, какъ слѣдуетъ, подходящимъ помѣщеніемъ, ученымъ персоналомъ и матеріальными средствами для активной дѣятельности, то намъ кажется законнымъ выводъ, что такое положеніе не можетъ быть никомъ образомъ признано нормальнымъ. Не подлежитъ далѣе сомнѣнію, что многіе музеи нашей провинціи находятся въ очень тяжкихъ условіяхъ, и выходъ изъ этихъ условій долженъ быть найденъ, ибо это серіозный вопросъ нашей текущей культурной жизни. Когда въ концѣ 1913 г. въ Москвѣ, по инициативѣ директора Московскаго Историческаго Музея князя Н. С. Щербатова, созванъ былъ предварительный съѣздъ дѣятелей музейнаго дѣла для выработки программы и постановки вопросовъ музейнаго дѣла въ Россіи для предположеннаго и несостоявшагося, въ виду военнаго времени, съѣзда музейныхъ дѣятелей, то уже многочисленность этого предварительнаго съѣзда, гдѣ сошлись и представители центральныхъ музеевъ Россіи и дѣятели самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ, и живой обмѣнъ мнѣній по поводу самыхъ неотложныхъ нуждъ музейной жизни показали всѣмъ участникамъ его своевременность постановки и разрѣшенія ряда самыхъ важныхъ задачъ.

Для правильнаго рѣшенія практическихъ задачъ и цѣлей существенно необходимо начать съ постановки основныхъ вопросовъ. Такимъ основнымъ вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависить весьма многое въ сферѣ практической дѣятельности, является вопросъ о задачахъ областного музея ¹. Посильному отвѣту на этотъ вопросъ посвящено будетъ дальнѣйшее изложеніе.

¹ Здѣсь я долженъ сдѣлать важную оговорку: я вездѣ имѣлъ и имѣю въ виду лишь музеи научнаго характера, не касаясь вовсе разнаго рода специальныхъ музеевъ: техническихъ, сельско-хозяйственныхъ, педагогическихъ и т. п., а также вовсе оставляю въ сторонѣ спеціальныя коллекціи по искусству, какъ, напр., картинныя галлерей.

V.

Выше мы уже упоминали о двухъ основныхъ принципахъ, на которыхъ долженъ конструироваться областной музей. Такой музей долженъ носить смѣшанный характеръ, во-первыхъ, и не долженъ стремиться къ универсальности, во-вторыхъ.

Эти два тезиса должны быть прочно установлены какъ въ сознаниіи тѣхъ, кто дастъ средства музею, такъ и въ сознаниіи его работниковъ. Въдь, кромѣ крупныхъ центровъ, богатыхъ городовъ, могущихъ себѣ позволить роскошь создать не одинъ, а нѣсколько специальныхъ музеевъ, большинству нашихъ провинціальныхъ, губернскихъ городовъ едва лишь по средствамъ, объединивъ всѣ мѣстныя силы, создать одинъ только музей, если онъ будетъ удовлетворять тому назначенію, о которомъ говорилось уже выше. Понятно, что музей и долженъ удовлетворить ряду поставленныхъ задачъ, а не специализироваться на одной: онъ долженъ дать намъ наглядную картину природы края, т. е. представить: 1) Географію: поверхность, почвы, геологію, естественныя богатства, животный и растительный міръ—словомъ, дать полный естественно-историческій музей края. 2) Исторію—т. е. коллекціи археологическія, историко-бытовыя и документальныя. 3) Населеніе края—его антропологическій составъ и бытъ (этнографія). 4) Отдѣлъ статистики.

Можетъ ли областной музей стремиться къ достиженію универсальности въ какой бы то ни было области? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить категорически отрицательно.

Всякому должно быть ясно, что—возьмемъ ли мы зоологію или ботанику, археологію или этнографію—достигнуть универсальной полноты коллекцій въ любой изъ этихъ областей провинціальному музею не подъ силу, уже хотя бы по соображеніямъ чисто матеріальнаго характера, а потому и всякія стремленія въ данномъ направленіи должны быть признаны нераціональными, вредными для прямыхъ цѣлей и задачъ музея. И пусть не думаютъ, что въ этомъ ограниченіи заключена тенденція умалить достоинство областного музея, что онъ устраняется отъ какихъ-то правъ, принадлежащихъ центральнымъ музеямъ, которые желаютъ эти права монополизировать. Такія мысли въ основѣ своей были бы весьма ошибочны. Здѣсь дѣло идетъ не о правахъ и монополіи, а о разумномъ раздѣленіи труда для общей пользы. И передъ областнымъ музеемъ стоитъ особая, для центрального музея недостижимая задача: дать съ исчерпывающей полнотой картину развитія своей области и ея особенностей. Представимъ себѣ музей, посвященный этнографіи Россіи, гдѣ должны быть представлены народы Европейской Россіи, Сибири, Кавказа, Средней Азіи. Сколько мѣста въ такомъ центральномъ музеѣ можетъ быть отведено Пол-

тавской губ., имѣющей несомнѣнно много отличительныхъ чертъ даже въ сравненіи съ сосѣдними малорусскими губерніями? При соблюденіи пропорціональности мѣсто это можетъ быть лишь очень скромнымъ, и въ немъ найдутъ помѣщеніе лишь типичные для данной губерніи образцы. Иначе дѣло обстоитъ для музея областного: его задача уже и шире вмѣстѣ. Она ограничивается территоріей области, ея населеніемъ, но музей стремится къ полнотѣ въ предѣлахъ этой территоріи, стремится собрать всѣ варіаціи костюма, головного убора, домашней утвари и т. д., полностью, для центрального музея недостижимой. Цѣль—общая, высшая идейная задача—одна и та же, но идутъ къ ней различными подходами, изъ которыхъ каждый совершенно необходимъ для достиженія цѣли ¹.

Планъ областного музея, примѣрный, могъ бы быть слѣдующій.

Отд. I. Естественнo-историческій.

- а) Географія физическая: метеорологія, морфологія поверхности, геологія и палеонтологія, минералогія, почвы.
- б) Ботаника.
- в) Зоологія.
- д) Антропологія и доисторическая археологія.

Отд. II. Историко-гуманитарный.

- а) Церковныя древности.
- б) Этнографія, съ отд. историческаго быта.
- в) Историческая географія.
- д) Архивные документы и рукописи.
- е) Статистика.

Отд. III. Библіотека—общая для всѣхъ отдѣловъ.

Необходимое вспомогательное учрежденіе—небольшая лабораторія.

VI.

Для осуществленія правильно понятыхъ и правильно поставленныхъ задачъ и цѣлей, по установленіи плана практической дѣятельности, неизбѣжно обратиться къ средствамъ ихъ исполненія. Конечно,

---

¹ У А. М. Тальгрена мы находимъ слѣдующія строки: „мѣстнымъ музеямъ слѣдуетъ стремиться, конечно, къ тому, чтобы быть именно мѣстными музеями и не преступать установленныхъ для нихъ границъ. Ихъ задача вовсе не заключается въ томъ, чтобы соперничать съ центральнымъ музеемъ; наоборотъ, они должны ставить общій интересъ выше мѣстнаго и поэтому уступать въ пользу центрального музея такіе предметы, которые въ интересахъ науки должны находиться въ числѣ его коллекцій“.

первый, наиболее существенный вопрос—это средства матеріальныя. Для нормальнаго функціонированія музея, серьезно обслуживающаго научныя цѣли, нужны большія средства. О размѣрѣ необходимыхъ средствъ скажемъ ниже по выясненіи нѣкоторыхъ предварительныхъ условій, здѣсь же умѣстно выразить убѣжденіе, что для серьезной цѣли, могущей имѣть не только обще-культурное, но со временемъ и важное практическое значеніе, средства должны быть изысканы, и они, конечно, найдутся, если самое дѣло музея будетъ поставлено хорошо, т. е. правильно. Не будь музей общественно-полезнымъ, жизненнымъ и отвѣчающимъ нарошшимъ потребностямъ учрежденіемъ, музеи не множились бы такъ повсюду, не росли бы вездѣ, несмотря на всѣ, часто, казалось бы, весьма неблагоприятныя, условія. Чтобы судить о матеріальныхъ средствахъ, нужно имѣть прежде всего въ виду слѣдующее: 1) Музей долженъ имѣть средства собирать коллекціи и пріобрѣтать отдѣльныя вещи и книги. 2) Музей долженъ быть обезпеченъ подготовленнымъ ученымъ персоналомъ. 3) Музей долженъ быть обезпеченъ въ своихъ хозяйственныхъ потребностяхъ.

Собирать коллекціи значитъ: имѣть возможность выѣхать на извѣстный срокъ для систематической работы съ соответствующимъ снаряженіемъ для натуралистовъ, инструментаріемъ для антропологовъ, всѣмъ необходимымъ при производствѣ раскопокъ для археологовъ и т. д. Всѣ экскурсанты нуждаются въ фотографическихъ аппаратахъ и пластинкахъ. Не забудемъ и того, что библіотека нуждается въ систематическомъ пополненіи книгами,—ибо безъ книгъ не можетъ быть ученой работы.

Согласно вышеприведенному плану музея, ученый персоналъ его не можетъ состоять менѣе, чѣмъ изъ 4-хъ человекъ. Они имѣютъ такую административную организацію. Во главѣ двухъ основныхъ отдѣловъ стоятъ два завѣдующихъ ими лица, причемъ одно изъ нихъ является директоромъ музея. У каждаго завѣдующаго отдѣломъ имѣется помощникъ. Помощникъ завѣдующаго естественно-историческимъ отдѣломъ является и лаборантомъ-техникомъ при лабораторіи, помощникъ завѣдующаго историко-гуманитарнымъ отдѣломъ является, кромѣ того, библіотекаремъ. Хранителемъ церковно-археологическихъ коллекцій можетъ быть представитель духовнаго вѣдомства. Въ канцеляріи музея и библіотекъ служить по одному лицу, пишущему на машинѣ. Въ штатъ служащихъ входятъ 4 служителя, изъ которыхъ одинъ является его швейцаромъ.

Для содѣйствія дѣятельности музея существуетъ Совѣтъ музея. Ему же принадлежитъ пріемъ отчета управленія музея, контроль дѣятельности администраціи его, выборъ директора, утвержденіе служащихъ. Совѣтъ составляется изъ представителей отъ администраціи, земства, города (кромѣ представителя Губернской Земской Управы и городского головы, которые всегда являются членами Со-

вѣта), Министерства Народнаго Просвѣщенія, Духовнаго Вѣдомства и двухъ завѣдующихъ отдѣлами музея (всего 10 человекъ). Завѣдующіе отдѣлами должны обладать дипломами высшихъ учебныхъ заведеній: одинъ—натуралистъ, другой—историко-филологъ. Желательно, конечно, чтобы и ихъ помощники тоже были съ высшимъ образованіемъ, но отъ этого пожеланія могутъ быть отступленія. Не приводя здѣсь детально подсчета необходимыхъ суммъ, я могу лишь сказать, что, при маломальски приличномъ вознагражденіи труда интеллигентныхъ силъ музея, его бюджетъ, принимая во вниманіе тоже и хозяйственныя нужды, можетъ исходить изъ минимальной суммы—около 25.000 руб. въ годъ ¹.

Цифра эта, конечно, очень велика сравнительно съ тѣмъ, что расходовали обыкновенно мѣстные музеи до настоящаго времени. Но если мы вспомнимъ общій ростъ расходовъ, въ томъ числѣ неизбежно и на культурныя потребности, то цифра эта не слишкомъ велика абсолютно и не должна пугать воображенія ни скромныхъ музейныхъ дѣятелей, ни тѣхъ особенно, кто несетъ расходы по-содержанію музеевъ.

Признавая музеи не только полезнымъ, но необходимымъ съ государственной точки зрѣнія учрежденіемъ, государство должно оказать имъ помощь въ видѣ правительственной ежегодной суммы, ассигнуемой на ихъ содержаніе. Сумма въ 10—12 тысячъ рублей ежегодно не легла бы слишкомъ тяжкимъ бременемъ на государственное казначейство, сумму же въ 10 тысячъ рублей должны дать земство и городъ. Служащихъ музея государство должно также обезпечить правами съ государственной службой связанными.

Музей находится въ вѣдѣніи Губернской Земской Управы, и ея предсѣдатель является ех officio предсѣдателемъ Совѣта музея.

Говоря о матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для жизни музея, пора, наконецъ, высказаться опредѣленно и до конца. Пора положить, наконецъ, предѣлъ тому недостойному положенію, въ какомъ

¹ Штатныя суммы могли бы слагаться приблизительно такъ:

1) Директоръ музея (онъ же завѣдуетъ однимъ изъ отдѣловъ) . . .	3.000 р.
2) Второй завѣдующій отдѣломъ (помощникъ директора)	2.400 „
3) Три хранителя-ассистента по 1.500 р.	4.500 „
4) Два канцелярскихъ служащихъ (писца) по 600 р.	1.200 „
5) Четыре служителя по 480 р.	1.920 „
6) Бюджетъ: а) каждаго отдѣла по 2.000 р. въ годъ	4.000 „
б) бібліотека	2.000 „
в) лабораторіи (съ фотографіей)	2.000 „
г) печатаніе каталоговъ, списковъ, отчетовъ	600 „
е) канцелярскіе расходы	300 „
7) Хозяйственные расходы: ремонтъ зданія, отопленіе и проч.	3.000 „

Итого . . . . . 24.920 р.

Примѣчаніе. Читатель долженъ имѣть въ виду, что проектъ смѣты составлялся авторомъ въ 1915 году.

находятся у насъ очень часто дѣятели музеевъ, являющіеся нерѣдко прямо подвижниками, а часто просто мучениками своего дѣла. Основной элементъ, изъ котораго складывается вся ихъ дѣятельность—простая случайность. Все, начиная отъ сочувствія мѣстной власти, отношенія учрежденія, дающаго музею помѣщеніе, средства, — рѣшительно все носитъ характеръ случайности. Извѣстно, какъ на отношенія лица, стоящаго во главѣ административной власти, часто зиждется общее отношеніе всѣхъ вѣдомствъ къ музею и его представителю. Пройдетъ ли смѣта черезъ городскую думу или земское собраніе? Вѣдь, это вопросъ: быть или не быть, причемъ извѣстны случаи, когда отвѣтъ получался именно: *не быть*. Удастся достать отъ мѣстнаго мецената нѣсколько сотенъ рублей для напечатанія отчета о музеѣ или для приобрѣтенія коллекціи—хорошо, не удастся—не будетъ ни отчета, ни коллекціи. Всему этому давно пора положить рѣшительный конецъ и, въ случаяхъ невозможности обезпечить достойное и полезное существованіе музея,—отказаться отъ его устройства вовсе. Сколько у насъ заброшенныхъ начинаній! Въ томъ видѣ, въ какомъ у насъ часто обрѣтаются музеи, съ полнымъ отсутствіемъ средствъ для дѣятельности, не стоитъ тратить вовсе денегъ даже на нищенское жалованье его хранителю,—онъ все равно дѣлать ничего не можетъ.

VII.

Пора, съ другой стороны, положить конецъ и полному хаосу въ музейной жизни и дѣятельности, который характеризуетъ современное положеніе дѣлъ. Здѣсь опять приходится говорить о выработкѣ плана дѣятельности и его систематическомъ осуществленіи. Начнемъ хотя бы съ вопроса о зданіи для музея или его помѣщеніи. Уже здѣсь должны быть соблюдены извѣстныя элементарныя требованія. Прежде всего, конечно, нужно имѣть въ виду безопасность въ пожарномъ отношеніи, а потомъ общую охрану. Далѣе, когда подъ музей отводится какое-нибудь изъ существующихъ уже зданій и помѣщеній, то въ немъ, естественно, приходится приспособляться и мириться съ несовершенностями и нецѣлесообразностью его для музейныхъ цѣлей. Но съ грустью нужно сказать, что намъ извѣстны случаи, когда зданіе вновь строилось для музея безъ малѣйшаго вниманія къ тому, чтобы сдѣлать это цѣлесообразно. И здѣсь—случайность, притомъ уже, въ этихъ условіяхъ, недопустимая. Практики музейнаго дѣла теперь могутъ уже сформулировать рядъ опредѣленныхъ требованій и заданий для специалистовъ-архитекторовъ. Самое лучшее было бы объявить всероссійскій конкурсъ на проектъ зданія для областного музея,—проектъ, который долженъ удовлетворять поставленнымъ предварительно условіямъ и требованіямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была пред-

ставлена въ комиссію, обсуждавшую проект приспособленія стараго зданія (такъ называемаго Бироновскаго дворца) на Тучковомъ буянѣ въ Петроградѣ для нуждъ городского Музея, записка, въ которой изложены основныя положенія по этому вопросу, принятыя означенной комиссіей¹, и къ этой запискѣ могутъ обратиться заинтересованныя вопросомъ лица.

То же нужно сказать и о спеціальной, потребной для музея, мебели, т. е. шкапахъ, витринахъ для храненія и выставки вещей. Наиболѣе простая, удобная и прочная мебель конструируется изъ желѣза и зеркальнаго стекла. Но, въ виду ея крайней дороговизны, отъ нея приходится отказаться. Здѣсь тоже по заданіямъ музейныхъ специалистовъ слѣдовало бы объявить конкурсъ на конструированіе простой, прочной, пыленепроницаемой и доступной по цѣнѣ витрины и шкапа изъ дерева и легернаго стекла. Но это только служебно-техническая часть дѣла. Особое вниманіе должно быть, конечно, посвящено организации научной дѣятельности музея.

Здѣсь прежде всего нужно озаботиться правильной постановкой сбора матеріаловъ, необходимыхъ для полноты музея. Правильность этой постановки состоитъ въ непрерывности и систематичности этой работы. Поступающій же матеріалъ долженъ быть немедленно научно зарегистрированъ и введенъ въ систематическіе инвентари и указатели, чтобы сдѣлать его въ наиболѣе легкой формѣ доступнымъ для работъ ученыхъ специалистовъ и для тѣхъ, кому матеріалъ этотъ необходимъ для соотвѣствующихъ цѣлей. Было бы, конечно, весьма желательно, если бы средства позволяли музею въ годичномъ отчетѣ давать обстоятельныя данныя о ходѣ научныхъ работъ въ музеѣ.

Не нужно забывать также просвѣтительной задачи музея. Часть его коллекцій должна быть расположена въ систематическомъ порядкѣ въ помѣщеніяхъ, доступныхъ для обозрѣнія ихъ публикой, въ числѣ которой видную часть составляютъ учащіеся разныхъ видовъ школъ. Сдѣлать, путемъ рациональнаго этикетажа и спеціального краткаго указателя-путеводителя по музею, коллекцій его понятными и интересными для посѣтителей—задача, достойная творческой мысли дѣятелей музея.

Объ этихъ дѣятеляхъ музея, именуемыхъ обыкновенно хранителями, иногда консерваторами, тоже умѣстно сказать здѣсь нѣсколько словъ. Самое наименованіе хранитель, или консерваторъ, звучитъ какимъ-то архаизмомъ, и должно было бы замѣнить его чѣмъ-либо болѣе современнымъ и болѣе соотвѣствующимъ дѣятельности музейнаго работника.

Починитъ Академіи Наукъ, именующей ученый персоналъ своихъ

---

¹ Записка, представленная Особымъ Совѣщаніемъ объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ Городскаго Промышленно-Художественнаго и Техническаго Музея. (Комиссія работала съ 12/хІ 1912 г. по 11/ІІ 1913 г.). СПб. 1913. Стр. 13—14.

музеевъ зоологами, ботаниками, этнографами, а не хранителями, слѣдовало бы распространить на весь ученый персоналъ музейныхъ работниковъ до провинціальныхъ включительно. „Зоологъ или археологъ губернскаго (такого-то) музея“ звучало бы гораздо болѣе достойно для самаго скромнаго дѣятеля науки, чѣмъ ничего не говорящее, устарѣвшее слово „хранитель“. О положеніи всякаго, самаго младшаго по службѣ дѣятеля музея и его роли нужно сказать, что только тогда онъ будетъ чувствовать себя на своемъ мѣстѣ полезнымъ работникомъ, если въ предѣлахъ сознанныхъ и опредѣленно поставленныхъ задачъ и при исполненіи совершенно специальныхъ функцій, требуемыхъ музейной службой, онъ будетъ предоставленъ самому себѣ, какъ самостоятельный ученый работникъ. Лишь когда его индивидуальность не будетъ совершенно задавлена казенной, формальной служебной тяготой, онъ сохранится живымъ, постоянно прогрессирующимъ въ своей специальности, необходимымъ членомъ одной большой семьи дѣятелей науки. Участіе служащихъ Музея въ совѣщаніяхъ, періодически созываемыхъ по вопросамъ научнымъ, музейно-техническимъ и хозяйственнымъ, сдѣлало бы его участникомъ общаго музейнаго строительства.

VIII.

Въ заключеніе я позволю себѣ цитировать слова моей вышеупомянутой записки, представленной Особому Совѣщанію при СІПБ. Городскомъ Управленіи (стр. 1—2) въ 1913 г., ибо повторю ихъ въ точности съ глубокимъ убѣжденіемъ: „Современный музей уже вышелъ на путь осуществленія сознанный въ идеалѣ задачи—сдѣлаться живой лабораторіей для проявленія творчества человѣка,—въ области ли эстетической, въ сферѣ ли научной мысли или практическаго изобрѣтенія, этого могучаго фактора современной культуры. Взявъ на себя специальные задачи, музей сдѣлался необходимостью для науки и для всѣхъ видовъ школы, до высшей включительно. Музей постепенно проникается тенденціей взять на себя частично задачи школы и въ то же время сдѣлаться постоянной, живой, органической потребностью для духовно растущей народной массы“. Усвоивъ этотъ взглядъ на значеніе и назначеніе музея, я не нахожу достаточно горячихъ словъ убѣжденія, чтобы обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ, организаціямъ и лицамъ съ призывомъ проводить, гдѣ только возможно, идею широкой поддержки музея, какъ важнаго культурнаго начинанія. Поэтому необходимо:

1) Всѣми доводами и средствами добиваться отъ прѣвительства выработки нормальнаго положенія объ областныхъ музеяхъ и изысканія средствъ для матеріальной поддержки ихъ.

2) Обратиться съ широкимъ призывомъ къ общественнымъ

мѣстнымъ органамъ: земствамъ, городамъ, ученымъ обществамъ и проч. о всемѣрной, энергичной поддержкѣ музеевъ матеріальными средствами и о всяческой моральной поддержкѣ лицъ, работающихъ въ области музейнаго строительства.

3) Сдѣлать попытку объединенія дѣятелей земства, городовъ и духовенства съ цѣлью созданія въ губернскихъ центрахъ одного областного музея. Этотъ музей подѣ силу вынести лишь на общихъ усиліяхъ,—здѣсь единственный принципъ можетъ быть только: *Viribus unitis!*

Мы глубоко убѣждены въ будущемъ расцвѣтѣ музейнаго созиданія въ Россіи. Необходимо особенно теперь же помочь разсѣяннѣмъ по необъятной территоріи Россіи музейнымъ работникамъ: помочь совѣтомъ и указаніями ¹. Для этого необходимо прежде всего объединеніе ихъ усилій, обмѣнъ въ ихъ исканіяхъ и творческой мысли. Осуществиться оно можетъ въ двухъ формахъ: 1) Въ созданіи періодическаго изданія специально посвященнаго музею, какъ учрежденію, для обсужденія, разработки и освѣщенія всѣхъ вопросовъ музейной жизни. 2) Въ созывѣ періодическихъ, сначала болѣе частыхъ съѣздовъ музейскихъ работниковъ, для взаимнаго ознакомленія, обмѣна мыслями и постановки вопросовъ, связанныхъ съ практическими, жизненными задачами ихъ обездоленныхъ пока дѣтищъ—провинціальныхъ музеевъ.

Н. Могиланскій.

Литература ².

I. Сочиненія общаго характера.

- 1) 1872 г. Мансветовъ. — Объ учрежденіи церковно-археологическихъ музеевъ, „Православное Обозрѣніе“ 1872, № 2.
- 2) 1876 г. Проектъ правилъ о сохранности историческихъ памятниковъ, выра-

---

¹ Для этой цѣли весьма полезно было бы устройство специальныхъ курсовъ музейнаго дѣла въ столичныхъ городахъ, обладающихъ научными и специальными средствами какъ для организаціи курсовъ, такъ и для постановки на нихъ преподаванія. Не менѣе важно было бы составленіе специальной инструкціи для завѣдующихъ музеями, гдѣ изложены были бы основныя положенія и выводы изъ значительныхъ уже теперь опыта и практики музейнаго дѣла у насъ и за границей.

² Списокъ пополненъ, проверенъ и расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ бібліотекаремъ Русскаго Музея Императора Александра III Н. М. Серебряковымъ по матеріаламъ бібліотеки Этнографическаго Отдѣла Музея.

ботанный въ Коммисіи подъ предѣдательствомъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго.—Спб. 1876.

Примѣчаніе. Заключается Обзоръ мѣропріятій къ поддержанію и сохраненію разныхъ видовъ древностей въ западно-европейскихъ государствахъ.

- 3) 1890 г. **Уварова, П. С., гр.**—Областные Музеи.—Москва, 1890.
- 4) 1906 г. **Нагуевскій, Д.**—Изъ жизни музеевъ.—Казань, 1906.
- 5) 1910 г. **Большдтъ, Р.**—Организованное изслѣдованіе родины въ Финляндіи (съ картою). Гельсингфорсъ, 1910.
- 6) 1912 г. **Харузина, В.**—Отчетъ о лѣтней поѣздкѣ въ Германію. (Каталогизація, консервированіе и размѣщеніе коллекцій въ этнографическихъ музеяхъ).—Москва, 1912.
- 7) 1913 г. **Тальгрень, А. М.**—Родиновѣдѣніе въ Финляндіи (задачи, исторія и современная его организація). Перев. Л. К. Тимофеева.—Спб. 1913.
- 8) с. а. **Бѣляевъ, А. Д.**—Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ. „Труды Виленскаго Археологическаго съѣзда“.
- 9) с. а. **Гавриловъ, А.**—Постановленія и распоряженія Св. Синода о сохраненіи и изученіи памятниковъ древностей.
- 10) с. а. **Даниловъ, И.**—Правительственные распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ Имп. Петра I, особенно въ царствованіе Александра II. „Вѣстникъ Археологін и Исторіи“, т. VI.
- 11) с. а. **Маневетовъ.**—Мѣстные музеи въ губернскихъ городахъ: „Извѣстія Имп. Археол. О-ва“. Т. VI, в. I.

II. Сочиненія, относящіяся къ отдѣльнымъ музеямъ.

- 12) 1829 г. **Музей, Русскій, Павла Свиннына.** Краткая опись предметовъ.—1829.
- 13) 1851 г. **Музеумъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.** Одесса, 1851.
- 14) 1856 г. **Нейманъ.**—Керченскій Музей. Изд. Эрмитажа.—Спб. 1856.
- 15) 1858 г. **Музей древности, состоящій при Виленской Публичной Библіотекѣ.** Перечневый каталогъ предметовъ. 1858.
- 16) 1863 г. **Образованіе Музея при Московскомъ Статистическомъ Комитетѣ.** Московскія Губернскія Вѣдомости. 1863, №№ 45 и 46.
- 17) 1865 г. **Дневникъ засѣданій коммисіи для разбора, приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленскомъ Музеумѣ Древностей.** (Изъ „Вѣстника Западной Россіи“).—Вильна 1865.
- 18) 1867 г. **Указатель, краткій, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.**—1867, 1873.
- 19) 1868 г. **Богословскій, Н. Г.**—Описаніе Музея Новгородскаго Земства.—Новгородъ, 1868.
- 20) 1868 г. **Богословскій.**—Опись Музея Новгородскаго Земства.—Новгородъ, 1868.
- 21) 1869 г. **Указатель Θεодосійскаго Музея Древностей.**—Θеодосія, 1869.
- 22) 1870 г. **Брунъ, Ф.**—Одесское Общество Исторіи и Древностей, его записки и археологическія собранія.—Одесса, 1870.
- 23) 1871 г. **Указатель, краткій, Музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.**—Изд. 2-е. Одесса, 1871.
- 24) 1874 г. **Иезбера, Ф. И.**—Открытіе Русскаго Этнографическаго Музея Ф. И. Иезберы при Варшавскомъ Уннверситетѣ.—(Варшава, 1874).
- 25) 1874 г. **Музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.** Краткій указатель.—Изд. 4-е. Одесса, 1874.

- 26) 1874 г. **Петровъ, Н. И.**—Описание рукописей Церковно-Археологического Музея при Кіевской Духовной Академіи. Изъ „Труд. Кіевск. Дух. Акад.“—1874—1878.
- 27) 1874 г. **Указатель** Θεодосійскаго Музея Древностей.—Θεодосія, 1874 и 1880.
- 28) 1875 г. **Іезбера, Ф. И.**—Музей для нагляднаго ознакомленія съ Россією при Варшавскомъ Университетѣ. Изъ „Варшавск. Универс. Изв.“—1875—1878 гг.
- 29) 1875 г. **Программа** для составленія Олонецкаго Ест.-Промышленнаго и Ист.-Этнографическаго Музея.—Петрозаводскъ, 1875.
- 30) 1876 г. **Музей, Олонецкій, Естественно-Промышленный и Историко-Этнографическій, основанный при Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ въ 1871 г.** Каталогъ предметовъ, поступившихъ въ Музей къ 1 мая 1876 г. 1-е прибавленіе (съ мая 1876 г. по іюль 1878 г.). Составл. А. Ивановымъ.—Петрозаводскъ, 1876.
- 31) 1877 г. **Вырубовъ, В.**—Предметы древности въ хранилищѣ „Общества Любителей Кавказской Археологіи“. Вып. I.—Тифлисъ, 1877.
- 32) 1879 г. **Іезбера, Ф. И.**—Ф. Іезберы Всероссійскій Музей, или собраніе предметовъ, касающихся познанія русской Имперіи. Музей помѣщается при Варшавскомъ Университетѣ, возлѣ студентской читальни.—Варшава, 1879.
- 33) 1879 г. **Флоринскій, В. М.**—Проектъ публичнаго историко-этнографическаго Музея при Казанскомъ Обществѣ Археологін, Исторіи и Этнографіи.—Казань, 1879.
- 34) 1879 г. **Шляпкинъ, И.**—Опись рукописей и книгъ Музея Археологической Коммисіи при Псковскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ.—Псковъ, 1879.
- 35) 1880 г. **Указатель** Церковно-Археологического Музея при Кіевской Духовной Академіи.—Кіевъ, 1880.
- 36) 1880 г. **Указатель** Θεодосійскаго Музея Древностей.—Изд. 3-е. Одесса, 1880.
- 37) 1881 г. **Мартыановъ, Н. М.**—Минусинскій Публичный мѣстный Музей. Каталогъ и краткое описаніе.—Томскъ, 1881.
- 38) 1881 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель Кавказскаго Музеума. Изд. 3-е. Тифлисъ, 1881.
- 39) 1884 г. **Антоновичъ, В. Б.**—Музей Древностей. Учрежд. Унив. Св. Владіміра.—Кіевъ, 1884.
- 40) 1884 г. **Кельсіевъ, А. И.**—Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава Историко-Этнографическаго Музея въ г. Ростовѣ, Ярославской губ.—Москва, 1884.
- 41) 1884 г. **Музей, Тверской, и его приобрѣтенія въ 1884, 1885, 1887 годахъ.**
- 42) 1885 г. **Добрянскій, Ф. Н.**—Каталогъ предметовъ Виленскаго Музея Древностей.—Изд. 2-е. Вильна, 1885.
- 43) 1885 г. **Патекъ, Ф.**—Каталогъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.—1885.
- 44) 1886 г. **Каталогъ** Естественно-историческаго Музея Нижегородскаго Губернскаго Земства.—1886.
- 45) 1886 г. **Клеменцъ, Д.**—Древности Минусинскаго Музея. (Памятники металлич. эпохъ). Текстъ+Атласъ.—Томскъ, 1886.
- 46) 1886 г. **Музей, Ростовскій, церковныхъ Древностей. В. Мансветовъ.** Описаніе церковной утвари. А. А. Титовъ. Описаніе рукописей. М. А. Лишенскій. Описаніе собранія документовъ.—Ярославль, 1886.
- 47) 1886 г. **Устиновъ, М.**—Археологическій Музей во Псковѣ. Сборникъ Археологическаго Института I.—1886.

- 48) 1887 г. **Десятилѣтіе** Минусинскаго (Публичнаго мѣстнаго) Музея. 1877—1887 Томскъ, 1887.
- 49) 1887 г. **Каталогъ** собранія древностей гр. Ал. Серг. Уварова (сост. гр-ня Уварова). Отд. I—II, III—VI, VII.—М., 1887—1907.
- 50) 1887 г. **Музей**, Петровскій, въ Вологдѣ. Древняя и Новая Россія.—1887.
- 51) 1887 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 5-е. Тифлисъ, 1887.
- 52) 1887 г. **Уварова, гр.**—Каталогъ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ.—М., 1887.
- 53) 1887 г. **Юргевичъ, В.**—Краткій указатель Музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.—Одесса, 1887.
- 54) 1888 г. **Бертье Д(елагардъ), А. Л.**—Каталоги картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ Музеѣ Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей.—Одесса, 1888.
- 55) 1888 г. **Доброворскій, Н.**—Историко-Археологическій Музей въ Смоленскѣ. „Историческій Вѣстникъ“ 1888, № 11.
- 56) 1888 г. **Жизневскій, А. К.**—Описание Тверскаго Музея. Археологическій Отдѣлъ. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова.—Москва, 1888.
- 57) 1888 г. **Каталогъ** картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ Музеѣ Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей.—Одесса, 1888.
- 58) 1888 г. **Кушъ, А. Л.**—Саратовскій Радищевскій Музей въ первое свое трехлѣтіе (1885—1888).—Саратовъ, 1888.
- 59) 1888 г. **Музей**, Археологическій, Томскаго Университета.—Томскъ, 1888.
- 60) 1888 г. **Музей**, Петровскій, близъ Переяславля, Владимірской губ. „Истор. Вѣстн.“ 1888, т. XXXIII.
- 61) 1888 г. **Отдѣлъ**, Археологическій, Семипалатинскаго Областнаго Музея.—Семипалатинскъ, 1888.
- 62) 1888 г. **Ф(лоринскій), В.**—Археологическій Музей Томскаго У-та.—Томскъ, 1888.
- 63) (1889 г.) **Каталогъ** предметовъ Олонецкаго Естеств.-Промышл. и Историческо-Этнографическаго Музея (до 1 апр. 1889 г.).—Петрозаводскъ.
- 64) 1889 г. **Шелюковъ, Ф. С.**—Каталогъ предметовъ Олонецкаго Естественно-Промышленнаго и Историко-Этнографическаго Музея.—Петрозаводскъ, 1889.
- 65) 1890 г. **Сперанскій, М. Н.**—Описание рукописей Тверскаго Музея.—Москва, 1890.
- 66) 1890 г. **Флоринскій, В. М.**—Двадцать три человѣческихъ черепа Томскаго Археологическаго Музея.—Томскъ, 1890.
- 67) 1890 г. **Юргевичъ, В.**—Краткій указатель Музея Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей.—Изд. 2-ое. Одесса, 1890.
- 68) 1891 г. **Каталогъ** вещамъ и документамъ, хранящимся въ Музеѣ Псковскаго Археологическаго Общества.—Псковъ, 1891.
- 69) 1891 г. **Музей**, Тверской. Описание рукописей.—1891.
- 70) 1891 г. **Очеркъ**, краткій историческій исторіи развитія Кавказскаго Музея въ первые 25 лѣтъ его существованія.—Тифлисъ, 1891.
- 71) 1891 г. **Памятники** Казацкой старины въ Музеѣ Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей. „Кіевская Старина“ 1891, кн. 11.
- 72) 1891 г. **Радде, Г.**—Краткій очеркъ исторіи развитія Кавказскаго Музея въ первые 25 лѣтъ существованія (1867—1892).—Тифлисъ, 1891.
- 73) 1891 г. **Ретовскій, О.**—Указатель Θεодосійскаго Музея Древностей.—Изд. 4-ое. Θεодосія, 1891.
- 74) 1892 г. **Нагуевскій, Д. И.**—Обозрѣніе персидскихъ монетъ, хранящихся въ Нумизматическомъ Музеѣ Имп. Казанскаго Ун-та. Казань, 1892.

- 75) 1892 г. **Покровекій, Ѡ. В.**—Виленскій Музей Древностей. Объяснительный текстъ къ фотографическимъ снимкамъ, замѣняющій собою также путеводитель по Музею.—Вильна, 1892.
- 76) 1893 г. **Ежегодникъ** Тобольскаго Губернскаго Музея. Вып. I—XXVI (1893—1916).—Тобольскъ.
- 77) 1893 г. **Ласковекій, В. и Лашковъ, Н.**—Краткое описаніе Новгородскаго Музея (Древностей).—Новгородъ, 1893.
- 78) 1893 г. **Мартыановъ, Н.**—Каталогъ народно-медицинскихъ средствъ, находящихся въ Минусинскомъ мѣстномъ Музеѣ.—Красноярскъ, 1893.
- 79) 1893 г. **Медоксъ, К. П.**—Каталогъ Музея Саратовской Ученой Архивной Комиссіи.—Саратовъ, 1893.
- 80) 1893 г. **Мельникъ, К.**—Каталогъ коллекции древностей А. П. Поля, въ Екатеринославѣ. Вып. I.—Кіевъ, 1893.
- 81) 1894 г. **Боцяновскій, В.**—Волынское Церковно-Археологическое О-во и его Древле-хранилище. „Русская Старина“, 1894.
- 82) 1894 г. **Мамѣевъ, С. Н.**—Рукописи библиотеки Тобольскаго Губернскаго Музея за XVII и XVIII стол. Вып. I (1621—1645).—Тобольскъ, 1894.
- 83) 1894 г. **Heikel, Axel.**—Antiquités de la Sibérie occidentale conservées dans les Musées de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen, d'Ekaterinbourg, de Moscou et d'Helsingfors. „Mem. de la Soc. Finno-Ougrienne“.—Helsingfors, 1894.
- 84) 1894 г. **Терновекій, А. А.**—Библиографія и иконографія Тобольскаго Губернскаго Музея.—Тобольскъ, 1894.
- 85) 1894 г. **Тюменевъ, И.**—Возрожденное Древлехранилище. (Новгородскій Музей Древностей). „Историческій Вѣстникъ“ 1894, № 11.
- 86) 1895 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 7-ое. Тифлисъ, 1895.
- 87) 1895 г. **Харузинъ.**—О древностяхъ Томскаго Музея.—Москва, 1895.
- 88) 1897 г. **Музей** Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I—III.—Одесса 1897—1898; 1906.
- 89) 1898 г. **Берендтъ, Э. Н.**—Описаніе русскихъ монетъ Музея Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахромѣевымъ.—Ярославль, 1898.
- 90) 1898 г. **Гринченко, Б. Д.**—Каталогъ Музея Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго. Т. I. Кіевъ, 1898. Т. II. Черниговъ, 1903.
- 91) 1898 г. **Каталогъ** коллекцій Архангельскаго Городскаго Публичнаго Музея къ 20 мая 1898 г.—Архангельскъ, 1898.
- 92) 1898 г. **Фуреовъ, М. В.**—Описаніе Могилевскаго Музея.—Могилевъ, 1898.
- 93) 1899 г. **Довгялло, Д. И. и Никифоровскій, Н. Я.**—Описаніе предметовъ древности, поступившихъ въ Витебское Епархіальное Церковно-Археологическое Древлехранилище по ноябрь 1897 г. Вып. I.—Витебскъ, 1899.
- 94) 1899 г. **Жебелевъ, С.**—Памятники классической культуры, хранящіеся въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.—Одесса, 1899.
- 95) 1899 г. **Радде, Г. И.**—Краткій путеводитель по Кавказскому Музею.—Изд. 8-ое, дополн. Тифлисъ, 1899.
- 96) 1900 г. **Врадій, В. П.**—Описаніе и первый каталогъ коллекцій Благовѣщенскаго Музея.—Благовѣщенскъ, 1900.
- 97) 1900 г. **Музей, Естественно-Историческій, Полтавскаго Губернскаго Земства.** Описаніе коллекцій.—Полтава, 1900.
- 98) 1900 г. **Отчетъ и уставъ** Ферганскаго Областнаго Публичнаго Музея въ гор. Новомъ Маргеланѣ.—Ташкентъ, 1900.
- 99) 1900 г. **Тураевъ, Б. А.**—Эфіопскія рукописи Музея Церковно-Археологическаго

- Общества при Кіевской Духовной Академіи. (Въ „Зап. Вост. Отд. И. Рус. Арх. О-ва“, т. 12).—1900.
- 100) 1902 г. **Коллекція** Кавказскаго Музея. Изд. Г. И. Радде. Т. V. Археологія (Уваровой). Т. VI. Радде, Г. И. Автобіографія. Ганъ, К. Ф. Біографія Г. И. Радде.—Тифлисъ, 1902, 1912.
- 101) 1902 г. **Конъ, Ф. Я.**—Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго Музея за 25 лѣтъ (1877—1902).—Казань, 1902.
- 102) (1903 г.) **Извѣстія** Кавказскаго Музея. Тт. I—IX.—Тифлисъ.
- 103) 1903 г. **Каталогъ** выставки древностей и рѣдкостей изъ собранія Д. Г. Бурялина.—Иван.-Вознесенскъ, 1903.
- 104) 1903 г. **Каталогъ**, краткій, предметовъ, находящихся въ Смоленскомъ Городскомъ Историко-Археологическомъ Музеѣ.—Смоленскъ, 1903.
- 105) 1903 г. **Колли, Л. П.**—Указатель Θεодосійскаго Музея Древностей.—Изд. 5-ое. Θεодосія, 1903.
- 106) 1903 г. **Музей** Украинскихъ Древностей, пожертвованный Черниговскому Губернскому Земству В. В. Тарновскимъ.—Черниговъ, 1903.
- 107) 1904 г. **Рѣдинъ, Е. К.**—Музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковск. У-та (1805—1905).—Харьковъ, 1904.
- 108) 1904 г. **Сѣцинскій, Е.**—Музей Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества. 1. Опись старопеч. книгъ. 2. Опись предметовъ старины.—Каменецъ-Подольскъ, 1904—9.
- 109) 1904 г. **Труды** Туапсинскаго Научно-Промышленнаго Музея.—Кн. I (1904—1906).—Туапсе.
- 110) 1905 г. **Каталогъ** Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля. Археологія и Этнографія.—Екатеринославъ, 1905, 1910.
- 111) 1905 г. **Родзянко, М. В.** и **Куриловъ, В. В.**—Екатеринославскій Областной Музей имени А. Н. Поля. Исторія созданія и задачи учрежденія. Рѣчи.—Екатеринославъ, 1905.
- 112) 1905 г. **Рѣдинъ, Е.**—Музей изящныхъ искусствъ и древностей Харьковскаго Университета.—Харьковъ, 1905.
- 113) 1905 г. **Скриленко, А.** и **Бабенко, В.**—Каталогъ Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля. Археологія и Этнографія.—Екатеринославъ, 1905.
- 114) 1905 г. **Уставъ** Екатеринославскаго Областнаго Музея имени А. Н. Поля.—Екатеринославъ, 1905.
- 115) 1906 г. **Музей**, Ставропольскій, Сѣвернаго Кавказа, его задачи и программы по отдѣламъ.—Ставрополь, 1906.
- 116) 1906 г. **Протоколы** засѣданій попечительства о Ставропольскомъ Музеѣ Сѣвернаго Кавказа.—Ставрополь, 1906.
- 117) 1907 г. **Глуздовскій, В.**—Каталогъ Музея Общества изученія Амурскаго края.—Владивостокъ, 1907.
- 118) 1907 г. **Музей**, Пермскій Научно-Промышленный. Краткій Указатель (Н. Г. Остроумова).—Пермь, 1907.
- 119) 1907 г. **Отчетъ** по Этнографическому Музею (Харьк. Унив.) за 1906/7 годъ.—Харьковъ, 1907.
- 120) 1908 г. **Сборникъ** Черниговскаго Епархіальнаго Древлехранилища I (1908).—Черниговъ.
- 121) 1909 г. **Каталогъ** Кубанскаго Этнографическаго и Естественно-Историческаго Музея.—Екатеринодаръ, 1909.
- 122) 1910 г. **Голубцовъ, Н. А.**—Записка объ Архангельскомъ Городскомъ Публичномъ Музеѣ.—Архангельскъ, 1910.

- 123) 1910 г. **Ежегодникъ** Казанскаго Городскаго Научно-Промышленнаго Музея. Отчетъ за 1909—1915.—Казань, 1910—1916.
- 124) 1910 г. (**Катановъ, Н.**).—Каталогъ Казанскаго Городскаго Научно-Промышленнаго Музея. Отдѣлъ Историко-Этнографическій. №№ 1, 2.—Казань, 1910.
- 125) 1910 г. **Лучникъ, В.**—Ставропольскій Городской Музей. „Любитель Природы“. 1910.
- 126) 1910 г. **Музей**, Херсонскій Городской, Древностей Херсонскаго края. Состав. В. И. Гошкевичъ. Вып. I—VII (1910—1916).
- 127) 1910 г. **Очеркъ**, краткій, дѣятельности Сарапульскаго Земскаго Музея, за 1-й годъ его существованія (1909—1910).—Сарапуль, 1910.
- 128) 1910 г. **Хейкель, А.**—Музей среди природы на остр. Фелизе, близъ Гельсингфорса.—Гельсингфорсъ, 1910.
- 129) 1911 г. **Извѣстія** Сарапульскаго Земскаго Музея.—Вып. 1—4 (1911—1914).—Сарапуль.
- 130) 1911 г. **Каталогъ**, краткій, предметовъ церковнаго отдѣла въ Новгородскомъ Музеѣ Древностей.—Новгородъ, 1911.
- 131) 1911 г. **Каталогъ** Музея при Пензенскомъ Художественномъ Училищѣ имени Н. Д. Селиверстова.—Пенза, 1911.
- 132) 1911 г. **Коралловъ, Ѳ. В.**—Музей Церковно-Археологическій, при Холмскомъ Православномъ Свято-Богородицкомъ Братствѣ.—Холмъ, Любл. губ. 1911.
- 133) 1912 г. **Змигродскій, К. Л.**—Каталогъ Музея Витебской Ученой Архивной Комиссіи.—Витебскъ, 1912.
- 134) 1912 г. **Линниченко, И. А.**—Историческій путь и Музей г. Кіева.—Одесса, 1912.
- 135) 1912 г. **Уставъ** Музея Сарапульскаго Уѣзднаго Земства.—1912.
- 136) 1912 г. **Хейкель, А. О.** Музей среди природы на островѣ Фелизе (по-фински: Seurasaari) близъ Гельсингфорса. Изд. 2-ое. Гельсингфорсъ, 1912.
- 137) 1913 г. **Ватинъ, В. А.**—Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Изд. Минусинскаго Мартыановскаго Музея.—Минусинскъ, 1913.
- 138) 1913 г. **Габаевъ, Г. С.**—Отзывъ о трудѣ Н. А. Маркса: „Обозрѣніе предметовъ военной старины. Отд. I. Музеи войсковыхъ частей“.—Спб. 1913.
- 139) 1913 г. **Голубцовъ, Н. А.**—Архангельскій Городской Музей и его коллекціи.—Архангельскъ, 1913.
- 140) 1913 г. **Ежегодникъ** Естественно-Историческаго Музея Полтавскаго Губернскаго Земства за 1912 г., № 1.—Полтава, 1913.
- 141) 1913 г. **Моллесонъ, М.**—Русскіе этнографическіе музеи и собранія. III. Троицко-савско-Кяхтинскій Музей. (Изъ „Живой Старины“, 1913).
- 142) 1914 г. **Ватинъ, В. А.**—Село Минусинское. Историческій очеркъ. Изданіе Минусинскаго Городскаго Мартыановскаго Музея.—Минусинскъ, 1914.
- 143) 1914 г. **Описаніе** коллекцій Красноярскаго Музея. Изд. Красноярскаго Подъотдѣла Рус. Геогр. О-ва. Отдѣлъ Археологическій. Вып. I. Ермолаевъ, А. Ишимская коллекція.—Красноярскъ, 1914.
- 144) 1915 г. **Двадцатипятилѣтіе** Красноярскаго Городскаго Музея. (Красноярскій Подъотдѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Рус. Геогр. О-ва). (1889—1914).—Красноярскъ, 1915.
- 145) 1915 г. **Лучникъ, В.**—Планъ организаціи провинціальныхъ музеевъ. Изъ журн. „Школьные экскурсіи и школьный музей“, кн. 5—6.—1915.
- 146) 1915 г. **Могилянскій, Н. М.**—Русскіе этнографическіе музеи и собранія. IV. Музей Украинскихъ Древностей В. В. Тарновскаго Черниговскаго Губернскаго Земства.—Петроградъ, 1915.
- 147) 1915 г. **Указатель**, краткій, Музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.—Изд. 5-ое. Одесса, 1915 г.

- 148) s. a. **Антоновичъ, В. Б.** — Нумизматическій Кабинетъ. Музей Древностей (Университета Св. Владиміра).—Кіевъ (s. a.).
- 149) (s. a.) **Евлентьевъ, К. Г.**—Объ учрежденіи Археологическаго Музеума въ Булгарѣ, Казанской губерніи.—(S. l. et a.).
- 150) s. a. **Кытмановъ.**—Краткій каталогъ Енисейскаго Музея.
- 151) s. a. **Лучникъ, В.**—Къ исторіи Ставропольскаго на Кавказѣ Городскаго Музея имени М. В. Паве.
- 152) s. a. **Музей, Воронежскій Губернскій, 1899 1900.**—Воронежъ.
- 153) s. a. **Оксеновъ, А.**—Минусинскій Музей.—Спб.
- 154) (s. a.) **Рябковъ, П.**—Музей Елисаветградскаго Общества Грамотности. Прошлое Новороссіи.—(S. l. et a.).
- 155) (s. a.) **С(пицынъ), А.**—Нѣкоторыя новыя пріобрѣтенія Саратовскаго Музея.—(S. l. et a.).

Смерть Александра II-го.

8 июня 1915 г. я ѣхалъ на любимовскомъ пароходѣ „Петроградъ“ по Камѣ изъ Сарапула въ Казань. Услышавъ изъ своей каюты какое-то пѣніе въ 3-мъ классѣ, я спустился туда и увидѣлъ, что слѣпецъ поетъ стихи, а его окружаетъ третьеклассная публика. Прислушался: стихи показались мнѣ интересными. Когда слѣпецъ окончилъ пѣніе, я попросилъ его повторить. Пѣтъ онъ отказался, но „словами“ передалъ мнѣ стихи, а я ихъ записалъ.

Слѣпецъ—крестьянинъ Макарьевского уѣзда, Нижегород. губ., Богородской волости, села Воскресенскаго по р. Ветлугѣ. Ему 27 лѣтъ. Ѣздитъ на пароходахъ съ мальчикомъ и поетъ, слѣдовательно—профессиональ. Зовутъ его Иванъ Викторовъ Ипатовъ. Поетъ стихи съ мальчикомъ. Про Александра II-го научился отъ другого слѣпца, а сочинилъ-де стихи тоже слѣпецъ, на Кавказѣ, на Волгѣ не бывавшій.

Н. Ончуковъ.

Стихъ про Александра II-го.

Вы послушайте, друзья,
Все про Бѣлаго царя.
Милостивый государь
Александра второй царь,
Анъ съ любовію служилъ,
Всѣмъ свободы дать хотѣлъ.
Подъ покровомъ всѣхъ державъ
Онъ злодѣевъ укрощалъ,—
Злодѣевъ укрощалъ
И отъ казни избавлялъ.
Исправлялъ онъ всѣ законы,
Слышалъ бѣдныхъ людей стоны.
Стали злодѣи судить,
Какъ бы царя истребить.
Отчаянныхъ подкупили.
Дали въ руке имъ гранаты,
Ани отъ Бога прокляты.

Вездѣ мины подводили,
Царя Бѣлаго не убили.
Караулы вездѣ стояли,
Государя сохраняли.
Марта перваго числа
Жизнь скончалася царя.
Страшно думать и гадать,
На царя руке поднять!
Злобный духъ во нѣхъ вселился,
И второй ударъ явился.
Между народною толпой
Не видать было, отколъ
Появился большой взрывъ
И государя поразивъ.
Тогда сдѣлалось сметенье,
По всей сырой землѣ потрясенье,
И велика страсть была;

Какъ царская кровь лила.
Пораженный царь упалъ
И слово жалобно сказалъ:
„Подымите меня, дѣти,
Отжилъ я теперь на свѣтѣ!“
Къ нему слуги побѣжали,
На бѣлыя рѣцѣ подняли,
На рукахъ его держали,
Слезно плакали, рыдали;
Всѣ жалобно возопили,
Что жизнь царя не сохранили.
— „Ты за то жизнь положилъ,
Что добра много творилъ,
Всѣ законы отмѣнилъ
И крестьянъ освободилъ,
А врагамъ добра не творилъ.
Ты—нашъ батюшка, царь-отецъ,
Мы несемъ тебя во дворецъ.
Ты, нашъ батюшка, богъ земной,
Лишился своихъ ногъ“.
По всему Питеру была тревога,
Что государю страды много.
Со всего Питера сбѣжались
И стояли у дворца;

Всѣ на царскій флагъ смотрѣли,
Ожидали всѣ конца.
Когда царскій флагъ спустили,
Его жизни извѣстили,
Когда черный флагъ подняли,
Слезно плакали-рыдали,
Черный трауръ надѣвали,
„Упокой душѣ!“ сказали.
Во всѣхъ соборахъ зазвонили,
Погребенье отслужили.
Какъ ударили въ телеграмъ,
Затменіе солнечно стало намъ.
Солнечные лучи скрылись,
Царя Бѣлаго мы лишились.
Будемъ, братцы, поминать,
Упокой душѣ взывать;
Будемъ Господа просить,
Чтобъ царя Богъ умудрилъ.
Сынъ по мудрости отца
Доведетъ дѣло до конца.
Слыхъ подали на Кавказъ,
Слезы полили изъ глазъ.
Богъ Слава, царю держава!

Записалъ Н. Ончуковъ.

Поправка.

Въ очеркѣ „Пѣсни Новаго Израиля“, напечатанномъ въ вып. III—IV „Живой Старины“ за 1914 годъ, я, полагаясь на слова новоизраильтянъ, приписалъ составленіе нѣкоторыхъ принятыхъ у нихъ пѣсенъ вождю Новаго Израиля В. С. Лубкову.

Несмотря на оговорку, что въ этомъ случаѣ надо относиться къ утвержденіямъ новоизраильтянъ съ большою осторожностью ¹, я рѣшился повѣрить имъ, потому что они приводили подробности, дѣлавшія ихъ рассказъ очень правдоподобнымъ. Тѣмъ не менѣе мнѣ не удалось избѣжать ошибокъ, которыя я и хотѣлъ бы теперь исправить.

Со словъ одного изъ освѣдомленныхъ новоизраильтянъ—рязанскаго старшбого Н. М. Митрохина—я приписалъ пѣснь „гдѣ моя сила, гдѣ моя любовь“ В. С. Лубкову ² и привелъ то объясненіе пѣсни, которое мнѣ было дано: мой собесѣдникъ рассказывалъ, что В. С. Лубковъ говорилъ въ этой пѣснѣ о своей любви къ дѣвушкѣ, ставшей въ послѣдствіи его спутницей.

Рассказъ этотъ очень интересенъ: онъ показываетъ, какъ иногда въ пѣсни, которыя поютъ новоизраильтяне, проскальзываютъ житейскіе мотивы, хотя сектанты и отрицаютъ „мірское пѣніе“. Но сообщеніе объ авторствѣ В. С. Лубкова невѣрно: въ одномъ сочиненіи о прыгунахъ, написанномъ еще до того, какъ В. С. Лубковъ началъ свою дѣятельность, я нашелъ варіантъ этой пѣсни ³. Она могла быть заимствована новоизраильтянами не при посредствѣ В. С. Лубкова, и уже вѣроятно въ ихъ средѣ могъ сложиться тотъ рассказъ о происхожденіи пѣсни, который я привелъ. Возможно, однако, и то, что самъ В. С. Лубковъ слышалъ эту пѣснь у другихъ, но, сообщая ее своимъ последователямъ, не счелъ нужнымъ сказать, что она сложена не имъ.

Разумѣется, отъ того, что пѣснь въ дѣйствительности сочинена не В. С. Лубковымъ, рассказъ моего собесѣдника не становится менѣе показательнымъ.

Другая неточность такого же характера.

---

¹ Живая Старина 1914, стр. 377.

² Ibid., стр. 386.

³ Демгельштедъ. Закавказскіе сектанты. Спб. 1885, стр. 109.

Въ концѣ моей работы приводится одна изъ поющихъ у новоизраильтянъ пѣсенъ, въ которой, по ихъ словамъ, В. С. Лубковъ описалъ свою поѣздку въ Урагвай¹. Дѣйствительно, въ пѣснѣ поется о томъ, какъ „бѣлый орелъ“ полетѣлъ „въ ту далекую сторонку, въ урагвайскій городокъ“, гдѣ власти отнесли къ нему сперва недо-вѣрчиво: рѣшили „отдать орла на спытанье, урагвайско воспитанье“.

Одинъ изъ видныхъ духовныхъ христіанъ-молочанъ, А. Т. Болотинъ, просмотрѣвши оттискъ моей работы вмѣстѣ съ принадлежавшимъ раньше къ одному изъ отвѣтвеній секты Людей Божіихъ П. Ф. Пантелѣевымъ и другимъ лицомъ, также вышедшимъ изъ этой среды, сообщилъ мнѣ, что первоначально эта пѣснь была сочинена А. Г. Щетинымъ, наставникомъ такъ называемыхъ чемреновъ. Это указаніе подтверждается и данными недавно напечатаннаго судебного дѣла по обвиненію Щетинаго въ совращеніи православныхъ въ сектантство², и надо думать, что эта пѣснь, дѣйствительно, не сложена новоизраильтянами, а только передѣлана ими.

А. Т. Болотинъ сомнѣвается также и въ томъ, что пѣснь „Творецъ, Творецъ, Создатель нашъ“ сочинена В. Ф. Мокшинымъ, указывая, что ее поютъ не одни новоизраильтяне, и потому возможно предположить, что они могли заимствовать ее у другихъ. Возможно, однако, и обратное предположеніе.

Такимъ образомъ даже рассказы старыхъ и освѣдомленныхъ новоизраильтянъ о творчествѣ ихъ вождей являются иногда недостаточными, и очень трудно опредѣлить, кто является авторомъ отдѣльныхъ пѣсенъ.

Въ литературѣ о русскомъ сектантствѣ неоднократно дѣлались попытки приписать авторство тѣхъ или иныхъ сектантскихъ пѣсенъ опредѣленнымъ лицамъ. По бѣльшей части эти попытки были неудачны. Мой опытъ лишній разъ показываетъ, насколько осторожнымъ надо быть при опредѣленіи индивидуальныхъ источниковъ сектантскаго пѣсеннаго творчества.

М. Муратовъ.

¹ Живая Старина 1914, стр. 392—393.

² В. Д. Бончъ-Бруевичъ. Матеріалы къ исторіи и изученію религіозно-обществ. движеній въ Россіи, т. VII, стр. 537. Спб. 1916.

Критика и библиографія.

---

7. Д. К. Зеленинъ. *Очерки русской мифологии*. В. I. Умершіе неестественной смертью и русалки. Петроградъ. 1916. Стр. 016+311.

Мы спѣшимъ отмѣтить этотъ новый трудъ неутомимаго русскаго этнографа, давшего за послѣдніе годы такъ много интересныхъ и важныхъ для русской этнографіи работъ, не только ради цѣнности настоящаго изслѣдованія, но также потому, что работа произведена по точно опредѣленному методу. А такими работами не особенно богата русская этнографическая литература.—За послѣдніе годы неразъ раздавались голоса, критиковавшіе примѣненіе сравнительнаго метода въ этнографіи за то, что онъ привлекаетъ къ выводамъ примѣры, взятые у народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Тотъ же упрекъ ставить изслѣдователямъ и Д. К. Зеленинъ, разъясняя ошибку такого примѣненія сравнительнаго метода указаніемъ на примѣненіе этого метода въ языковѣдѣніи, которое принимаетъ всегда во вниманіе „исторію сравниваемыхъ словъ и звуковъ на родной почвѣ даннаго языка. Сравненіе удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ только тогда, когда сравниваются факты одной и той же эпохи“. Авторъ допускаетъ, что современные народные обряды и вѣрованія часто представляютъ собою „переживанія“ и что въ области народныхъ обрядовъ и повѣрій есть много общечеловѣческаго; „но это б. ч. лишь общіе принципы и самые основные элементы“. „Какъ бы ни были просты явленія народной жизни, они всегда имѣютъ болѣе или менѣе длинную исторію на почвѣ даннаго отдѣльнаго народа, въ теченіе которой (исторіи) они могли... иногда до неузнаваемости измѣниться. А эти видоизмѣненія, конечно, должны были происходить у разныхъ народовъ неодинаково... И сравнивать явленія... у разныхъ народовъ... безъ справки... съ исторіей“ — часто бываетъ безплодно. Сопоставленію этнографическихъ данныхъ изъ жизни одного народа со схожими фактами у другого народа должно предшествовать выясненіе исторіи данныхъ фактовъ у обоихъ этихъ народовъ. „Выясненіе исторіи каждаго даннаго факта на родной почвѣ—задача весьма не легкая“, и желательно, чтобы она выполнялась специалистами по этнографіи отдѣльныхъ народовъ. Это дастъ возможность избѣгнуть ошибокъ при пользованіи сравнительнымъ методомъ. Согласно этому взгляду авторъ поставилъ задачей своихъ „очерковъ по русской мифологіи“ изученіе обрядовъ и мифологическихъ образовъ русскаго народа на русской почвѣ. Въ качествѣ сравнительнаго

матеріала онъ привлекаетъ данныя изъ быта и вѣрованій русскихъ инородцевъ, долгое время бывшихъ въ соприкосновеніи съ русскими, не считая удачнымъ сравнивать русскіе обряды съ аналогичными зап.-европейскими, гдѣ на древнемъ обрядѣ отразилось вліяніе многочисленныхъ культурныхъ наслоеній.

Мы позволимъ себѣ лишь отчасти согласиться съ Д. К. Зеленинымъ. Несомнѣнно, неразборчивое сопоставленіе аналогичныхъ этнографическихъ данныхъ изъ вѣрованій и обрядовъ разнообразѣйшихъ народовъ есть увлеченіе сравнительнымъ методомъ, могущее повести къ крупнымъ ошибкамъ. Несомнѣнно также, что общимъ выводомъ желательно предпосылать частичныя изслѣдованія этнографическихъ явленій у отдѣльныхъ народовъ, и что весьма полезно выяснитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исторію явленія, культурныя на немъ наслоенія, видоизмѣненія его и пр. Но это—лишь одно направленіе, и несомнѣнно правильное, въ изученіи обряда, вѣрованія, міеологическаго образа. Другое будетъ заключаться въ опредѣленіи основныхъ характерныхъ чертъ явленія и выясненіи ихъ значенія. И тутъ мы наталкиваемся на такія поразительныя аналогіи въ этихъ характерныхъ чертахъ обрядовъ и вѣрованій у разныхъ народовъ, что пройти мимо нихъ изслѣдователю невозможно. Должно быть какое-нибудь психологическое или другое основаніе, на которомъ міеологическіе образы разнообразѣйшихъ народовъ обладаютъ сходственными чертами, и обряды, имѣющіе аналогичную цѣль, протекаютъ по опредѣленной схемѣ, воспринимаютъ одинаковыя детали. Тутъ съ полнымъ правомъ выступаетъ сравнительный методъ, выражающійся, однако, не въ сопоставленіи аналогичныхъ этнографическихъ явленій, но въ сопоставительномъ изученіи ихъ характерныхъ чертъ. При этомъ изслѣдователю неминуемо приходится обращаться къ народамъ малокультурнымъ, у которыхъ въ большей полнотѣ мы можемъ встрѣтить изучаемый комплексъ чертъ, и у которыхъ многія черты не утратили еще своего первоначальнаго значенія. Изученіе какого-нибудь обряда или представленія въ сущности должно идти въ обоихъ направленіяхъ, которыя взаимно дополняютъ другъ друга. Изученіе обряда, представленія на почвѣ одного народа въ его исторіи даетъ намъ возможность видѣть въ истинномъ свѣтѣ обрядъ, вѣрованіе въ ихъ живомъ бытованіи у даннаго народа. Оно можетъ также открыть условія измѣненія даннаго этнографическаго явленія, и эти факты могутъ иногда освѣтить и условія измѣненія обрядовъ и вѣрованій у малокультурныхъ народовъ. Но сущность обряда и вѣрованія откроетъ этнографу лишь сопоставительное изученіе характерныхъ чертъ даннаго явленія у многихъ народовъ, причемъ особенно плодотворные результаты дадутъ факты изъ жизни народовъ малокультурныхъ.

Методомъ изученія характерныхъ чертъ обрядовъ и представленій и вывода изъ нихъ сущности явленія удачно пользовался Д. К.

Зеленинъ, проработавшій такимъ способомъ обширный матеріалъ, относящійся къ русскому и инородческому населенію,—и въ этомъ мы видимъ большое значеніе настоящаго труда, надѣясь, что онъ найдетъ подражателей. Такой методъ изслѣдованія далъ ему возможность вывести въ первой части, что покойники въ представленіяхъ русскаго крестьянина дѣлятся на двѣ категоріи: „родителей“, благосклонно относящихся къ оставшимся живымъ, и т. н. „заложныхъ“, т. е. умершихъ неестественной смертью и опасныхъ своею злобой для живыхъ. Указаніе на то, что и русскій народъ дѣлаетъ различіе между умершими естественной и неестественной смертью, очень важно для дальнѣйшаго изученія формъ культа мертвыхъ у русскаго крестьянина. Насколько намъ извѣстно, при изученіи культа мертвыхъ и у народовъ малокультурныхъ на такое различіе, которое несомнѣнно существуетъ, не обращалось достаточнаго вниманія. Остается невыясненнымъ, почему умершіе неестественной смертью пользуются инымъ противъ обычнаго погребеніемъ и имъ опредѣляется не обычная съ другими участь за гробомъ. Заложныхъ покойниковъ, какъ выясняетъ авторъ, не хоронили, во избѣжаніе оскверненія земли, и погребенію такихъ труповъ приписывались вредныя для произрастанія хлѣбовъ осенніе морозы. Позднѣе такіе трупы стали выбрасывать въ рѣки, на болота, и погребенію ихъ на кладбищѣ приписывали появленіе засухи. Такое выбрасываніе издавна разсматривалось, какъ лишеніе погребенія, хотя трудно установить, было ли оно такимъ въ прежнее время. Однако, заложныя благодарны бывають за погребеніе, и, какъ таковое, Д. К. Зеленинъ считаетъ обычай бросать разные предметы на могилы заложныхъ, а также и семницкіе обряды, когда и церковь справляла панихиды по умершимъ неестественной смертью. Семницкіе обряды являются „запоздалымъ предоставленіемъ заложнымъ покойникамъ тѣхъ похоронныхъ почестей, конхъ они лишены были въ свое время“. Веселье, сопровождающее семницкіе обряды, также и кулачные бои—пережитки языческой похоронной тризны. Веселье можно объяснить и иначе: „заложныя, сохраняя свой земной нравъ, испытываютъ весной потребность въ обычныхъ весеннихъ увеселеніяхъ деревенской молодежи; если имъ этихъ увеселеній не предложить, то они будутъ тосковать и, пожалуй, мстить“. Семницкіе обряды являются въ то же время выпроваживаніемъ заложныхъ, какъ особенно вредныхъ покойниковъ, т. к. заложныя находятся, по мнѣнію автора, въ полномъ распоряженіи нечистой силы и являются сами представителями ея.—Во второй части своего изслѣдованія авторъ, путемъ тщательнаго установленія характерныхъ чертъ въ представленіяхъ о русалкахъ и обрядахъ, къ нимъ относящихся, приходитъ къ выводу, что русалки—заложныя покойники, и что русальскіе обряды, совпадающіе по времени съ семницкими, имѣютъ цѣль увеселять русалокъ, тѣмъ ихъ умилостивить, а затѣмъ выпроводить ихъ въ лѣса, чтобы онѣ не вредили ни лю-

дямъ, ни постѣвамъ. Въ этой части особенно ясно сказывается польза метода изученія по матеріалу, достаточно полному, характерныхъ чертъ явленія, причемъ изученіе представленій должно идти параллельно съ изученіемъ обрядовъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами совершенно ясною становится неопредѣленность образа русалокъ по имѣющимся записямъ. Неопредѣленность эта отчасти вытекаетъ изъ несовершенныхъ записей, текстъ которыхъ доказываетъ, что записывающій былъ подъ вліяніемъ литературныхъ образовъ. Но, кромѣ того, Д. К. Зеленинымъ открыто, что русалки, имѣя тѣсное отношеніе къ душамъ умершихъ, б. ч., умершихъ неестественной смертью, въ то же время могутъ быть сближены съ лѣсными и полевыми духами (сближеніе ихъ съ лихорадками, кажется намъ, основано лишь на вѣшнихъ признакахъ, сближающихъ всѣхъ духовъ и способы нанесения ими вреда человѣку). Изученіе русальскихъ обрядовъ выяснило съ достаточной доказательностью, что они имѣютъ связь съ культомъ растительности, культомъ земледѣльческимъ и съ купальской обрядностью, на что Д. К. Зеленинъ указалъ и самъ на послѣднихъ страницахъ своего труда, т. ч., какъ говоритъ онъ, „для полнаго пониманія русальскихъ обрядовъ необходимо одновременное изслѣдованіе всей весенней обрядности“. Мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что русальскіе, семицкіе, весенніе и другіе обряды, имѣющіе цѣлью содѣйствовать производительнымъ силамъ природы, слѣдуетъ сопоставить съ представленіями о періодическихъ посѣщеніяхъ покойниками живыхъ и обрядами, выражающими эти представленія. Эти обряды у народовъ малокультурныхъ (напр., у меланезійцевъ, племень пуэбло), такъ же какъ и у народовъ европейскихъ—фактами изъ быта послѣднихъ надо, конечно, пользоваться съ величайшей осторожностью, тщательно очищая ихъ отъ позднѣйшихъ наслоеній и культурныхъ привнесеній—характеризуются довольно устойчивыми чертами. Покойники появляются часто въ видѣ маскированныхъ лицъ, обходятъ дома селеній, собираютъ подаваемые имъ съѣстные припасы, угощаются ими или раздаютъ таковыя. Появленіе ихъ сопровождается шумомъ, крикомъ, комическими, часто грубоватыми выходками, оттого ли, что комическій элементъ является, какъ говоритъ Вундтъ, естественнымъ противоположеніемъ серіознымъ эмоціямъ и, какъ таковое, изъ причинъ чисто психологическихъ, обыкновенно входитъ, какъ непремѣнная часть, въ нѣкоторые серіознѣйшіе обряды малокультурныхъ народовъ, или оттого, что этотъ комическій элементъ играетъ самъ по себѣ обрядовую роль, преслѣдуетъ опредѣленную цѣль. Приходъ покойниковъ желателенъ, потому что благодѣтеленъ: они приносятъ обиліе, благоденствіе, здоровье, повышаютъ производительныя силы природы и людей,—и въ этомъ отношеніи они близки къ т. н. „духамъ растительности“, въ зелень закутаннымъ или убраннымъ маскированнымъ лицамъ, обходящимъ селенія. Эта

роль—содѣйствовать производительнымъ силамъ природы—сказывается въ приговорахъ и пѣсняхъ этихъ гостей, въ обрядахъ стеганья зелеными вѣтками, въ ношеніи съ собой и раздаваніи куколъ (магическое отношеніе между человѣческимъ изображеніемъ и дѣторождаемостью), въ воженіи съ собой животныхъ, имѣющихъ отношеніе къ плодovitости—живыхъ или въ изображеніи маскированныхъ лицъ: козы, осла и пр. Такова, думается намъ, и роль „коня“ въ нашихъ русальскихъ обрядахъ; подтвержденіе можно найти въ появленіи этой маскированной фигуры на свадьбахъ. Интересно, что, при этихъ обходахъ покойниками, ихъ благодѣтельному вліянію стараются подвергнуть дѣтей, м. б., какъ подрастающее поколѣніе, нуждающееся въ прибывающей силѣ (прибывающая сила дѣтей, въ свою очередь, есть залогъ благосостоянія общины): дѣтей выводятъ къ маскированнымъ личностямъ, приводятъ ихъ въ соприкасаніе съ ними, маскированныя лица ихъ одариваютъ (меланезійцы, пуэбло). Эти черты, м. б., объяснятъ намъ, почему нѣкоторые обряды, описаніе которыхъ приведено Д. К. Зеленинымъ и которые онъ относитъ къ поминкамъ заложныхъ покойниковъ, имѣютъ характеръ дѣтскихъ праздниковъ, соединены съ ярмаркой дѣтскихъ игрушекъ, сопряжены съ одариваніемъ дѣтей; почему въ одномъ обрядѣ проводовъ русалокъ изображающія русалокъ дѣвушки ловятъ дѣтей и „трясуть“ ихъ, а въ другомъ ребятишки стараются подвернуться „русалкѣ“ съ просьбой: „пощекочи меня!“ Этотъ благодѣтельный приходъ покойниковъ, ихъ связь съ культомъ растительности и производительной силы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ могъ бы выявиться намъ только путемъ сопоставительнаго изученія характерныхъ чертъ сюда относящихся представленій и обрядовъ у всѣхъ народовъ, которому должны предшествовать установленіе ихъ характерныхъ чертъ у отдѣльныхъ народовъ. Такимъ же путемъ слѣдовало бы выяснитъ положеніе умершихъ неестественной смертью. Можетъ-быть, оказалось бы, что такіе покойники—не самые злобные и опасные, потому что они „находятся въ распоряженіи нечистой силы“, а болѣе могущественные, нежели другіе. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ изучитъ отношеніе къ мертвецамъ по категориямъ, соотвѣтственно роду ихъ неестественной кончины: самоубійцы, родильницы, утонувшіе, убитые молніей, погибшіе отъ того или другого звѣря и т. д. совместно со взглядомъ на значеніе каждаго рода смерти у отдѣльныхъ народовъ. Если бы можно было семирки и другіе, напр., рождественскіе, обряды поставить въ связь, съ одной стороны, съ культомъ производительныхъ силъ въ природѣ, а съ другой—съ культомъ покойниковъ, которые, по исполненіи цѣли своего прихода, выпроваживаются живыми, то оставалось бы разрѣшить вопросъ, есть ли привлеченіе къ обрядамъ заложныхъ покойниковъ явленіе позднее, обусловливаемое смягченіемъ нравовъ, желаніемъ облегчить ихъ участь, худшую въ сравненіи съ погребенными обыч-

нымъ порядкомъ—т. ч. заложныя принимаются въ общую толпу мертвецовъ—или же населеніе заинтересовано спеціально въ привлеченіи душъ извѣстныхъ категорій, какъ обладающихъ большею силой. Выяснить пришлось бы и вопросъ, почему погибшіе неестественной смертью сначала не погребаются, а потомъ надъ ними совершаютъ погребеніе, какъ бы исправляя ошибку. Что касается до кулачныхъ боевъ, сопровождающихъ нѣкоторые относящіеся къ заложнымъ покойникамъ обряды, на которые Д. К. Зеленинъ смотритъ, какъ на остатокъ языческой тризны, мы позволимъ себѣ напомнить мнѣніе Фрэзера, которое кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ: борьба въ видѣ ли кулачныхъ и другихъ боевъ, взаимнаго обстрѣливанія и пр., въ видѣ ли игръ, въ которыхъ выступаютъ состязующіяся лица или партіи, есть аграрный обрядъ, повышающій производительныя силы природы. Слѣдуетъ помнить, что борьба у многихъ народовъ есть одно изъ необходимыхъ увеселеній на свадьбахъ, т. е. входитъ въ свадебный ритуалъ, обыкновенно строго продуманный и имѣющій определенную въ своей совокупности цѣль: содѣйствовать благополучію молодыхъ, дѣторождаемости и хозяйственному благосостоянію. Небезынтересны и факты, приводимые Фрэзеромъ относительно употребленія, въ цѣляхъ повышенія производительныхъ силъ земли и охотничьей добычи въ Австраліи и въ Меланезіи, инструмента, именуемаго ревуномъ, издающаго при верченіи его въ воздухѣ сильный ревущій звукъ¹. Если разсматривать подъ этимъ угломъ зрѣнія свистъ, характеризующій вятскій праздникъ „свистуны“, придется видѣть въ немъ не „оберегъ отъ нечистой силы“, но переживаніе далекаго аграрнаго обряда, связаннаго съ культомъ мертвыхъ и подкрѣплявшагося другими обрядами повышенія производительной силы и здоровья: боями, одариваніемъ дѣтей и пр. Повторяемъ: мы высказываемъ только предположеніе, что вначалѣ нѣкоторые обряды, относящіеся къ мертвецамъ, періодическое возвращеніе которыхъ къ живымъ было благотѣльно для послѣднихъ, а не только имѣло цѣлью полученіе отъ оставшихся въ живыхъ пищи и другого вида понеченій, тѣсно были связаны съ обрядами, вызывающими ростъ производительныхъ силъ, благосостояніе, здоровье подрастающаго поколѣнія и т. д. Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ объ отношеніи мертвецовъ къ культу растительности и, въ частности, къ періодически появляющимся „духамъ растительности“, требуется тщательное изученіе относящихся сюда представленій и обрядовъ у разныхъ народовъ. Камень въ этотъ общій трудъ, который можетъ быть исполненъ лишь многими этнографами, заложенъ обстоятельнымъ и методически проведеннымъ трудомъ Д. К. Зеленина.

В. Харузина.

¹ Frazer. The Golden Bough, v. V., p. 1. 1912, chap. III.

8. Н. Я. Никифоровъ. Аносскій Сборникъ. Собрание сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина. Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества. Томъ XXXVII). Омскъ, 1915. Стр. 293+XIV. Ц. 2 р.

Русская этнографическая литература обогатилась сборникомъ произведеній народнаго словеснаго творчества, заглавіе котораго только-что выписано.

„Аносскій Сборникъ“ носитъ на себѣ штемпель Отдѣла Географическаго Общества и редактированъ не кѣмъ инымъ, какъ заслуженнымъ этнографомъ—Г. Н. Потанинымъ¹. Онъ обладаетъ всѣми качествами трудовъ, выходящихъ изъ-подъ пера или подъ редакціей маститаго ученаго.

Въ коротенькомъ (всего полстраницы) предисловіи Г. Н. Потанинъ сумѣлъ сказать намъ ровно столько, сколько нужно знать, чтобы опредѣлить научную цѣнность проредактированнаго имъ „сборника“. Оказывается, именно, что собиратель—природный алтаецъ, но настолько интеллигентный, что доставляетъ въ газеты литературный матеріалъ;—что онъ записывалъ на этотъ разъ фольклорный матеріалъ на мѣстномъ языкѣ;—что записи дѣлались со словъ опредѣленнаго лица—профессіональнаго сказочника алтайцевъ въ совершенно опредѣленной мѣстности. Далѣе Г. Н. Потанинъ послѣдующую работу характеризуетъ такъ: „Записавъ сказку, Н. Я. Никифоровъ переводилъ ее на русскій языкъ. Онъ приходилъ ко мнѣ (я жилъ въ это время въ Аносѣ) рано утромъ и оставался до поздняго вечера; мы вдвоемъ и переводили; онъ передавалъ на русскій языкъ смыслъ фразы, а я исправлялъ слогъ. Къ сборнику я приложилъ свои примѣчанія“.

Передъ нами вырисовывается самый процессъ производства работы. И достаточно, собственно, намъ знать, что такъ рисуетъ этотъ процессъ такой добросовѣстный изслѣдователь, какъ Г. Н. Потанинъ, чтобы напередъ признать всю полноту научныхъ достоинствъ „сборника“. Но доказательства доброкачественности работы приносятъ и каждая страница „сборника“. Совершенно случайно раскрываемъ его на 22-й страницѣ.

Въ текстѣ читаемъ:

„... народъ привольно водворился“,
а въ выноскахъ находимъ: при словѣ „народъ“—

„Въ подлинникѣ: арка јонъ—„спина народъ“
и при словѣ „привольно“—

„Въ текстѣ: токунаб—располагаясь поудобиѣ“.

¹ „Аносскимъ“ этотъ „сборникъ“ названъ, вѣроятно, въ pendant къ „Верхоянскому Сборнику“ И. А. Худякова, который также редактированъ Г. Н. Потанинымъ.

Еще читаемъ на той же страницѣ:

„На мужской сторонѣ (половинѣ) есть золотая тайга о восьмидесяти восьми углахъ“,

а въ выноскѣ къ слову „половинѣ“ имѣется поясненіе:

„Лѣвая со входа половина алтайской юрты считается мужской, правая—женской; соотвѣтственно этому и небесное пространство дѣлится на двѣ половины или стороны, на мужскую и женскую. Такъ какъ алтайцы ставятъ свои юрты дверями на востокъ, то мужскою половиной неба будетъ югъ, а женскою—сѣверъ“.

Наконецъ, тутъ же, при словахъ „передъ дверью“, читаемъ въ выноскѣ поясненіе:

„Т. е. на востокъ“.

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы видѣть, насколько тщательно вчитывался редакторъ въ тексты, которые онъ взялся просмотрѣть для печати, какъ глубоко понимаетъ онъ смыслъ, въ нихъ заложенный, и какъ старательно заботится онъ объ интересахъ ученыхъ читателей „сборника“.

И буквально во всемъ „сборникѣ“ нѣтъ двухъ страницъ рядомъ, которыя не носили бы на себѣ слѣдовъ того, что работа выполнена не только добросовѣстно, но и кропотливо.

Но то, о чемъ шла рѣчь до сихъ поръ,—лишь кирпичи для возведенія нѣкоего зданія. Какъ мы показали, доброкачественны именно эти кирпичи. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что маститый редакторъ этимъ не ограничился. Онъ выработалъ также и матеріалъ для сцементирования кирпичей и возвелъ самое зданіе. Въ „сборникѣ“ (стр. 255) мы находимъ общую характеристику міросозерцанія алтайцевъ и далѣе (стр. 263—293)—обширныя поясненія ко многимъ изъ приводимыхъ въ текстѣ сказокъ. Не упущена изъ виду также и немаловажная сторона доброкачественности подобнаго рода изданій,—сторона чисто вѣдѣннаго характера: въ концѣ книги помѣщены указатели—собственныхъ именъ и предметный.

Въ „сборникѣ“ нашли себѣ мѣсто 10 сказокъ и 17 легендъ. Записалъ весь этотъ матеріалъ Н. Я. Никифоровъ у татаръ (алтайцевъ) въ деревнѣ Аскачь, въ 6 верстахъ отъ Аноса, на татарскомъ языкѣ, при чемъ почти весь матеріалъ сообщенъ собирателю пѣвцомъ (кайчи) Чолтышемъ. Чолтышъ проживалъ въ Аскачь, и Н. Я. Никифоровъ, уроженецъ и житель Аноса, для записыванія матеріала время отъ времени уходилъ на 2—3 дня къ Чолтышу въ Аскачь.

Изъ названнаго матеріала Г. Н. Потанинъ снабдилъ особыми примѣчаніями не каждую сказку и не каждую легенду; но зато имѣется въ книгѣ его „предисловіе“ къ „примѣчаніямъ“, дающее общую характеристику міросозерцанія алтайцевъ.

„Въ головахъ алтайцевъ“,—говорить онъ,—„хранятся двѣ традиціи рядомъ: одна—шаманская, другая—традиція сказочниковъ или рапсодовъ, по-алтайски—„кайчи“. Первая состоитъ изъ культовыхъ пѣсенъ, которыя поются шаманами по адресу боговъ подъ аккомпанементъ бубна, и изъ легендъ о шаманскихъ божествахъ. Въ составъ другой традиціи входятъ сказки о богатыряхъ, распѣваемые речитативомъ подъ аккомпанементъ балалайки“ (стр. 255).

Развитію этой мысли и доказательству ея справедливости посвящена значительная часть „предисловія“ къ „примѣчаніямъ“, равно какъ и эти послѣднія. Авторъ при этомъ старается показать, какъ элементы того и другого міросозерцанія мигрируютъ: чисто сказочные мотивы вплетаются въ комплекс шаманскихъ вѣрованій и, наоборотъ, отдѣльныя шаманскія вѣрованія фигурируютъ въ качествѣ сказочныхъ мотивовъ.

„Въ Монголіи“,—читаемъ мы, напримѣръ, у автора на стр. 260,—„могли сначала жить культовые легенды о шаманахъ и о верховномъ божествѣ Курбистанъ-ханѣ; затѣмъ этотъ культъ палъ, замѣнился какимъ-то другимъ, а весь комплексъ культовыхъ легендъ сдѣлался достояніемъ свѣтскихъ рассказчиковъ“.

Между прочимъ, свою мысль авторъ подкрѣпляетъ утвержденіемъ, будто „въ настоящее время, гдѣ шаманство еще въ полномъ цвѣтѣ, вы повсюду найдете, что шаманскія пѣснопѣнія не составляютъ удѣлъ однихъ профессионаловъ-шамановъ: въ остальной массѣ населенія вы найдете множество молодыхъ людей мужескаго и женскаго пола, которые знаютъ наизусть длинныя шаманскія пѣсни, умѣютъ пѣть ихъ и аккомпанировать на бубнѣ“ (цитир. мѣсто).

По этому поводу я считаю нужнымъ замѣтить, что въ одномъ хорошо извѣстномъ мнѣ случаѣ не наблюдается указываемаго Г. Н. Потанинымъ явленія: весьма немногіе якуты и якутки знаютъ наизусть кое-что изъ шаманскихъ заклинаній, свѣдѣнія эти у нихъ отрывочныя, исполнять ихъ по-шамански они не умѣютъ, и такія знанія распространены больше среди людей въ возрастѣ или даже стариковъ, нежели среди молодежи.

Но, конечно, это мое указаніе отнюдь не подрываетъ справедливости основной мысли автора: диффузія между комплексомъ культовыхъ идей и комплексомъ сказочныхъ мотивовъ несомнѣнно наблюдается именно повсюду.

Какъ извѣстно, Г. Н. Потанину принадлежитъ первое мѣсто въ ряду знатоковъ фольклора Сѣверной и Средней Азій. Свѣдѣнія его въ этой области колоссальны. Съ другой стороны, у него всегда проявляется склонность къ сближеніямъ. Въ разсматриваемой работѣ эти черты маститаго этнографа—налицо.

Нечего и говорить, что на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ здѣсь сближенія между фольклоромъ различныхъ народовъ, населяющихъ

азиатскія стени и плоскогорія. „Въ сѣверномъ Тибетѣ въ монастырѣ Гумбумъ“,—говоритъ онъ, напримѣръ, на стр. 262—263,—„отъ монголки отъ озера Хуху-норъ я записалъ сказку, очень похожую на вышеприведенную о Ховугу... Озеро Хуху-норъ, на берегахъ котораго родилась монголка, рассказавшая эту сказку, находится на разстояніи 2.000 верстъ отъ стойбищъ Хотогойто, откуда былъ рассказчикъ, сообщившій сказку о Ховугу. Несмотря на это разстояніе, въ обоихъ вариантахъ сохранилось указаніе, что дѣвицы эти“ (персонажъ сказки) „были Ногонъ-дара и Цаганъ-Дара“.

Но нѣтъ недостатка и въ болѣе смѣлыхъ сближеніяхъ. Для цѣлей обобщенія привлекается авторомъ фольклоръ: и „кавказцевъ“ (стр. 258 и др.), и финскій (стр. 256 и др.), и русскій (стр. 258 и др.), и общеевропейскій (стр. 256 и др.), и общеславянскій (стр. 290), и индійскій (стр. 275), и египетскій (стр. 283), и нѣмецкій (стр. 282), и якутскій (стр. 284), и фольклоръ иркутскихъ крестьянъ (стр. 285),—шаманскій культъ сопоставляется съ ламайскимъ и буддійскимъ (стр. 259),—наконецъ, не упустилъ авторъ коснуться и своей излюбленной темы—сближенія христіанскихъ легендъ съ восточными (стр. 271—272).

Конечно, только специальное изслѣдованіе можетъ раскрыть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ внутреннюю цѣнность сближеній, на которыя не скупится нашъ маститый этнографъ. Какъ на образчикъ умозаключеній, ожидающихъ своей оцѣнки со стороны специалистовъ, укажемъ на слѣдующее (стр. 260—261): „Бѣ по-монгольски значить шаманъ; это слово въ монгольскихъ рукописяхъ пишется бугэ, но произносится бѣ; въ древности оно и произносилось бугэ. Тере, которое встрѣчается въ составѣ хобдоскаго имени шамана, вѣроятно, не что иное, какъ турко-монгольское тэгри „небо“, которое варьируется такимъ образомъ: тенгиръ, тенгре, тере (къ сѣверу отъ хребта Ханъ-хухей озеро Дери-норъ „небесное озеро“), теръ (въ вершинахъ рѣки Хуахема озеро Теръ-норъ, „небесное озеро“). Не изъ этихъ ли данныхъ бугэ и тере (теръ) составилъ терминъ богатырь?“¹

Самъ авторъ иногда въ подобныхъ случаяхъ даетъ указанія будущимъ критикамъ своихъ ученыхъ сопоставленій. Такъ, онъ говоритъ (стр. 264): „у русскихъ для Оріона въ числѣ другихъ именъ“ (встрѣчаемъ) „названіе Коромысло. При усвоеніи монгольскихъ словъ турками, монгольское х переходитъ въ к, монгольское окончаніе при-

¹ Ср. еще стр 275—276, гдѣ китайское имя Ыли-я (по предположенію—имя Христа) черезъ Ыри-я сближается съ монгольскимъ Арь-я, а персонажъ подъ этимъ именемъ—съ Арья-Бало индійской легенды.—Замѣчу здѣсь же, въ выноску, что монгольскія, турецкія, китайскія слова приводятся въ сборникѣ въ транскрипціи буквами русскаго алфавита, а не въ академической, китайской и т. д., что, конечно, немало затруднитъ ученыхъ филологовъ, критиковъ сборника.

лагательныхъ ту переходитъ въ лу, поэтому монгольское хормусту въ турецкомъ перейдетъ въ кормуслу, что близко къ русскому имени Оріона, но это можетъ быть очень счастливое, но всетаки случайное совпаденіе. Тутъ мы натѣкаемъ на вопросъ, что легче допустить, переходъ ли архаическаго варварскаго имени созвѣздія на предметъ домашняго обихода, или, наоборотъ, переходъ имени домашней вещи на созвѣздіе?“

Въ заключеніе остановимся на крупнѣйшемъ обобщеніи, дѣлаемомъ Г. Н. Потанинымъ изъ сопоставленія различныхъ турецко-монгольскихъ преданій какъ культового, такъ и сказочнаго характера:

„Будущій ростъ сбора тюрко-монгольскихъ преданій можетъ дать возможность обобщить два грандіозныхъ образа, проглядывающихъ въ ордынскомъ фольклорѣ. Одинъ изъ нихъ—образъ перваго и самаго могущественнаго шамана, стремящагося уничтожить смерть на землѣ, другой—могущественнаго богатыря-стрѣлка, который ставитъ своей задачей истребить на землѣ все живое. Оба они протестуютъ противъ творца міра и вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Въ преданіяхъ можно найти переходы отъ одного образа къ другому. Близости этихъ двухъ образовъ отвѣчаютъ и сходныя черты въ терминологіи“ (стр. 260).

Можетъ-быть, въ приведенной цитатѣ заключается наиболѣе цѣнное изъ всего, что даетъ намъ разсматриваемая книга.

Нельзя обойти молчаніемъ, что съ внѣшней стороны эта книга оставляетъ желать многаго. Въ ней слишкомъ много типографскихъ погрѣшностей. Встрѣчаются дефекты и иного рода. Такъ на стр. 269—270 читаемъ: „см. статью Васильева „О шаманской мантии въ трудахъ музея Петра I“. На самомъ дѣлѣ не въ „трудахъ музея Петра I“, а въ Сборникѣ Музея по Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Академіи Наукъ (вып. VIII I-го тома) напечатана работа В. Н. Васильева и подъ заглавіемъ не „О шаманской мантии“, а „Шаманскій костюмъ и бубень у якутовъ“.

Н. Виташевскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Отдѣленіе Этнографіи Русскаго Географическаго Общества постановило временно прекратить изданіе „Живой Старины“ въ виду чрезвычайнаго вздорожанія цѣнъ на печатаніе и на бумагу.

Редакція.

Нѣсколько легендъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи.

Помѣщаемыя здѣсь легенды записаны мною въ іюнѣ 1916 года въ деревнѣ Заберезовской Шахановской волости Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи отъ неграмотнаго 75-тилѣтняго старика Ивана Алексѣевича Коптяева. И. А. Коптяевъ кромѣ того спѣлъ мнѣ рядъ духовныхъ стиховъ и разсказалъ нѣсколько сказокъ, заговоровъ и много другого.

1. Богъ и Сатанилъ ¹.

Сперва Бох шол по водѣ, как по сушѣ кто бы шол. А плывёт гагара. „Кто ты есь передо мной?“—Я Сатанилъ—сам себѣ имя нарекъ. „Будеш ли Меня слушать?“—Не знаю—говорит—буду ли слушать.— („Не знаю“ грѣхъ это слово говоритъ: это Сатанила первое слово).— Господь говорит: „Сотворим землю“.

— А это—говорит—дороднѣ.—„Есть земля под водою дак достань“ говорит: „ее, так сотворим“.

Укурнул он, этот Сатанилъ-то, и набрал земли, добрался. Выкурнул, выполоскала землю-то... и не мок вытащить.

— „Благословись“, говорит, „у Меня, так достанеш у Меня“.

А Сатанилъ сказал:

— По словеси по Твоему.—Он укурнул.

— Я уже под ноктям и в рот накладу. Я уже увижу, как сотворяет и я стану сотворять.— Вытряс на длань Господь, дунул и разрослась земля, и у еѣ ² заросла земля, ево начало раздувать землей-та.

Было и сонче сотворено и мѣсѣиц. Землю пополам раздѣлили. „У Меня на восточѣ“ Господь говорит: „А твоя на западѣ; а Я прямо тебя буду“. На отдохповеніе легли. Господь пополам раздѣлили, спич наколотили, легли... и потомъ Господь пробудился: „Как бутто меньше половина у меня кажется“ и спрашивает: Мѣсѣич, ты свѣтил всю ночь, лукавый не переколотил у меня спич“.—Я говорит—не знаю.— „Соньце, ты не видѣл не знаэш ли?“ А соньче отвѣчает—А чюл у мѣсяця, что он переколотил спиччи.—„Будь ты соньсе праведно: правду

¹ Названія легендъ мною самимъ придуманы, а не записаны отъ сказителя.

² у=г фриктивное.

сказал, а тебѣ мѣсиш переминиваться черес 3 недѣли, черес четыре быть новому, умирать. Пусть мучиться за тѣ грѣхи, почто не сказал правды“.

2. Сколько разъ слѣдуетъ въ день ѣсть.

[Спрашиваетъ Господь] ¹ „Адамъ часто ли тебѣ ѣсть надо? По однево в гот?“—Мало.—„По два раза в гот?“—Мало.—„По 3 раза в гот?“—Мало.—„По однево в мѣсяц?“—Мало.—„По 2 раза в мѣсяц?“—Мало.—„По 3 раза в мѣсяц?“—„По однево в недѣлю?“—Мало.—„По 2 раза в недѣлю?“—Мало.—„По 3 раза в недѣлю?“—Мало.—„По однево въ день?“—Мало.—„По 2 раза в день?“—Будет.—А лукавый стоит, слушаетъ: „Попроси еще паужнить“. По три раза ѣсть в день излишне: лукавый-то велѣлъ попросить.

3. Адамъ и Ева.

[Богъ спрашиваетъ]. „А кто будетъ набольшій, Ева или ты Адаме? Ева—говорит—ты какъ будешь надъ мужемъ распоряжаться?“ А Ева и говоритъ:—Я такъ буду распоряжаться: какъ хочу, такъ и поворочю, что задумаю, такъ по моему бы и было. — „Адамъ—говорит—ты какъ будешь надъ женой распоряжаться?“—Я—говорит—смотря по дѣлу: что ладно дѣлаетъ, такъ и дѣлай, а не ладно, такъ я буду научать её в общую думу; вообще, который лучше вздумаетъ.—Согрѣшили онѣ. Она здѣлась ногой. Здѣлалась ночь. А лукавый подошелъ: „У васъ дѣти пойдутъ, такъ ты пропиши: живые такъ твои, а мертвые такъ мои“. Вотъ онъ [Адамъ] подумалъ.—„Прописывай скорѣе, а то я уйду. Я свѣту дамъ, а не то я и свѣту не дамъ: все ночь будетъ“. Ушъ скоро ушъ станетъ свѣтатъ. Взялъ [Адамъ] крови, изъ безымянного пѣрсту добылъ, и прописалъ своей кровью: онъ испужался темно-то будетъ. Господь съ неба-то и зашелъ.

Вѣтъ всѣ и праведные и грѣшныя в аду были.

4. Святой старецъ и разбойникъ.

Поѣхалъ разбойникъ за рѣку, съѣлъ лисину и перешолъ. Пришелъ в горотъ воровать, онъ и попался—убили его. Опослѣ его шолъ старецъ, за рѣку перешолъ и говоритъ: „Спаси Господи и помилуй того человѣка, который переходъ за рѣку съѣлъ, лисину. Какъ живъ—дай ему Господи доброго здоровья, душново спасенья, в дѣлахъ поспѣшенья; а какъ помер—дай Господи царства Божія, рая пресвѣтлого, гдѣ праведныя души опочиваютъ“. Онъ быѣ убитый: убили этово разбойника. Ангели Господни

---

¹ Въ фигурныя скобки заключены слова, вставленныя мною по памяти для ясности.

ему нишшу приносили этому старьцу. Онѣ трое сутки летали—душа разбойника в аду была—онѣ трои сутки летали, душу вынесли из мукн. Прилетѣли, старец и говорит: „Ангели Божья, што же ко мнѣ долго не летали, забыли миня“. Онѣ отвѣчаютъ:—„Ты сказаў:—Спаси Госиоди, помилуй этово человѣка, дай ему царствія Божья, рая пресвѣтлово,—а нам надолго родилось за душой-то летать: ты сказал только одно слово, а нам надолго родилось: она в аду была, так мы доставали у нехорошыва.

5. Наказанная жадность.

Нищіи спят. А ему сыну-то, молодицѣ, не надо, чтобы нищіи спали. Старики ушли пировать к жонкѣ, а онѣ молодья остались домовнищать, заперлись: хоть одна ночь ночевать без нищих. Проходяга и колотится: „Э, хозяин, пусти ночевать“. Онѣ отвѣчаютъ:—Нѣт, нам хоть одна ночь ночевать без нищих-та.—„Да пустите,—я скажу, так не будут нищи спать“. Вот онѣ и обрадѣли:—Как вдѣлши, что не будут нищи спать?—„А зареди, говорит, ружье. Станет солнышко-то сходить, ты и стрили в солнышко-то, так ни будут нищи спать“. Стало соўнышко всходить. Он стрѣлил в соўнышко, в три голоса и заривѣли в 3 голоса Отец и Сын и Дух Святой. Отец носил рож, Сын носил жыто, Дух Святой овес—хлѣба не убывало у старика.

Старик с старухой пришли домой, да мало и жыли, померли, а у сына ничиво и не стало, хлѣба не стало. Ушел на чужую сторону и дом пустой стал,—и нищим спать не в чем.

6. Убийца родителей.

Бывальщянка.

Был у отца был сын. Все по вечерефкам ходил. А им [родителямъ] не гленться: они браняться. „Я убью их!“, Отча, мать убил, теперь некому браниться. Пожыл. „Эх“, говорит, „я грѣх экой здѣлал, отча матерю убил, что же за это мнѣ будет!“ Ушел каяться свешенику: „Отец духовной цокай меня“.—Ну какіе грѣхи? сказывай.—„Отча мать убил“.—Нѣт,—говорит—я этим грѣхам не знаю прощенья, священник отвѣчает: Поди—говорит—есть старец молитца в таком-то мѣстѣ, так он можот знает прощенья этим грѣхам.—Колотитца у кельи: „Отче старецъ, пусти меня. А я грѣшный человѣкъ иду каяться“. Старец келью отпер, пустиў ево, крест евангелъе на налой нынеў и—„Сказывай, какіе грѣхи“.—„Вон—говорит—отча мать убиў“.—Нѣт—говорит—я этим грѣхам не знаю прощенья. Поди в таком-то мѣстѣ есть старецъ, он Божью половину знает, он скажет.—Он опеть добрался до кельи. Колотится: „Отче старец, пусти меня“. Старец

отвѣчает.—Кто есь?—„Грѣшный человѣкъ, иду каеться“. Он келью отпер, крес, евангеліе вынес на налой.—Какіе грѣхи? сказывай.—Он говорит: „Отца, мать убил“, каецца.—Я—говорит—не знаю этим грѣхам прощенія. Стань же на то мѣсто, гдѣ я молился.—Ну он стал на то мѣсто, гдѣ молился этот старец стоял. Он вышел на улицы, тот старецъ, и говорит:—Господи, твой рап пришол каетьсе.—Госпотъ с небеси опустился и стал перед икону прямо к образам, спиной к иконѣ и говорит:—Какіе грѣхи? сказывай—(Он сам Госпотъ: креста в рукѣ не держит). „Вот, говорит, отца и мать. убил“.—А,—говорит,—летите ангели за отцѣм, за матерью, несите сюда.—Онѣ 3 минуты слетали, поставили их тут рядом.—Проси у отца и матери. Я прошу.—Вот он им кланеится: „Отец и мать простите за то, что я вас убил“ (как живые стоят: души не умирают). А они отвѣчают:—Мы молоды были, хотѣлось нам пожить. Не простим грѣхоф.—Госпотъ и говорит:—Отлетите же в то мѣсто гдѣ-ка были.—А были онѣ в оду.—Господи, простим мы сыну-то грѣхи, избави нас того мѣста.—И муки вѣчныя избавились. Они ему грѣхи простили, и Госпотъ им простил.

7. Христось и апостолы.

Бывальщина.

Госпотъ по землѣ ходил с апостолами. Пришол к богачу, почевать просился. „Куды—говорит—вас такая артель, беспокоится“. Он [Господь] за то золотыя ворота ему дал:—На, богатый, на сѣм свѣтѣ.—Пошол к вдовицѣ, та пустила ночевать: „Подите, добрые люди, ночуйте“. У ней был мальчик. У вдовицы ночевали.—Мы, хозяйшка, не знаем дороги, койда итти.—Она мальчика послала. „Поди, говорит, проводи добрых людей, койды надѣть“. За рѣку итти-то надѣть. Госпотъ послал ангела смертоносново, спихнул ево съ переходу—утоуул парнѣк. Апостолы жалѣють: „Господи, вот боѣач не пустил, так тому золотые ворота дал, а вдовица пустила, за то сына взял за ночлек“.—Нѣтъ, говорит,—друзи мои, апостолы, не жалѣйте сына. Богач не пустил, так пусть богатѣет не сѣм свѣтѣ, а там будет мучиться. А вдовица пустила, будѣт царствовать, и сын будѣт царствовать, а как бы большой вырос, согрѣшил, так не будѣт царствовать, для того и спихнул, а топеря будѣт с матерью царствовать.—Пошли за милостиной. Пришли в дом, пришли. Обѣдают—ничиво не дали. Госпотъ Бох за то не дал им хлѣба-соли. В другой дом [апостолы] пришли. Сміются, разговаривают. Тѣм хлѣп-соль дал и апостолы хлѣп-соль дают. Вышли, на улицах и спрашивают Господа: „Господи, что же мы пришли в ыбу—онѣ хлѣп ѣдят, ничиво не говорят, а им хлѣп-соль не дал“.—А вот онѣ друк на друшку осердились, потому и хлѣба-соли не дал. А тѣ за простыя серьча радѣют, друк друшку

любят, хохочут, тѣм и хлѣп-соль дал. — Идут опять путѣм дорогой. Женщина рубахи моет на праздник. Господь говорит — Будь она проклята! Эку душыну распустила! На праздник моет рубахи. — Дальше идут. Дѣвица младенца давит. Той Бох помощ даў: — Бох помощ — говорит — давить та. Отошли, апостолы и спрашивают: „Вѣтъ это грѣх — от большой: младенца давит, а тут вѣтъ рубахи давит, это меньшій грѣх“. — Нѣтъ, друзи мои, она вить какую душыну распустила — грѣхом не считаэт: На праздник грѣх от работать. А дѣвица, та будет до смерти каяться, докѹли жыва, все у ней на умѣ будѣтъ.

8. Откуда произросли картофель и табакъ.

Не знай правда ли?

Царевна со псом созналась. А тут няньки доказали: она пса кормила. Государю сказали, что твоя дочь со псом живѣтъ. Он в проймѹ посмѣтрѣл. Она там пса кормила, и пес на нее вскочил. Вот когда сам увидѣл, приказал, чтобы пса и ее зарыли в землю. От пса картофѣ выросла, а от нее табак.

У нас принужденіе было от начальства: картофѣ садите — хлѣба замѣна. А дѣдушка не любил и не ѣл. „Какая картофѣ, рѣпка надѣтъ“.

Послѣднія двѣ легенды записаны отъ неграмотнаго крестьянина деревни Кузелевской (Хабарово) Ямскогорской волости Шенкурскаго у. Константина Матвѣевича Клементьева.

9. Кузьма и Димьянъ — ремесленны боги ¹.

Вот Кузьма и Димьян онѣ занимались кузвом — кузнецы были. Ковали не корыстно; ковали только залѣзо, а к стали залѣзо не могли припоять. Была у них кузинка. Вот и куют, маются, а сварить не могут. Изнемогли над этим дѣлом. Пошли домой отдыхать. А бѣс навстрѣчу и пал трудничкам; встрѣтает и посмѣивается: „Ну, сковали?“ Онѣ молчат: знацит не сковали, нечево говорить-та. Вот потом эк повторилося трижды — все он над има трунил. Потом они наумилися труднички. Вот он в остатній рас и встрѣтил их. „Ну, что, трудниськи, сковали?“ — Да, сковали. — А потом, как отвѣтили, он и сказал: „А, сковали, видно уш в песок макали. Научилися ковать, как слѣдуэт“. Один говорит: — Воротимся, испытаем. Ну, давай-ка подувайко. — Один подуват. Как из горла выйдет — так в песок. Начало пламя, искры... Стальную штуку как приложили. Сталь и залѣзо приворилося к песку-то.

---

¹ Название этой легенды дано самимъ сказителемъ.

10. О Пресвятой Богородицѣ.

Это было. Да вот один человекъ жил со своей женой. Жена была набожна и была благоуразумна. Там мужычокъ жилъ богато и потом по пьянству всѣ деньги пропил. Плохо ему зажилось. Однажды он пришол в кабак. Весь день просидит, денник нѣтъ, а выпить охота. Так пошол, запецялился: денник нѣтъ, продать нечево. „Кто бы, говорить, денник дал, дак жону бы продѣл бы“. Потом идѣтъ дорогой и встрѣцает человека. —Што, — говорит, — думыл?— „А думыл, говорит, надѣтъ сказать по правдѣ, кто денек дал бы, так я свою жену бы продал“. —Дам—говорит—только приведи жену на такое-то число. Поутру вставай на зорѣ, веди жонѣ. —По указынну им в такое-то мѣсто. Он сказал: „Гдѣ ты деньги возьмѣш?—“Я тебѣ—говорит—выкопаю клат, что денек страшно много—говорит. Вот живут. Жона и таково дѣла не знает, что он так еѣ продал. Потом строк истѣкъ. Потом надѣтъ вести жону на указанно мѣсто. „Пойдѣм, говорит, жона, в одном мѣстѣ есть у нас за полянкима клат большой. А бис тебя—говорит—не даѣтся и мы—говорит—получим его, много денек получим, ты сама видиш, так как нам живѣтся плохо. Тогда будем жыть хорошо“. Потом жона пошла. Хѣрашо, идѣтъ муш и жена за јим. Такой жоны кроткой жалко стало, ну что ж дѣлать? При пути была церькофъ, храм Божый. Вот она мужу объяснила:—„Супрук—говорит—я схожу в церькофъ помолиться, а ты обожди минуточку. —Он говорит: „Иди“. Она зашла в храм и усердно поклонилася Пресвятой Богородицы. Молилася и плакала, да во слезах она и заснула. Потом жалялася Пресвятая Богородица над женщиной, обофор (sic) на себя накинула и пошла. Потом муш стоит, дожыдаится жоны и дождался—думыт, что жона. И пошли, гдѣ указано мѣсто, а духа злобы ешшо нѣтъ. Вдрук подынулася страшная буря: нацело лѣс ломить. И вот прилетает дух.—Привѣл—говорит—жону. —Он выпугѣ молчал. Потом быстро поскоцѣил, думат, что жена его, и она осѣнила его благодатей. Он отскочил от неѣ на много стадей.—Ах, ты,—говорит,—подлецъ! ты не жону свою привѣл, а ты привѣл Мати Іисуса Назарея.—Итак, это дѣло узнав, дух и так быстро поскочил к мужыку с яросьем. И потом Пресвятая Богородица мужыка зашпытила и так что свой обохор поднела, и так что дух злобы потскочил насколко стадей, и зѣмля разверзлася и здѣлалася ущилина, подзимелье. В ету яму он ввернулся и пропал. Потом и скрылася Пресвятая Богородица в тот момент. Потом мужык понел, что зашпытила жону Пресвятая Богородица. Тогда мужык усердно замолился о своём прегрѣшеніи. Да пошол мимо церкви, жона выходит ис церкви, так что он выпугѣ нечево жонѣ не сказал, и пошли они домой и стали жыть и усѣрдно трудиться и повели благоцестивую жысть. Роспутную жысть мужык бросил. Итак, жысь пошла. Тѣм и кончилось. Это было, и таким опытом Бох и наставил.

Записаль П. Богатыревъ.

Мелкія замѣтки о черемисахъ.

I.

Черемисы въ жертву приносятъ птицу, называютъ: „овечье рожденіе“. Эту птицу чистятъ дома и варятъ; когда мясо сварится, выносятъ въ стаю. Въ стаѣ разводять огонь и ставятъ на него котель. Потомъ собираютъ дѣвокъ и молодыхъ ребятъ¹. Сперва собираются въ избу; потомъ хозяйка ихъ выгоняетъ въ стаю. Молодые ребята и дѣвки на четверенькахъ, какъ овечки, бѣгутъ въ стаю, а старикъ, самъ хозяинъ, кричитъ—ихъ, какъ овечекъ, зоветъ въ стаю. Дѣвки и ребята бѣгутъ въ стаю на четверенькахъ, обходятъ три раза вокругъ котла, потомъ всѣ садятся и начинаютъ кушать мясо, а кости кладутъ на крышу. Когда скушаютъ, встаютъ всѣ и опять начинаютъ бѣгать вокругъ костра на четверенькахъ. Бѣгаютъ и кричатъ по-овечьи. Это затѣмъ такъ дѣлаютъ, чтобы полна стая овечекъ была. Дѣвокъ больше бываетъ, а ребятъ меньше. Дѣвокъ больше—такъ овецъ больше родится; ребятъ меньше—такъ барановъ меньше родится. Какъ это окончится, такъ дѣвокъ и ребятъ хозяинъ выгоняетъ на улицу, какъ овечекъ. Потомъ расходятся по домамъ.

II.

Проводы клоповъ.

Черемисы клоповъ такъ провожаютъ. Всей семьей бѣгаютъ вокругъ избы верхомъ на палочкѣ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукѣ, завернувъ въ бумагу, пару клоповъ. Поютъ пѣсни, пляшутъ, играютъ на скрипкѣ и балалайкѣ. Потомъ идутъ къ рѣчкѣ, сажаютъ клоповъ на щепку, капаютъ капли три крови и говорятъ: „Ну, клопы, вотъ вамъ гостинцы—кровь. Вы плывите теперь дальше отъ насъ, поѣзжайте въ городъ; тамъ въ городѣ живутъ богатые люди—они пьютъ и ѣдятъ сладко; у нихъ кровь гуще и много слаще, чѣмъ у насъ“. Когда пускаютъ на рѣчку, играютъ на скрипкѣ и балалайкѣ. Это дѣлаютъ для того, чтобы въ избѣ не было клоповъ. Если послѣ этого времени не будетъ клоповъ, говорятъ; „Мы теперь проводили клоповъ въ городъ“.

¹ Т. е. парней; см. ниже. *Ред.*

III.

Черемисы такое поминовѣніе дѣлають покойникамъ ¹. Собираются, всѣ нарядные, и идутъ на кладбище. Туда приводятъ чернаго быка и тамъ, возлѣ кладбища, рѣжутъ. Разводятъ огонь и ставятъ котлы, варятъ мясо, потомъ идутъ вокругъ поля, и будто какъ сбальба ² бываетъ: очень много народу—поютъ пѣсни и пляшутъ, съ музыкой и барабаномъ. Вокругъ поля ходятъ пѣшкомъ, берутъ съ собой пиво и вино. Въ полѣ на каждомъ пенекѣ зажигаютъ свѣчки и бросаютъ блины. Оттуда идутъ съ пѣснями и пляской, съ музыкой и барабаномъ. Всѣ три поля обходятъ, потомъ опять приходятъ на кладбище. Когда мясо сварится, бросаютъ по могиламъ мясо и блины. Тогда говорятъ такъ: „Или безъ отца родившіеся есть или безъ родственниковъ есть, или болѣе тысячи лѣтъ лежащіе въ землѣ есть—вотъ вамъ мясо и блины; кушайте!“ Зажигаютъ свѣчки вокругъ кладбища, возлѣ городьбы ³ или на городьбѣ и говорятъ такъ: „Въ нашихъ поляхъ посѣянные хлѣба не трогайте и въ амбарахъ не трогайте! Мы вамъ чернаго быка зарѣзали — кушайте мясо и блины. Будьте спокойны, живите на хорошемъ мѣстѣ!“ Разрѣзываютъ лентами бычью шкуру и вѣшаютъ вдоль городьбы.

IV.

Черемисы покойникамъ годовые поминки такъ дѣлають. Когда сорокаленные поминки были: ему (покойнику, *ред.*) одѣжу—рубашку, штаны, кафтанъ, кушакъ, шапку и варежки (сдѣлали? *Ред.*). Эту одѣжу кладутъ на любимую лошадь покойника и ведутъ ее на кладбище. Вокругъ кладбища три раза проводятъ, потомъ привязываютъ къ столбу. Зажигаютъ восковую свѣчку, кладутъ тутъ блины и говорятъ такъ покойникамъ: „Мы тебѣ годовыя поминки дѣлаемъ и привели лошадь, которую ты любилъ“. Потомъ идутъ домой и лошадь уводятъ. Когда придутъ во дворъ, тотчасъ же рѣжутъ, созываютъ много гостей изъ сосѣднихъ деревень, варятъ помногу мяса и поминаютъ покойника, зажигаютъ свѣчу восковую, кладутъ блины и мясо и говорятъ: „Кушай блины, кушай мясо! Мы твою лошадь не запрягали, не ѣздили на ней,—вотъ теперь уведи ее къ себѣ!“ Эти поминки продолжаются до тѣхъ поръ, пока не кончится мясо, что тянется 8—12 дней.

Когда окончатся поминки, кости лошади кладутъ на могилу, а голову вѣшаютъ на лѣсинѣ. Шкуру продаютъ и на эти деньги дѣлають бѣднымъ и сиротамъ одежду.

¹ Въ записи: „поминальной сбальбу дѣлають покойникамъ“. *Ред.*

² Свадьба? *Ред.*

³ Возлѣ городьбы вокругъ кладбища? *Ред.*

V.

Мы, черемисы, молимся такъ. Мы всѣ присаживаемся на колѣни и, не крестясь, одними поклонами, всѣ до единого усердно просимъ Бога, чтобы онъ простилъ намъ грѣхи и далъ здоровье намъ и нашему скоту, послалъ намъ урожай хлѣбовъ и сохранилъ насъ отъ бѣдствій, Мы благодаримъ Бога за всѣ прежнія милости и молимся о здравіи Царя, Наслѣдника, за отечество и все воинство, за начальство, за всѣхъ добрыхъ людей и за умершихъ. Мы, черемисы, кромѣ Бога, не признаемъ никого. Усердно молимся только одному Богу и приносимъ Ему жертву за всѣ милости и за сотвореніе міра. За сотвореніе міра приносимъ въ жертву жеребенка. Мы сами одѣваемъ бѣлыя, чистыя рубахи (въ бѣлыхъ рубахахъ за естественной надобностью выходить запрещается). Жеребенка окачиваютъ чистою водою, и если жеребенокъ при этомъ встряхнется, то его можно заколотъ, а если не встряхнется—нельзя: значить, Богъ не принялъ. Этого жеребенка надо замѣнить другимъ. При моленіи зажигаютъ самодѣльную восковую свѣчу.

Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, и мы приносимъ Богу жертву за каждое твореніе отдѣльно. Первую жертву—за сотвореніе міра. Вторую—за то, что Богъ показалъ намъ солнце и свѣтъ; солнце приносимъ намъ тепло, и мы приносимъ бѣлую нетель. Третью—чернаго быка—за созданіе земли; земля намъ родитъ хлѣбъ и всякія деревья и цвѣты. Четвертую—красную нетель—за то, что Богъ посылаетъ намъ вѣтеръ и очищаетъ отъ всякой духоты. Эти жертвы мы приносимъ одному Богу, называемъ „большимъ моленіемъ“. Молимся въ моленной рошѣ, жертвы приносимъ въ году одинъ разъ, съ 1-го до 22-го іюня. Женщины у насъ на молитву не ходятъ, потому что у нихъ бываетъ всякое бремя(?). Если во время моленія кому-нибудь захочется на дворъ, то рубашку мѣняютъ, а послѣ купаются въ водѣ, обмоются, какъ слѣдуетъ чисто, и тогда идутъ на моленіе. Когда идетъ сильное моленіе, бываетъ тишина, и никто другъ съ другомъ не разговариваютъ; всѣ глядятъ прямо на свѣчу и кланяются. Жертовное мясо варятъ въ моленной рошѣ и, когда мясо сварится, начинаютъ моленіе. Сваренное мясо кладутъ возлѣ свѣчки. По окончаніи моленія начинаютъ ѣсть мясо, кости собираютъ, кладутъ въ огонь и покрываютъ шкурой. Когда шкура горитъ, сильно молятся и примѣчаютъ, какой бокъ шкуры раньше прогоритъ. Радуются, если раньше прогоритъ правый бокъ, говорятъ: „Слава Богу,—правый бокъ раньше прогорѣлъ: значить, жертва угодна Богу. Прежде старики говорили, что если дымъ столбомъ поднимается, то жертва угодна Богу, а если по землѣ стелется, то—неугодна.

VI.

Бываетъ еще такое моленіе. Выносятъ блины на чистое мѣсто и ставятъ на бѣлый холстъ. Собираются всей семьей, одѣтые по моленному обряду: чистая, бѣлая одежда. Присядутъ на колѣни передъ блинами и дѣлаютъ поклоны всѣ въ разъ. Одинъ изъ нихъ бываетъ „читатель“, куго-учо—дѣлаетъ много поклоновъ. Когда кончатъ молиться, сядутъ рядкомъ, всѣ молчать—полная тишина. Потомъ куго-учо разрѣшаетъ говорить и ѣсть блины. Поѣдятъ блиновъ и расходятся. Это—еженедѣльное моленіе, происходитъ по пятницамъ. Свѣчь при этомъ не зажигаютъ.

Сообщилъ Трофимъ Мендіаровъ.

Роды у байтовъ.

(Обычай и знахарство во время родовъ).

Нижеприведенные рассказы записаны мною со словъ, Балдынъ ламы, хошуна Захъчѣн Гун'а 40 лѣтъ, проживающаго среди байтовъ на р. Хангельцыкѣ, въ хошунѣ Тумн-Бајр Гун'а уже 8 лѣтъ и занимающагося лѣченіемъ, преимущественно акушерствомъ; онъ пользуется въ околоткѣ извѣстностью, какъ хорошій массажистъ (конечно, для монголовъ). Всѣ нижеприведенные рассказы мнѣ пришлось слышать два раза у постели моей жены: я приглашалъ его два раза.

Въ критическіе моменты онъ и предлагалъ эти услуги и совѣты, которыми, къ счастью, не пришлось воспользоваться.

Во время родовъ байтка должна стать на колѣни, руками опереться на поставленный передъ ней арыкъ (корзина) и, какъ только ребенокъ родится, немедленно выпить чашку сырой холодной воды, которая будто бы содѣйствуетъ скорому отдѣленію послѣда (1). Немного погодя перевязываютъ пупокъ „кѣ цѣгѣлнѣ“, ниткой, приготовленной изъ жилъ крупныхъ животныхъ — быковъ, лошадей, „шѣр бѣсн“ (2), и тотчасъ же родильницѣ даютъ теплаго бульону, приготовленнаго изъ бараньяго мяса, обязательно безъ соли. Въ первые сутки родильницу кормятъ только этимъ бульономъ и даютъ немного варенаго нежирнаго бараньяго мяса (3).

На вторые сутки даютъ уже некрѣпкій чай съ молокомъ, тоже обязательно безъ обычныхъ монгольскихъ приправъ—соли и солонца, „дабъс, булгѣцѣ или бултѣ“ (4). Выходить изъ юрты для естественныхъ отпращиваній родильницѣ не воспрещается, только заставляють тепло одѣваться и голову закрывать наглухо.

По мнѣнію байтовъ, у родильницы щель черепнаго шва расширяется во время родовъ, благодаря чему родильница можетъ легко простудиться.

Первые три дня часто запрещаютъ заходить постороннимъ въ ту юрту, гдѣ находится родильница съ новорожденнымъ; у богатыхъ и князей это часто длится по нѣскольку лѣтъ, „кѣл цѣртѣ“ (5), какъ говорятъ байты.

Послѣ того, какъ отрѣзана пуповина, ребенка завертываютъ въ шкурку молоденькаго барашка; потомъ, немного погодя (при правиль-

ныхъ родахъ), послѣ уборки послѣда, ребенка снова завертываютъ въ свѣжую шкурку; въ это время вокругъ пупка обвертываютъ промасленную вату; это будто бы способствуетъ скорому подсыханию и отпаденію пупка (6).

По прошествіи трехъ дней, въ назначенный ламами (буддійскими монахами) счастливый часъ, ребенка моютъ въ первый разъ. Первое обмываніе ребенка должна сдѣлать обязательно бабушка, т. е. тотъ человекъ, который перерѣзывалъ пуповину; обязательно приглашается лама для совершенія молитвъ освященія ванны (7).

Вода для первой ванны готовится обязательно кипяченая; въ нее при кипяченіи кладется немного вереску, „арцѣ“, соли, семь ячменныхъ зеренъ и двѣ ножныя кости того самаго барана, который былъ заколотъ для родильницы; все это кипятятъ.

Кости кладутъ для того, чтобы у новорожденного не было ревматическихъ болѣзней, „кѣ ѣбчѣн“; соль—для того, чтобы не было накожныхъ болѣзней; ячменные зерна—для того, чтобы у новорожденного было много потомковъ.

Послѣдъ „хоѣткѣ“ завертываютъ въ тряпку или коніму, по возможности чистую, кладутъ подъ сидѣнье или около родильницы и такъ хранятъ три дня, то-есть до обмыванія ребенка. Послѣ омыванія послѣдъ сразу закапываютъ въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили роды (8). Сперва выкапываютъ ямку, на дно бросаютъ ячменные зерна, затѣмъ бросаютъ „дѣлѣн шорѣ“ (9), святой землицы, сверху послѣдъ покрываютъ пятицвѣтными шелковыми лоскутками, потомъ уже засыпаютъ землей.

При перекочевкѣ на другое мѣсто, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ закопанъ послѣдъ, сверху сооружаютъ изъ глины миниатюрную „цацѣ“ (буддійская часовенка).

Хлѣбныя зерна кладутся для того, чтобы еще рождались дѣти у родильницы; разноцвѣтные шелка—для того, чтобы новорожденный жилъ богато; святая земля—для освященія и очищенія мѣста.

Цацѣ воздвигается для воздѣйствія на подземныхъ духовъ-драконовъ (лѣс), чтобы они не могли причинить зла новорожденному и родильницѣ.

Если у новорожденного долго не заживаетъ ранка пупка, то родильница чешетъ себѣ гребнемъ голову, оставшіеся въ гребнѣ вычески своихъ волосъ, „себѣ“, сжигаетъ и оставшіеся отъ нихъ пепель смѣшиваетъ съ мелко истолченнымъ чаемъ; этимъ порошкомъ и присыпаетъ ранку пупка, которая, по словамъ нашего ламы, отъ такой присыпки очень скоро зарубцовывается.

Если почему-либо не выходитъ послѣдъ, то косу родильницы сгибаютъ вдвое и даютъ ей глотать. Если это не помогаетъ, то веревку съ верхушки аила „ѣркѣн ѣсѣр“ протягиваютъ снаружи въ двери аила и конецъ ея кладутъ въ ступу и толкутъ пестомъ (10). Если и

это не помогает, то бѣгутъ къ старшему по годамъ брату или другому какому-нибудь родственнику родильницы—„наѣцхъ“ за его уздой; удила этой узды накалываютъ въ огнѣ и ими снаружи прожигаютъ нижнюю кошпуную покрывку аила, „тѹрѹѹ“, напротивъ родильницы (11).

Если у новорожденного случаются запоры (нашъ лама ихъ называетъ „біці“ или „тахд“), то въ такихъ случаяхъ берутъ новую иглу, вдѣваютъ въ нее красную нитку, потомъ иголку и нитку пачкаютъ сажей, прокалываютъ этой иглой переносье ребенка промежъ глазъ и продергиваютъ нитку.

Это лѣченіе лама горячо рекомендовалъ намъ продѣлать надъ нашимъ ребенкомъ и увѣрялъ, что дѣти его легко переносятъ, и что онъ много разъ примѣнялъ его на практикѣ (12).

Конечно, я спросилъ у него, нѣтъ ли болѣе естественнаго лѣченія, и онъ мнѣ сказалъ, что отмѣнно хорошо помогаетъ только что надоенное парное молоко бѣлой коровы.

Желая провѣрить рассказанное Балдынъ ламой, я обратился къ баиткамъ, работающимъ у меня на шерстомойкѣ.

Онѣ всѣ хошуна Тѹмн гѹн'а.

Амѹлѹ 49 лѣтъ, имѣла 12 дѣтей; 9 живы, изъ нихъ 6 сын.

Дакъ	38	„	„	5	„	4	„	„	„	3	„
Цонъ	44	„	„	1	„	1	„	„	„	1	„
Бодъ	52	„	„	3	„	1	„	„	„	1	„
Цибзѹ	50	„	„	5	„	5	„	„	„	3	„
Субѹд	27	„	„	1	„	1	„	„	„	1	„

Разспрашивалъ я также одну женщину Іцібѹ хошуна халхаскаго Го-вана.

Примѣчанія вышеназванныхъ женщинъ:

1) Іцібѹ говорила, что у нихъ (т. е. у халхасцевъ Дзасахтухановскаго аймака) въ воду подмѣшиваютъ солопецъ „хуѹр“; тогда еще скорѣе отдѣляется послѣдъ.

2) Всѣ баитки, говорили, что предпочтительнѣ конскія жиры, потому что у лошадей роды бываютъ всегда легкіе.

Даже когда бываютъ тяжелые роды, то около родящей разстилаютъ конскую шкуру, чтобы родильница на нее смотрѣла; тогда роды облегчаются.

Также полезно по спинѣ родящей проводить шкуркой бѣлки и натирать спину масломъ.

3) Баитки всѣ запротестовали.

Въ первый день бульону не даютъ, а даютъ только нежирное баранье мясо (и то еще часто хорошенько выжимаютъ и вымываютъ въ кипяченой водѣ, чтобы не было въ мясѣ жирныхъ соковъ) да некрѣпкій чай съ молокомъ, безъ соли и солонца, а бульонъ даютъ уже послѣ 3-го дня.

4) Бултă, или булгұцă баиты называютъ „мѳсұн хуцїр“ ледяной или каменный солонецъ; его въ чай кладутъ наравнѣ съ солью, будто бы для вкуса; съ солонцомъ чай наваривается крѣпче. Это, я думаю, объясняется просто тѣмъ, что растворившійся въ водѣ солонецъ придаетъ ей красноватожелтый цвѣтъ.

Каменный солонецъ баиты добываютъ изъ небольшого озера, находящагося недалеко отъ р. Нарѣн, въ кочевьяхъ баитскаго князя Тудұп гұц'а. Каменный солонецъ развозится далеко за кочевья баитовъ. Китайцы охотно покупаютъ его въ Уласутаѣ, Кобдо и везутъ даже до Гучена; они употребляютъ его при печенїи хлѣба (какъ поташъ), для стирки бѣлья и мытья рукъ (какъ мыло).

Это интересное миниатюрное озерко, въ окружности не болѣе одной версты, неистощимо; изъ него добываютъ массу бѣлыхъ каменныхъ глыбъ вѣсомъ въ шесть и болѣе пудовъ; словомъ, можно добывать какіе угодно цѣльные квадраты. Это озерко на нашихъ географическихъ картахъ не отмѣчено, и его едва ли посѣтилъ кто-нибудь изъ нашихъ ученыхъ путешественниковъ. Это—своего рода рѣдкость и ждетъ своего ученаго изслѣдователя.

5) Баитки протягиваютъ надъ дверями шнурокъ между двухъ палокъ, прикрѣпленныхъ по бокамъ дверей; на шнурѣ посрединѣ вѣшается бѣлый лоскутъ. Это—знакъ, что здѣсь родильница.

6) Баитки говорятъ что лучше накладывать на пупокъ паховую железу барана „чїцрхă“, продѣлывая въ ней отверстіе для пупка.

7) Приглашенный лама, часто случается, даетъ имя новорожденному, но это не всегда; нареченіе имени необязательно; его могутъ произвольно дать родители и родственники ребенка сразу послѣ рожденія или же по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ. Одному и тому же ребенку до совершеннолѣтія и послѣ возмужалости перемѣняютъ нѣсколько именъ, по случаю болѣзней и т. п.¹

8) Баитки говорятъ, что если такъ и дѣлаютъ, то не всегда: чаще послѣдъ хоронятъ въ степи, на хорошемъ, указанномъ ламами, мѣстѣ и сверху сразу же устраиваютъ „цацă“; разноцвѣтные шелка не кладутъ, остальное же все кладутъ вышеупомянутымъ способомъ.

Послѣдъ онѣ считаютъ наравнѣ съ покойникомъ и похоронамъ его придаютъ большое значеніе: отъ этого зависитъ будущее родильницы и потомства.

Одна изъ женщинъ—„Амбұлц“—говорила: „Вотъ я во время

---

¹ Мѣняя имя и одежду, монголы этимъ обманываютъ пришедшїй недугъ. Въ этомъ вопросѣ у нихъ полный хаосъ.

Метрическихъ записей или чего-нибудь подобнаго не существуетъ; поэтому я смѣло могу утверждать, что точнаго числа монгольскаго народа никто не знаетъ. Это явленіе—общее для всѣхъ монголовъ, а не для однихъ баитовъ.

последних родов не побереглась и не досмотрѣла сама, а послала свою маленькую дѣвчонку; она куда-то закопала въ худое мѣсто: вотъ я до сихъ поръ и маюсь. Это—все равно, что бросить покойника на плохомъ мѣстѣ. Если хорошее мѣсто, то и оставшіеся потомки будутъ жить хорошо, а если худое, то замаются въ конецъ. Такихъ примѣровъ у насъ въ хошунѣ сколько угодно“.

9) Дѣйцн—освѣщается въ буддійскихъ монастыряхъ на особыхъ молебствіяхъ. По окончаніи молебствія вѣрующимъ и раздають эту землю.

10) Бантки говорятъ, что у нихъ въ ступѣ бсѣр не толкутъ, а даютъ его родильницѣ въ ротъ глотать такъ же, какъ и косу.

11) Бантки говорятъ, что у нихъ этого обычая нѣтъ, а есть другой: опояской старшаго родственника „наѣацхъ“ подпоясываютъ родильницу.

12) У бантовъ этого обычая нѣтъ; онѣ называютъ „бііі“ не за поръ, а поносъ. Его лѣчатъ такъ: берутъ кусочекъ серебра и проводятъ имъ ребенку по переносью нѣсколько разъ,—вотъ и все лѣченіе.

Халкаска Ісібіу говоритъ, что у нихъ послѣдъ закапываютъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходили роды, но при кочевкѣ не воздвигаютъ „цацъ“, а просто надъ тѣмъ мѣстомъ зажигаютъ верескъ, надъ курящимся верескомъ кружатъ ребенка и восклицаютъ: „хурă!“, т. е. просятъ божество ниспослать всякія блага. Послѣдъ завертываютъ обязательно въ чистую бѣлую тряпку.

Халкасцы новорожденныхъ моютъ бульономъ съ тѣми же правами, какъ и у бантовъ. Это—первая и послѣдняя ванна въ жизни халкасца и халкаска.

У бантовъ же дѣтей продолжаютъ мыть до двухъ-трехлѣтняго возраста чрезъ каждые три дня обязательно кипяченой водой или же бульономъ, или сывороткой, оставшейся послѣ куренія вина изъ молока.

При первомъ признакѣ желанія новорожденного поѣсть, ему суютъ, по словамъ бантокъ, въ ротъ кусочекъ жиру отъ курдюка барана. Этотъ кусочекъ жиру и служить новорожденнымъ пищей въ теченіе первыхъ 2—3 дней до появленія въ грудяхъ матери молока.

Если у родильницы груди сильно нагрубѣютъ, то считается полезнымъ спускать ихъ въ холодную воду, но если это помогаетъ при нагрубаніи, то вредитъ потомъ: молоко пропадаетъ безвозвратно навсегда; поэтому бантки стараются избѣгать этого способа лѣченія, отдавая молоко или давая отсасывать чужому ребенку. Одна бантка мнѣ говорила, что въ такихъ случаяхъ лучше дѣлать примочки чаемъ съ солью,—это не вредитъ молоку.

Бантъ Арăші залн, онъ же и костопрвъ „отѣчъ“, передавалъ мнѣ, что зимою часто задержаніе послѣда происходитъ благодаря

простудѣ родильницы. Въ такихъ случаяхъ немедленно рѣжутъ барана, тотчасъ же сдираютъ съ него шкуру, разстилаютъ ее, затѣмъ немедленно распарываютъ барану животъ, достаютъ оттуда брюшину „гүзс“, вываливаютъ изъ нея на овчину горячее содержимое, покрываютъ его сверху надбрюшной сальной перепонкой „семцї“, на это сажаютъ родильницу, плотно обвертываютъ ее кругомъ овчиной и подпоясываютъ. Послѣ нѣкотораго времени сидящая въ необыкновенной ваннѣ начинаетъ сильно потѣть,—тогда послѣдъ легко отдѣляется. Разсказчикъ говорилъ, что самъ примѣнялъ это средство на практикѣ.

Кромѣ того, онъ разсказалъ о старинномъ обычаѣ джунгаръ, который сейчасъ почти забытъ; среди байтовъ его исполняютъ еще развѣ нѣкоторые князья. Для родильницы стелютъ бѣлую кошму, сверхъ кошмы посыпаютъ ячменныя зерна и немного сухого бараньяго навоза „хорѣсѣ“, нѣсколько корешковъ растенія „дүрүѣ“, все это сверху покрываютъ бѣлымъ полотномъ и потомъ уже вышесказаннымъ способомъ сажаютъ сверху родильницу.

Во время перевязки пупка бабушка должна говорить слѣдующія слова:

јесн мүгї чатхү кігет
күмн едтү ѓзѓтѣ
хотл чүлхү болтхѣ;
зүн цїл ахү бүгет
зун намрїгї үзхү болтхѣ.
Амн-чїн гүр хар чолүнѣс батѣ
јїзүр үндүсн чїнї үйтѣ цагѣн
ѓбснѣс олѓм болтхѣ.

Будь девять золъ могущимъ поборотъ, будь приносящимъ счастье людямъ и дѣлу, стань собирателемъ всего совершеннаго; чтобы тебѣ сто лѣтъ прожить и увидѣть сто осеней. Жизнь твоя да будетъ тверже чернаго камня-валуна, а родъ твой—поколѣніе да будетъ многочисленно иѣе тонкой бѣлой травы¹.

Разсказчикъ говоритъ, что у него была старая книжка, написанная по-ойратски (по-калмыцки); въ ней то и заключалось это.

Когда я спросилъ, какой заголовокъ книжки, онъ мнѣ сказалъ: „Помнїтея, будто бы „Отѓчі бурхүн айден“—повѣданное Оточн-бурханомъ—цѣлїтелемъ; впрочемъ, не знаю хорошо, не помню, а гдѣ эта книжка сейчасъ, не знаю. Она у меня валялась и кто-то утащилъ; такъ она и затерялась“. Это—характерный примѣръ отношенія монголовъ къ памятникамъ литературы.

Байтки: когда родятся двойни, то раскалываютъ топоромъ и выбрасываютъ подпорку въ аплѣ, „бахѣн“—дѣлая видъ, что рѣжутъ въ длину красной ниткой въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть раздвоеніе, „ацѣ“, ко-

¹ Очень похожее пожеланіе произносятъ при рожденїи и обрѣзанїи пуповины Гесеръ-хана, см. Я. И. Шмидтъ. Подвиги... героя Богды Гесеръ-хана. СПб. 1836. стр. 10 (монг. текстъ) и I. J. Schmidt. Die Thaten Bogda Gesser Chan's. Eine Ostasiatische Heldensage. St. P. 1839, p. 15 (переводъ):

торое упирается въ кругъ аила, „хараѣ“.—Это дѣлается для того, чтобы раздѣлить жизнь близнецовъ. По понятію баитовъ, разъ родились вмѣстѣ, то у нихъ и жизнь одна. Послѣ этой процедуры жизнь должна разъединиться.

Баитки: отпавшую пуповину мальчика не бросаютъ; отецъ носитъ ее на шеѣ зашитую въ тряпочку, какъ талисманъ, дѣлающій его необходимымъ на судѣ.

Баитки: дѣти, родившіяся въ сорочкѣ, считаются счастливыми. Сорочку просто не разрываютъ на ребенкѣ, а разрѣзываютъ (дѣлаютъ видъ) серебряной серьгой матери или вообще серебромъ. Сорочку завертываютъ въ чистое и хранятъ.

Если родится въ сорочкѣ дѣвочка, то ее нельзя отдавать замужъ въ другой хошунъ, а то она можетъ унести съ собой счастье всего хошуна въ чужой.

Баитки хранятъ кость, которая была положена въ первую ванну, и если ребенокъ будетъ внезапно пугаться и кричать, то въ такихъ случаяхъ достаточно только положить эту кость около ребенка: пройдетъ. Если случится у ребенка болѣзнь ушей, золотуха, „булѣк“, то въ такихъ случаяхъ эту кость разбиваютъ и находящійся въ ней мозгъ пускаютъ въ уши ребенку. Это хороше помогаетъ.

Запись сдѣлана на р. Хангильцкѣ (С.-З. Монголія, кочевья баитовъ) въ іюль 1912 г.

А. Бурдуновъ.

Секта „кугу-сартъ“.

Секта „кугу-сартъ“ имѣтъ распространѣніе главнымъ образомъ среди черемисъ Уржумскаго уѣзда, Вятской губерніи, и, какъ мнѣ кажется, кромѣ ея адептовъ, мало кому извѣстна, а потому я считаю не безполезнамъ сообщить о ней то, что я знаю.

„Кугу-сартъ“ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „большая свѣча“ и, какъ сказано выше, обозначаетъ названіе секты числящихся язычниками черемисъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ сводятся къ признанію единого Бога, которому во время моленій приносятся безкровныя жертвы; послѣднія составляютъ коренное отличіе отъ религіознаго культа остальныхъ черемисъ, приносящихъ при моленіяхъ въ своихъ „священныхъ рощахъ“ („кереметь“) кровавыя жертвы, закалывая для того овецъ, телятъ и другихъ, преимущественно молодыхъ животныхъ и птицъ, тутъ же съѣдаемыхъ за общей трапезой. Кстати будетъ сказать, что черемисы чтутъ многихъ христіанскихъ святыхъ и въ особенности св. Николая чудотворца; всѣ черемисы, какъ кугу-сарты, такъ и остальные, называютъ себя послѣдователями „авраамской“ вѣры; тѣмъ не менѣе и несмотря на ихъ монотеизмъ, официально они причисляются къ язычникамъ; нѣкоторые же, и тоже по недоразумѣнію, называютъ ихъ даже идолопоклонниками, хотя идоловъ у нихъ нѣтъ, и имъ они, само собою разумѣется, не поклоняются.

Въ общемъ, нравственный обликъ послѣдователей „кугу-сартъ“ стоитъ значительно выше, чѣмъ у остальныхъ ихъ соплеменниковъ; они не пьютъ вина, не курятъ, не играютъ въ карты; растенія они относятъ къ одухотвореннымъ созданіямъ Бога, связаннымъ съ почвой; только крайняя необходимость заставляетъ ихъ, поэтому, срубать деревья, и большинство кугу-сартовъ оставляетъ на каждой своей полосѣ земли въ полѣ хотя бы по одному дереву.

Одинъ встрѣченный мною послѣдователь „кугу-сартъ“ задалъ мнѣ вопросъ, почему не только люди, но и животныя обладаютъ неодинаковыми душевными качествами: одни добры, другіе злы; и самъ же далъ отвѣтъ, сказавъ: „по-нашему, въ воздухѣ есть два какъ бы газа (начала), которые при вдыханіи вліяютъ на мозгъ и сердце и людей и животныхъ, и оба различно: одинъ способствуетъ развитію дурныхъ наклонностей, другой—хорошихъ, добрыхъ; нѣкоторые усваиваютъ въ большей степени первый, другіе—послѣдній, и, сообразно съ этимъ, одни становятся злыми, другіе—добрыми“.

Послѣдователей секты „кугу-сартъ“ около 100.000 человекъ.

В. Посниковъ.

Гольдекія сказки.

Предлагаемыя сказки гольдовъ записаны мною лѣтомъ 1913 и 1914 гг. Двѣ сказки записаны со словъ гольда Баря въ стойбищѣ на р. Уссури, противъ русскаго казачьяго пос. Верхне-Михайловскаго. Хотя это стойбище находится на китайской территоріи, но гольды поддались здѣсь болѣе русскому вліянію, чѣмъ китайскому. Баря довольно бойко говоритъ по-русски. Онъ уже не разъ рассказывалъ русскимъ свои гольдекія сказки на русскомъ языкѣ и среди мѣстнаго казачьяго населенія сlyветъ за хорошаго сказочника. Ему 52 года. Собственныя имена какъ въ его сказкахъ, такъ и въ сказкахъ другихъ рассказчиковъ я записывалъ такъ, какъ они ихъ выговаривали. Баря, напримѣръ, говорилъ „Мэргэ“, а Павелъ Бельды иногда выговаривалъ „Марго“, иногда же „Мэргэ“.

Второй мой сказочникъ—Павелъ Бельды изъ стойбища Тауди на р. Тунгускѣ, всего въ 25 верстахъ отъ г. Хабаровска. Ему 19 лѣтъ. Онъ также удовлетворительно говоритъ по-русски, и поэтому сказки записаны непосредственно съ его словъ.

Со словъ Павла Бельды.

Жилъ храбрый и удалый гольдъ Мэргэ. Никогда онъ не ходилъ на охоту съ кѣмъ-нибудь въ компаніи, а всегда одинъ. Постоянно онъ билъ множество разнаго звѣря и никогда не зналъ неудачи. Всѣ сосѣди боялись Мэргэ и уважали его. Приходитъ однажды храбрый Мэргэ съ охоты къ своей юртѣ и замѣчаетъ, что тамъ кто-то лежитъ. „Кто бы это могъ быть“, подумалъ Мэргэ и приподнялъ наддверную циновку; видитъ онъ, что лежитъ на его постели совсѣмъ необыкновенный человѣкъ: халатъ на немъ серебряный и свѣтитъ, какъ солнце, волосы на головѣ сѣдые. „Кто же это такой—Богъ или чортъ? Должно быть, чортъ“, подумалъ Мэргэ и хотѣлъ заколотъ его. Но только замахнулся онъ гиду, какъ человѣкъ въ свѣтломъ халатѣ говоритъ ему:

— Дуракъ, я слышалъ, что ты храбрый и удалый гольдъ, полюбилъ тебя и хотѣлъ наградить тебя свѣтлымъ халатомъ. Онъ далъ бы тебѣ силу, никогда бы не изнашивался, и ты въ немъ никогда бы не старился, не хворалъ, и смерти тебѣ не было бы. Но ты хотѣлъ меня убить. Поэтому получишь только саблю. Но помни твердо, что когда ты потеряешь саблю, то умрешь“.

Сказалъ и исчезъ, а сабля осталась. Взялъ ее Мэргѣ и часто ходилъ съ нею на охоту.

Случилось быть Мэргѣ однажды на „казѣ“ (поминкахъ). Долго хозяева угощали гостей и поили ханшиною. Напились всѣ отъ малаго мальчика до старика и стали надъ Мэргѣ смѣяться:

— Ты считаешься у насъ храбрымъ, а не сходить тебѣ на „сусу“¹. Ниже насъ по Амуру есть старая деревня. Всѣ люди тамъ вымерли, такъ какъ появились тамъ „буссеу“². Трупы сейчасъ еще валяются. Если ты, дѣйствительно, храбръ, то сходи туда и принеси оттуда что-нибудь“.

Не хотѣлось Мэргѣ показать себя трусомъ, и онъ рѣшилъ побывать на „сусу“. Запрягъ онъ въ нарту лучшихъ собакъ и поѣхалъ. Поѣхалъ Мэргѣ ночью къ старой деревнѣ, зашелъ въ крайнюю юрту и слышитъ, что она полна „буссеу“. Вынулъ Мэргѣ изъ кисета огниво и ударилъ о камень, но „буссеу“ во всѣхъ углахъ тоже стали бить огнивами. Зажегъ Мэргѣ огонь и видитъ множество „буссеу“. Страшно ему стало, но все-таки онъ захотѣлъ поѣхать дальше и захватить что-нибудь въ доказательство, что онъ былъ въ „сусу“. Но какъ только сѣлъ Мэргѣ на нарту и закричалъ собакамъ „та, та!“—какъ кто-то ухватился сзади за нарту и затормозилъ. Вспомнилъ Мэргѣ о своей саблѣ, вынулъ ее и размахнулся ею назадъ. Тамъ что-то отвалилось, и нарта быстро понеслась впередъ. Приѣхалъ Мэргѣ домой, а тамъ его уже ждутъ сосѣди. Посмотрѣли они на задки нарту и ужаснулись: на задкахъ остались какія то двѣ желѣзныя руки.

— Чьи это руки?—стали спрашивать сосѣди. И Мэргѣ разсказалъ имъ все подробно. Долго дивились сосѣди и хвалили Мэргѣ за храбрость и удалство, а желѣзныя руки повѣсили на со³. Ровно три года висѣли онѣ, но какъ только въ одну ночь исчезли, такъ исчезла у него и сабля, и самъ онъ вдругъ умеръ.

Со словъ Павла Бельды.

Жилъ Мэргѣ одинъ далеко отъ людей. Была у него большая хорошая юрта, а амбаровъ со всякимъ добромъ было больше ста. Все время онъ охотился и билъ множество всякаго звѣря.

— Не пойду сегодня въ лѣсъ,—подумалъ Мэргѣ и остался въ юртѣ. Долго спалъ онъ и когда проснулся, то увидалъ, что къ его юртѣ кто-то подходитъ. Пришедшій поздоровался и сталъ жаловаться, что у него кто-то укралъ жену.

---

¹ Старое, заброшенное жилье, на которомъ, по вѣрованію гольдовъ, живутъ черти, питающіеся человѣческими мясомъ.

² Черти.

³ Сушила для юколы.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, я тебѣ помогу найти,—сказалъ Маргѣ пришедшему. Переоночевали они и утромъ на слѣдующій день пошли.

Долго ѣхали они, и вдругъ попадаетъ навстрѣчу имъ старуха. Стали они спрашивать ее.

— Не знаешь ли, кто похитилъ у меня жену?—спросилъ мужъ. Старуха сказала, что за большимъ озеромъ живетъ могучій богатырь, который недавно проѣхалъ домой и везъ съ собою много женщинъ. Поняли Маргѣ и потерявшій жену мужъ, что этотъ богатырь похитилъ и ту, которую они ищутъ.

Поѣхали они, куда указала имъ старуха, и черезъ три дня, дѣйствительно, выѣхали на большое озеро. На берегу этого озера они увидели большую юрту, въ которой жилъ богатырь Сагдѣ-Муха. Не успѣли они и подъѣхать къ юртѣ, какъ Муха выскочилъ имъ навстрѣчу. Но мужъ испугался богатыря и сталъ прятаться за Маргѣ. Тогда Маргѣ схватилъ свою гиду и вступилъ въ бой съ Сагдѣ-Муха. Долго они дрались. Но какъ только сломается гйда или сабля у богатыря Сагдѣ-Муха, сейчасъ же дочь его подаетъ ему новую, а Маргѣ никто не помогаетъ. У него уже давно поломалась и гйда и сабля. Вотъ, Маргѣ подумалъ про себя: „Неужели у меня нѣтъ никого, кто бы мнѣ хотя немного помогъ?“ И какъ только онъ подумалъ, сейчасъ же прилетѣла утка и человѣческимъ голосомъ проговорила:

— Тебѣ не убить богатыря Сагдѣ-Муха оружіемъ, но у него есть маленькое пятнышко на лбу, которое одно только непокрыто желѣзной кожей. Набери больше слюны и плюнь ему въ лобъ, если попадешь въ пятнышко, то онъ умретъ.

Маргѣ сдѣлалъ такъ, какъ сказала ему утка: съ силою плюнулъ онъ Сагдѣ-Муха какъ разъ въ середину лба. Закачался богатырь и упалъ мертвымъ.

Взялъ Маргѣ дочь и всѣхъ женъ Сагдѣ-Муха, а также и ту, которую они съ мужемъ искали, самого же мужа онъ взялъ въ „няка“ (рабомъ). Хотѣлъ было Маргѣ ѣхать домой, но утка еще разъ заговорила человѣческимъ голосомъ:

— Не торопись возвращаться домой. Ты долженъ найти богатыря Алху-Муханъ, который убилъ твоего отца, когда еще ты былъ маленькимъ мальчикомъ, а мать твою онъ до сихъ поръ держитъ у себя.

— Какъ я найду Алху-Муханъ? спросилъ Маргѣ утку.

— Иди по берегу этого озера три дня, а на четвертый выйдешь на рѣчку. Поднимись по этой рѣчкѣ, и первая юрта и будетъ та самая, въ которой живетъ Алху-Муханъ.

Посадилъ Маргѣ на лодки весь свой народъ и поѣхалъ туда, куда указала ему утка. На четвертый день онъ, дѣйствительно, достигъ указанной рѣчки. Поѣхалъ онъ по этой рѣчкѣ и черезъ девять дней увидалъ большую юрту. Увидалъ ихъ Алху-Муханъ, выбѣжалъ навстрѣчу и сталъ громко кричать:

— Зачѣмъ ты ѣдешь ко мнѣ, несчастный Маргѳ? развѣ ты не знаешь, что сильнѣе меня нѣтъ никого среди гольдовъ? я убью тебя и твое мясо брошу на съѣденіе „буссеу“.

Вышелъ Маргѳ на берегъ и пошелъ навстрѣчу Алху-Муханъ. Завязалась у нихъ драка. Долго дрались они, но никто не могъ осилить другого. Вдругъ прилетѣла утка, которая раньше говорила человѣчески съ Маргѳ, а за ней цѣлая стая воронъ. Громко закричала утка, обращаясь къ Маргѳ:

— Лови, Марго, скорѣе яйцо, которое я тебѣ брошу, но не дай упасть на землю и пугни хорошенько воронъ. Это яйцо не простое: въ немъ находится „эргэні“ (душа).

Поймалъ Маргѳ яйцо и крѣпко держитъ его въ рукахъ, а Алху-Муханъ заплакалъ горькими слезами и говоритъ:

— Отдай мнѣ это яйцо, а возьми всѣхъ моихъ дочерей и женъ.

— Нѣтъ, не дамъ я тебѣ его. Ты убилъ моего отца и мучилъ мою мать, и самъ хорошо знаешь, какъ надо съ тобою поступить,— отвѣтилъ ему Маргѳ, а самъ размахнулся и ударилъ яйцомъ ему въ лобъ. Разбилось яйцо въдребезги, а Алху-Муханъ упалъ мертвымъ.

Взялъ Маргѳ всѣхъ дочерей и женъ Алху-Муханъ, отыскалъ свою мать и со всѣмъ своимъ народомъ поѣхалъ домой. Тамъ онъ зажилъ счастливо и богато.

Записана въ гольдскомъ стойбищѣ, противъ поселка Верхне-Михайловскаго, на р. Уссури, со словъ гольда Баря.

Жили два брата; родителей у нихъ не было, и оба они ихъ не помнили. Всю работу братья исполняли сами. Часто братья ходили на охоту и приносили много разныхъ звѣрей. Но однажды старшій братъ не вернулся изъ лѣсу. Долго ждалъ младшій и, прождавши напрасно три дня, рѣшилъ итти искать его. Долго ходилъ Мэргѳ, младшій братъ, по лѣсу, но ничего не попадалось ему на глаза; наконецъ онъ напалъ на слѣдъ своего брата и пошелъ по нему. Долго онъ шелъ, сворачивая то вправо, то влѣво, наконецъ, вышелъ на лѣсную лужайку и видитъ: его старшій братъ лежитъ мертвый, истерзаный тигромъ. Горько заплакалъ Мэргѳ. Но недолго онъ плакалъ: на его слезы прилетѣлъ коршунъ и сталъ низко кружиться надъ нимъ. Взглянулъ Мэргѳ на коршуна, а тотъ женскимъ голосомъ заговорилъ ему чисто по человѣчески: „Что ты плачешь? Этимъ горю не можешь. Иди лучше къ шаманкѣ,—она можетъ оживить покойника“.

Удивился Мэргѳ, но коршунъ сейчасъ же исчезъ. Тогда Мэргѳ наломалъ вѣтокъ, закрылъ ими покойника и отправился, куда ему указала чудная птица.

Долго онъ шелъ и все не попадалась ему юрта шаманки. Наконецъ, на третій день пути онъ увидалъ небольшую юрту. Зашелъ туда и поклонился шаманкѣ въ ноги.

— Кто ты такой?—спросила его шаманка.

— Я не знаю своихъ родителей; было насъ два брата, но старшаго растерзалъ тигръ; теперь я остался одинъ.

— Кто тебя послалъ ко мнѣ, и какъ ты нашелъ дорогу къ моей юртѣ.

— Коршунъ отправилъ меня къ тебѣ и указалъ дорогу.

— Теперь я знаю въ чемъ дѣло, — промолвила шаманка: Я оживлю твоего брата.

— Я принесу тебѣ покойника.

— Не ходи: мой бурханъ принесетъ его сюда.

Одѣла она свой шаманскій халатъ, взяла бубень и стала шаманить. Послѣ того какъ шаманка пропѣла свои молитвы и много разъ проплясала, покойникъ показался въ дверяхъ фанзы. Она еще пропѣла молитвы и еще проплясала—и покойникъ забормоталъ. Наконецъ онъ окончательно ожилъ и заговорилъ.

— Кто меня оживилъ?—спросилъ онъ Мэргѣ.

— Великая шаманка привела тебя въ жизнь,—отвѣтилъ ему Мэргѣ.

Тогда старшій братъ сталъ кланяться въ ноги шаманкѣ и благодарить ее. Шаманка подняла его и сказала братьямъ, что еще давно, когда оба они были маленькими дѣтьми, ихъ отца убилъ могучій и злой шаманъ, а мать ихъ увелъ къ себѣ. Кромѣ нихъ, въ живыхъ осталась еще сестра; она можетъ превращаться въ коршуна, летать и говорить по-человѣчески. Это она прилетѣла къ Мэргѣ и рассказала, какъ надо помочь старшему брату.

— Вы должны отомстить за смерть своего отца,—сказала имъ шаманка: Торопитесь, пока мать ваша еще жива.

Братья сейчасъ же стали собираться въ дорогу, но шаманка ихъ остановила.

— Ваши враги—великіе шаманы, и вы не сможете съ ними бороться, если сами не будете шаманами.

Тогда старшій братъ сталъ просить ее, чтобы она сдѣлала его шаманомъ. Шаманка согласилась и сдѣлала все, что для этого нужно.

Отправились братья искать убійцу своего отца. Долго они шли, но ничего не попадалось имъ на пути. Наконецъ увидали они большую юрту. Зашли туда и поздоровались, но имъ не отвѣтили и не пригласили садиться. Братья молча сѣли на край наръ и, посидѣвши немного, хотѣли было идти, но Мэргѣ вдругъ догадался, что хозяева этой юрты и есть ихъ враги. Тогда онъ всталъ съ наръ и, подошедши къ одному изъ хозяевъ, сталъ ругать его и называть убійцей. Скоро у нихъ завязалась драка, но Мэргѣ черезъ самое короткое время

выбросилъ своего противника изъ юрты и убилъ его. То же онъ сдѣлалъ и со вторымъ хозяиномъ юрты, но съ третьимъ онъ не могъ справиться такъ скоро. Стрѣлы и гида отлетали отъ него, какъ отъ камня. Безуспѣшно сражался Мэргэ 10 дней и 10 ночей. Вдругъ надъ сражающимися показался коршунъ и почти надъ самымъ ухомъ Мэргэ заговорилъ по-человѣчески: „Тебѣ не убить его, сколько бы ты съ нимъ ни дрался. Подожди немного, я принесу тебѣ яйца, въ которыхъ хранятся его „эргэни“¹.

Улетѣлъ коршунъ, а Мэргэ собралъ всѣ свои силы, чтобы продолжить схватку до тѣхъ поръ, пока прилетитъ сестра-коршунъ. Долго она не прилетала и оба противника, измученные дракой, еле держались на ногахъ. Наконецъ сестра-коршунъ прилетѣла и говоритъ Мэргэ: „Лови! Если не поймашь, худо тебѣ будетъ“.

Поймалъ Мэргэ берестовую коробочку, открылъ ее и видитъ тамъ два яйца—одно черное, другое пестрое. Сталъ Мэргэ смѣяться.

— Какую интересную штуку мнѣ притащила сестра. Не знаю, что надо съ этой штукой сдѣлать.

— Отдай мнѣ оба яичка,—началъ богатырь просить Мэргэ и сталъ передъ нимъ на колѣни, но Мэргэ продолжалъ шутить.

— Пожалуйста, отдай мнѣ яички,—не переставая, просилъ богатырь: Я буду вездѣ помогать тебѣ; если ты съ кѣмъ-нибудь будешь драться, я полечу за тобой птицей и выклюю глаза твоему противнику.

Но Мэргэ не слушалъ богатыря. Онъ изо всей силы бросилъ оба яйца въ голову своего врага, и тотъ упалъ мертвымъ.

Пошли братья въ юрту, но тамъ не нашли ничего съѣдобнаго. Тогда говоритъ Мэргэ: „Ты оставайся, братъ, здѣсь, а я пойду на охоту и, когда застрѣлю утку, вернусь, и мы сваримъ ѣду“.

Отправился Мэргэ на охоту. Недолго ходилъ, скоро вернулся и принесъ нѣсколько утокъ. Сварили братья ужинъ, поѣли и легли спать на нары. Старшій братъ крѣпко заснулъ, но Мэргэ спалъ плохо. Въ самую полночь вдругъ онъ слышитъ, что въ юрту зашли и разговариваютъ какія-то двѣ женщины. Одна предлагаетъ съѣсть остатки ужина, но другая отказывается.

— Съѣдимъ у нихъ, а можетъ быть, завтра имъ самимъ нечего будетъ ѣсть,—говоритъ одна.

— Ничего: я скажу, что мы взяли,—отвѣчаетъ другая.

Когда съѣли ужинъ, стали закуривать трубки.

— Мы выкуримъ у нихъ табакъ, а можетъ быть, завтра имъ самимъ курить будетъ нечего.

— Ничего, — опять успокаиваетъ ее другая: Я скажу, что мы выкурили.

---

¹ „Эргэни“—душа.

Мэргэ зашевелился; тогда одна женщина говорит ему: „Если ты спишь, то увидишь меня во снѣ; если не спишь, то услышишь. Ты убилъ своихъ враговъ, отомстилъ за смерть отца. Но дядя ихъ, настоящій убійца твоего отца, живетъ вверхъ по Амуру. Онъ узналъ о твоёмъ приближеніи и собралъ сотню шамановъ и сотню богатырей. Онъ уже ждетъ тебя. Плохо тебѣ будетъ, но не бойся: я буду помогать тебѣ“. Мэргэ подумалъ: „Кто же другая?“. Тогда та же женщина сказала: „А вотъ я привела тебѣ и жену“. Мэргэ поднялся съ постели, но обѣ женщины уже исчезли.

Мэргэ снова легъ на постель и уже было заснулъ, какъ вдругъ слышитъ сквозь сонъ, что гдѣ-то звенить колокольчикъ. Онъ проснулся и сталъ прислушиваться. Колокольчикъ звенѣлъ все ближе и ближе и наконецъ остановился. Мэргэ открылъ дверь юрты и видитъ, что къ юртѣ крадется большая выдра. „Злой звѣрь хочетъ съѣсть насъ“ — подумалъ Мэргэ и сейчасъ же спрятался подъ одѣяло, захвативъ съ собою лукъ со стрѣлами. Лежитъ Мэргэ и черезъ дырку видитъ, что выдра тихонько зашла въ юрту и хочетъ прыгнуть на спящихъ. Но какъ только она прыгнула, Мэргэ вѣ-время отскочилъ и насквозь прострѣлилъ ее стрѣлою. Завыла выдра, побѣжала изъ юрты и говоритъ: „Сейчасъ не съѣла, послѣ сожру, если буду жива“. Понялъ Мэргэ, что выдра была не кто иная, какъ тетка трехъ убитыхъ богатырей.

Успокоились братья и снова легли спать, а выпавшись, утромъ стали собираться снова въ дорогу.

— Что намъ за прибыль идти вмѣстѣ?—сказалъ Мэргэ: Пойдемъ сегодня въ разныя стороны.

— Пойдемъ, — согласился старшій братъ. И пошли братья въ разныя стороны: старшій пошелъ на югъ, а младшій—на сѣверъ.

Долго шелъ Мэргэ. Солнце клонилось уже къ вечеру, а ему нужно еще перевалиться чрезъ высокую гору. Ползетъ онъ на утесъ и вдругъ чувствуетъ, что на что-то наступилъ. Оглянувшись онъ назвалъ и видитъ, что своротилъ камень, а подъ нимъ образовалась дыра, и изъ нея пошелъ дымъ. Вдругъ изъ дыры выскочилъ безобразный уродъ маленькаго росту и сердито закричалъ:

— Зачѣмъ ты сломалъ мою юрту?

— Я не съ памѣреніемъ сломалъ,—отвѣтилъ ему Мэргэ. Но уродъ продолжалъ ругаться.

— Я позову своего отца,—сказалъ онъ наконецъ, и скрылся въ дырѣ.

Вскорѣ послѣ этого вылѣзъ изъ дыры человѣкъ трехсаженнаго роста. Онъ тоже сталъ кричать на Мэргэ и ругать его.

— Я брошу тебя въ рѣку на съѣденіе моимъ бурханамъ, — со злостью сказалъ онъ Мэргэ и кинулся на него. Но Мэргэ приготовился къ нападенію и сталъ защищаться. Закинула у нихъ драка.

Долго Мэргэ не могъ одолѣть трехсаженнаго богатыря, но наконецъ выбралъ удачный моментъ и столкнулъ его съ утеса въ рѣку: богатырь упалъ и утонулъ, а Мэргэ сѣлъ на камень отдохнуть и закурилъ свою трубку. Вдругъ вода въ рѣкѣ высоко поднялась съ шумомъ къ верху и изъ брызгъ показалась старуха.

— Спасибо тебѣ, молодецъ, — сказала она: покормилъ ты меня. Давно я собиралась его съѣсть, но никакъ не могла этого сдѣлать. Это былъ страшный людоѣдъ. Я никогда тебя не забуду, и гдѣ бы ты ни былъ, я всегда буду помогать тебѣ.

Старуха опустила въ воду, а Мэргэ, выкуривъ трубку, пошелъ дальше. Идетъ онъ, смотритъ, гдѣ-бы почевать, и видитъ, что на горѣ катается баба. Подошелъ онъ къ ней—она предлагаетъ ему скатиться съ горы.

— Скатись сначала ты, — отвѣчаетъ ей Мэргэ.

Баба скатилась, взошла на гору и снова предлагаетъ ему скатиться. Согласился Мэргэ и скатился, какъ показала ему баба. Только взошелъ онъ на гору, а баба снова проситъ его скатиться. Но, только что онъ сѣлъ, какъ она начала его связывать веревками. Веревки становились все толще и толще, а баба схватила большой каменный молотъ и давай бить имъ Мэргэ по головѣ. Рванулся Мэргэ изъ всей силы и разорвалъ веревки.

— Зачѣмъ ты меня бьешь?—спросилъ Мэргэ бабу.

— Ты убилъ моего отца, — отвѣчаетъ она ему: но я больше не буду тебя бить. Пойдемъ ко мнѣ въ юрту.

Пошелъ Мэргэ съ бабою въ юрту. Баба быстро сварила ужинъ, накормила Мэргэ и оба они легли спать. Но не уснѣлъ Мэргэ лечь на постель, какъ на него напалъ крѣпкій сонъ, и онъ уснулъ и спалъ очень долго. Когда-же проснулся, то слышитъ, что вся юрта скрипитъ. Осмотрѣлся онъ и замѣтилъ, что бабы въ юртѣ нѣтъ. Зажегъ огонь и сталъ открывать дверь, но какъ онъ ни толкалъ, дверь не двигалась. Вдругъ онъ слышитъ голосъ своей сестры-коршуна.

— Плохо ты сдѣлалъ, братъ, что послушался злой вѣдьмы. Вѣдьма начертила на скалѣ юрту,—стала у нея настоящая юрта; посадила она тебя туда, а сама ушла. Юрта каменѣетъ, и ты скоро очутишься внутри скалы. Я попробую сейчасъ сломать юрту и ударюсь объ нее изъ всей силы“.

Ударилась она объ юрту изъ всей силы, но не могла расколоть каменной стѣны.

— Я полечу на небо: тамъ у меня есть знакомый могучій шаманъ; попрошу я его помочь нашей бѣдѣ, — сказала сестра-коршунъ и улетѣла.

Долго ждалъ Мэргэ своей сестры-коршуна. Наконецъ прилетѣли оба: она и тотъ шаманъ, за которымъ она летала на небо. Ударился шаманъ о каменную стѣну—раскололась стѣна. Мэргэ вылѣзъ чрезъ трещину и сталъ благодарить шамана.

— Плохо, что ты самъ не шаманъ, — говоритъ сестра-коршунъ: ты не знаешь, гдѣ надо останавливаться. Надо научить тебя шаманству. Иди вверхъ по рѣкѣ, увидишь омутъ — прыгай въ него: тамъ живетъ великая шаманка. Дойди до ея юрты—поклонись; войди въ юрту—опять поклонись; подойди къ ея нарамъ—еще поклонись и проси. Пока она не скажетъ: „вставай“, ты не поднимайся съ котла.

Пошелъ Мэргэ вверхъ по рѣкѣ, какъ указала ему сестра-коршунъ. Долго онъ шелъ и наконецъ видитъ на рѣкѣ омутъ. Прыгнувъ въ него и увидаль на днѣ рѣки подъ водою большую юрту. Подошелъ онъ къ юртѣ, поклонился до земли; вошелъ въ юрту, опять поклонился до земли; подошелъ къ нарамъ, на которыхъ сидѣла шаманка, и еще разъ поклонился до земли.

— Кто ты такой, и кто тебя послалъ ко мнѣ?—спросила его шаманка.

— Я сирота; отца моего убили злые люди, а послала меня къ тебѣ моя сестра-коршунъ,—отвѣтилъ ей Мэргэ.

— Вставай, удалой молодецъ. Знаю я, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ.

Позвала шаманка девять человѣкъ, своихъ помощниковъ, и заставила ихъ кипятить большой котелъ. Сама же взяла большой ножъ и стала рубить руки и ноги Мэргэ. Разрубила она его на части и побросала все въ котелъ. Девять своихъ помощниковъ шаманка заставила дуть изъ девяти мѣховъ. Когда вскипѣлъ котелъ, шаманка громко крикнула: „га!“ и въ это время изъ котла вышелъ Мэргэ—ростомъ выше прежняго и силою больше прежняго. Подала ему шаманка бubenъ и говоритъ:

— Ты теперь сталъ великимъ шаманомъ, даже сильнѣе меня: можешь летать и на небо и за небо. Но сначала будь остороженъ. Встрѣтится тебѣ женщина, дастъ трубку, но ты не кури, а сломай и брось; дастъ тебѣ ѣды—ты не ѣшь, а все разбей и брось.

Пошелъ Мэргэ, куда указала ему шаманка. Долго онъ шелъ и видитъ наконецъ, что на самомъ берегу стоитъ юрта. Зашелъ онъ туда и видитъ, что въ юртѣ только одна женщина. Сѣлъ онъ около нея. Она вытащила откуда-то трубку и подаетъ ему. Вспомнилъ Мэргэ, что наказывала ему шаманка, схватилъ эту трубку, сломалъ и бросилъ на полъ,—изъ трубки образовалась змѣя и съ шипѣніемъ поползла изъ юрты. Тогда онъ схватилъ и сломалъ столикъ и все, что поставила на него женщина, и все это бросилъ на полъ,—вмѣсто стола и разныхъ кушаній по полу поползли черепахи, ящерицы и змѣи.

— Не бей меня, — стала просить его женщина: я сварю тебѣ хорошей ѣды.

Онъ сталъ слѣдить за ея работой. Скоро женщина приготовила хорошій ужинъ. Наѣлся Мэргэ и легъ спать. Вдругъ слышитъ онъ

ночью около юрты два голоса. Одинъ говоритъ: „Иди ты впередъ“; другой говоритъ: „Нѣтъ, ты иди“.

Мэргэ приготовился защищаться, но притворился спящимъ. Заходятъ въ юрту старикъ и та самая женщина, которая вечеромъ кормила его ужиномъ.

— Гдѣ онъ лежитъ? — спрашиваетъ старикъ. Женщина указала ему. Старикъ подошелъ къ постели, на которой лежалъ Мэргэ, и замахнулся большимъ топоромъ, но Мэргэ ловко увернулся.

— Какая досада,—проворчалъ старикъ.

Мэргэ тѣмъ временемъ схватилъ его и бросилъ; старикъ ударился о землю и поднялся молодымъ богатыремъ. Долго дрался съ нимъ Мэргэ, но не могъ одолѣть его. Утромъ богатырь дерется въ видѣ молодого человѣка, въ полдень становится мужчиной среднихъ лѣтъ, а вечеромъ превращается въ старика.

Прилетѣла сестра-коршунъ и говоритъ: „Хоть годъ дерись, не убить его. Не могла я пайти его „эргэни“ и не знаю, въ чемъ она находится—въ яйцѣ ли, въ чемъ ли другомъ. Попробуй, толкни его на колоду, гдѣ находятся наши бурханы; ударь его хорошенько объ нее, можетъ быть убьешь“. Послушался Мэргэ своей сестры-коршуна и изо всей силы толкнулъ старика на колоду. Упалъ богатырь и расшибся на смерть, а изъ подъ колоды вылѣзла старуха-людоѣдка, та самая, которую Мэргэ видѣлъ въ водѣ, и говоритъ: „Спасибо тебѣ, могучій богатырь, ты опять угостилъ меня человѣческимъ мясомъ. Иди дальше, я вездѣ буду около тебя“.

Пошелъ Мэргэ дальше. Шелъ, шелъ онъ и видитъ юрту и слышитъ, что въ ней шаманятъ. Подошелъ Мэргэ къ юртѣ и узналъ, что здѣсь живетъ братъ убійцы его отца, и что шаманятъ для того, чтобы узнать, гдѣ онъ (Мэргэ) находится. Но никто не можетъ точно узнать. Тогда дали бубень бабѣ, и она скоро узнала, что Мэргэ недалеко и скоро будетъ въ юртѣ, но ей не повѣрили. Тогда Мэргэ ударилъ себя пальцемъ по лбу и сдѣлался старикомъ. Вошелъ онъ въ юрту и сѣлъ. Стали его потчевать, но баба скоро узнала его и закричала. Хозяинъ юрты бросился на Мэргэ, и завязалась у нихъ драка. Но Мэргэ скоро убилъ его.

Пошелъ Мэргэ той же дорогой. Долго шелъ онъ и наконецъ видитъ юрту. Онъ сразу узналъ, что здѣсь живетъ убійца его отца, и сталъ осторожно подходить къ юртѣ. Видитъ, что сидитъ на берегу старуха и чиститъ рыбу. Подошелъ онъ къ ней и ударилъ ее палкой. Заплакала старуха и сквозь слезы говоритъ: „Всѣ меня бьютъ. Никто за меня не заступится; были у меня два сына и дочь, но гдѣ они, живы ли, мертвы ли — не знаю“.

Тутъ только догадался Мэргэ, что это—его мать. Онъ утѣшилъ старуху и пошелъ въ юрту. Въ юртѣ было много народу: сто шамановъ и сто богатырей,—все это были родственники убійцы. Всѣ они

уже давно готовились выступить въ бой съ Мэргэ и давно его ждали. Мэргэ зашелъ въ юрту, но ему ничего не сказали. Тогда онъ подходитъ къ самому хозяину и самъ вступаетъ съ нимъ въ драку. Сейчасъ же за хозяина вступились сто шамановъ и сто богатырей, но Мэргэ не испугался. Онъ то обращался въ коршуна, то въ медвѣдя, то въ тигра и быстро истреблялъ своихъ враговъ. Наконецъ, прилетѣла его сестра-коршунъ и говоритъ: „Вотъ я притащила „эргэни“ нашего врага. Долго я ее искала и нашла въ желудкѣ морской рыбы. Лови!“

Мэргэ поймалъ яйцо, которое бросила ему сестра-коршунъ, размахнулся и ударилъ имъ убійцу своего отца. Тотъ упалъ мертвымъ. Тогда Мэргэ спросилъ свою мать, гдѣ находится гробъ отца. Она сказала, что гробъ находится въ морѣ и придавленъ на днѣ тяжелыми камнями. Мэргэ началъ шаманить, и бурханы его вытащили гробъ изъ моря. Долго онъ шаманилъ и наконецъ его мертвый отецъ ожилъ и заговорилъ.

Послѣ этого Мэргэ собралъ все имущество въ юртѣ убійцы своего отца, взялъ всѣхъ женъ его и отправился домой той же дорогой, какой шелъ въ передній путь. По пути онъ заходилъ во всѣ юрты, въ которыхъ раньше останавливался, и забиралъ съ собой все имущество и всѣхъ женщинъ. Такъ, наконецъ, возвратился онъ въ свою юрту и сталъ здѣсь жить счастливо и богато.

Со словъ Баря, въ стойбищѣ противъ поселка Верхне-Михайловскаго, на р. Уссури.

Жилъ молодой гольдъ одинъ въ лѣсу; ходилъ онъ на охоту, билъ всякаго звѣря, но людей никогда не видалъ. Приходитъ однажды къ нему сѣдой старикъ и говоритъ:

— Мэргэ! Что ты живешь одинъ въ глухомъ лѣсу? Иди къ людямъ, посмотри, какъ они живутъ, возьми себѣ жену и живи такъ, какъ слѣдуетъ гольду.

Захотѣлось Мэргэ посмотреть людей и говоритъ онъ старику:

— Возьми меня съ собой, и пойдемъ вмѣстѣ къ людямъ.

Согласился старикъ, и пошли они съ Мэргэ вмѣстѣ. Шли, шли они и видятъ, что на рѣкѣ утки плаваютъ. Обрадовался Мэргэ и говоритъ: „Надо застрѣлить штуки двѣ—три“.

— Это не простыя утки, — остановилъ его старикъ: „это—сеоны (бурханы); ихъ рѣдко кто видитъ; нѣкоторымъ во всю свою жизнь ни разу не удается увидѣть ихъ“.

Но охотникъ не утерпѣлъ и пустилъ стрѣлу. Однако онъ очень удивился, что стрѣла его пролетѣла надъ спиною утки. Разсердился Мэргэ; никогда онъ не промахивался, и стыдно ему стало посторонняго человѣка. Нацѣлился онъ и еще разъ выстрѣлилъ, но и на этотъ разъ не попалъ: стрѣла пролетѣла подъ брюхомъ утки.

— Никогда этого со мною не случалось, — съ досадою сказалъ Мэргэ.

— Какъ ты смѣешь меня стрѣлять?—заговорила одна утка по-человѣчески: За то, что ты хотѣлъ меня убить, я буду тебя долго мучить.

И бурханъ-утка напустилъ на Мэргэ сумасшествіе. Побѣждалъ сумасшедшій Мэргэ по берегу и набрасывался и убивалъ всѣхъ, кто попадалъ ему на пути. Много перебилъ онъ народу. Наконецъ встрѣтился ему на дорогѣ тотъ самый сѣдой старикъ, съ которымъ они вмѣстѣ вышли изъ дому.

— Если останется онъ сумасшедшимъ, то погубить зря много народу,—подумалъ старикъ: Надо его вылѣчить.

Забѣжалъ онъ впередъ и, когда сумасшедшій Мэргэ кинулся на него, ударилъ его большимъ ножомъ по головѣ. Кожа на Мэргэ лопнула на двѣ части,—одна половина ушла въ землю, другая улетѣла на небо, а самъ Мэргэ сталъ здоровымъ, какъ прежде. Упалъ Мэргэ передъ старикомъ на колѣни и сталъ благодарить его, но старикъ поднялъ его съ колѣней и говорить:

— Я хочу сдѣлать тебя шаманомъ,—пойдемъ въ мою юрту.

Пошли они въ старикову юрту. Старикъ развелъ большой огонь, вскипятилъ котелъ, разрубилъ Мэргэ на части, побросалъ все въ котелъ и сталъ варить. Пока-же Мэргэ кипѣлъ въ котлѣ, старикъ разогрѣлъ свой бубенъ и сталъ пѣть и плясать. Наконецъ онъ громко крикнулъ: „га!“—и Мэргэ вышелъ изъ котла здоровымъ и невредимымъ.

— Теперь ты могучій шаманъ,—обратился старикъ къ Мэргэ: Можешь летать птицей и обращаться во всякаго звѣря.

Пошелъ Мэргэ отъ старика. Долго онъ шелъ и вдругъ видитъ предъ собою безобразнаго ушастаго урода.

— Ты убилъ моего брата,—сердито заговорилъ уродъ.

— Я въ этомъ не виноватъ,—отвѣтилъ ему Мэргэ: Я тогда былъ сумасшедшимъ.

Но уродъ продолжалъ ругаться. Тогда Мэргэ схватился за свою гиду и завязалась у нихъ драка. Не долго дрались; скоро Мэргэ уронилъ урода на землю и убилъ его.

Пошелъ Мэргэ дальше. Но не прошелъ онъ и полдня, какъ увидалъ юрту. Зашелъ онъ въ нее и видитъ, что здѣсь живетъ сильный шаманъ, братъ убитаго урода.

— Ты убилъ моихъ двухъ братьевъ и поэтому, самому тебѣ не быть живому,—сказалъ хозяинъ юрты.

Завязалась у нихъ драка. Долго дрались два могучихъ шамана, но ни тотъ, ни другой не осиливалъ. Вдругъ прилетѣлъ коршунъ и по-человѣчески заговорилъ:

— Мэргэ! Тебѣ не убить врага, если ты не одѣнешь рубахи изъ кожи лося.

— Гдѣ мнѣ достать такую рубаху?

— Я сейчасъ принесу ее тебѣ,—сказалъ коршунъ и улетѣлъ.

Скоро онъ прилетѣлъ снова и бросилъ Мэргѣ рубаху. Мэргѣ быстро одѣлъ ее и почувствовалъ себя въ десять разъ сильнѣе. Ударилъ онъ изо всей силы своего противника и убилъ его.

Отдохнувъ немного Мэргѣ, выкурилъ трубку и отправился дальше. Долго шелъ онъ и вдругъ видитъ, что ему на дорогу выбѣжалъ ежъ. Мэргѣ хотѣлъ было убить его, но ежъ по-человѣчески заговорилъ:

— Не бей меня, а выслушай!

— Что ты хочешь сказать?

— Скоро ты подойдешь къ юртѣ, гдѣ живетъ твой дядя,—будь къ нему почтительнѣе.

— Почему ты бѣгаешь ежомъ, а не ходишь человѣкомъ?

— Меня хотѣлъ украсть безобразный уродъ и жениться на мнѣ, но я убѣжала въ лѣсъ и стала ежомъ.

Пошелъ Мэргѣ, какъ указалъ ему ежъ-дѣвица. Скоро онъ увидалъ юрту. Вошелъ онъ въ юрту и поклонился дядѣ до земли.

— Кто ты такой?—спросилъ его дядя.

— Я твой племянникъ; жилъ въ лѣсу и теперь иду къ людямъ.

Обрадовался дядя своему племяннику. Сталъ онъ его расспрашивать, какъ онъ жилъ. Мэргѣ рассказалъ ему обо всемъ, какъ было.

— Куда ты теперь пойдешь,—спрашиваетъ дядя племянника: дальше или вернешься домой?

— Я пойду дальше.

— И я пойду съ тобой.

— Нѣтъ, я пойду одинъ,—сказалъ Мэргѣ.

Пошелъ Мэргѣ такъ же, какъ шелъ раньше. Шелъ онъ много дней и наконецъ видитъ юрту. Зашелъ онъ туда. Сидитъ тамъ молодая дѣвушка. Быстро она сварила ему ужинъ. Вмѣстѣ поѣли они и легли спать. Ночью просыпается Мэргѣ и слышитъ, что кто-то крадется къ его постели. Онъ схватилъ свою гиду и закололъ ею того, кто крался. Когда же онъ зажегъ огонь, то увидѣлъ, что закололъ трехсажепнаго богатыря. Дѣвушки не было; вмѣсто нея была безобразная старуха. Она стала на колѣни передъ Мэргѣ и сказала:

— Не убивай меня; я не буду дѣлать тебѣ ничего худого, вездѣ буду за тобою и буду во всемъ помогать тебѣ.

Мэргѣ не сталъ убивать ее. Легъ спать и проспалъ до утра. Утромъ Мэргѣ увидалъ въ юртѣ вмѣсто безобразной старухи опять молодую дѣвушку, ту же самую, что видѣлъ вчера вечеромъ.

— Откуда ты пришла, и куда дѣвалась безобразная старуха, которую я видѣлъ ночью?—спросилъ Мэргѣ дѣвушку.

— Днемъ я бываю молодою, а ночью дѣлаюсь старою.

— Почему ты такъ мѣняешься?

— Мой бурханъ помогаетъ мнѣ въ этомъ,

Оставилъ Мэргѣ женщину въ юртѣ, а самъ пошелъ дальше. Прошелъ онъ не мало дней и наконецъ дошелъ до большого стойбища. Здѣсь идутъ большія поминки; шамапъ поетъ, и идетъ угощеніе водкою.

Живая Старина, 1916 г. Прилож. № 6.

Поминки справляются по умершемъ гольдѣ, у котораго осталась молодая жена. Очень понравилась вдова Мэргэ, и онъ захотѣлъ жениться на ней, но всѣ родственники были противъ этого. Долго уговаривалъ Мэргэ ихъ, но такъ какъ они все-таки не хотѣли выдать за него женщину, то онъ вступилъ съ ними въ бой. Хотя много было противниковъ у Мэргэ, но онъ скоро перебилъ ихъ почти всѣхъ, а потомъ взялъ вдову, всѣхъ работниковъ и поплылъ по рѣкѣ.

Остановился Мэргэ около берега и черезъ нѣкоторое время видить, что ихъ лодку догоняетъ большой баркасъ. Мэргэ сталъ кричать, чтобъ плывущіе остановились, но хозяинъ этого баркаса не захотѣлъ остановиться. Тогда Мэргэ подѣхалъ къ нему въ своей лодкѣ, и у нихъ завязалась схватка. Скоро Мэргэ убилъ хозяина, а его баркасъ, гдѣ были жена его и няка (рабы) взялъ съ собой.

Плылъ Мэргэ нѣкоторое время и захотѣлъ остановиться, чтобы сварить ѣду. Вышелъ онъ на берегъ и пошелъ въ гору. Скоро увидалъ онъ въ лѣсу небольшую юрту, и навстрѣчу ему выбѣжалъ старикъ. Онъ сталъ ругать Мэргэ и грозился убить его. Завязалась у нихъ драка. Но никакъ Мэргэ не могъ убить старика. Если онъ отрубить ему руку, то она снова прирастала къ туловищу; то же происходило и съ ногами и даже съ головой. Но потомъ Мэргэ догадался, какъ убить страшнаго богатыря: онъ перерубилъ его пополамъ и, не давъ половинамъ срастись, толкнулъ одну половину въ воду, а другую подбросилъ кверху. Упавшая въ воду утонула, а упавшая сверху до смерти зашиблась о землю. Но сейчасъ же изъ юрты выскочилъ молодой парень и закричалъ: „Если убилъ отца, такъ убей и сына“. Опять сталъ сражаться Мэргэ. Силень былъ молодой богатырь, стариковъ сыпъ, и долго длилась у нихъ битва. Но въ концѣ концовъ Мэргэ убилъ и этого богатыря.

Поплылъ Мэргэ дальше. Долго онъ плылъ, не встрѣчая никого, но наконецъ подѣхали они къ богатой юртѣ. Здѣсь было много народу. Всѣ были въ нарядныхъ одеждахъ и пьяны. Хозяинъ юрты собралъ лучшихъ стрѣлковъ и обѣщалъ выдать свою дочь за того, чья стрѣла пролетитъ черезъ ушки девяти иглокъ, поставленныхъ одна за другою. Никто изъ стрѣлковъ не могъ этого сдѣлать. Нѣкоторые не попадали вовсе, а нѣкоторые прострѣливали лишь черезъ ушко одной или двухъ иглокъ.

Натянулъ Мэргэ свой лукъ и спустилъ стрѣлу. Съ визгомъ пролетѣла стрѣла черезъ ушки всѣхъ девяти, не задѣвъ ни за одно. Взялъ Мэргэ дочь хозяина юрты и поѣхалъ обратно. Дорогой онъ заѣзжалъ на тѣ же самыя мѣста, гдѣ останавливался раньше и забиралъ съ собою всѣхъ женщинъ, на которыхъ онъ женился, а также всѣхъ ихъ рабовъ (няка) и все имущество. Доѣхалъ онъ до дому и зажилъ счастливо и богато.

Записалъ Ив. Лопатинъ.

Нѣсколько указаній для собиранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

1) Записать мѣстное названіе игры, сохраняя по возможности произношеніе, хотя бы это и противорѣчило правиламъ русскаго правописанія. Названіе должно быть обязательно мѣстное, если оно имѣется, а не то, которое существуетъ въ литературѣ по вопросу о дѣтскихъ играхъ. Если игра имѣетъ нѣсколько названій, то слѣдуетъ привести ихъ всѣ.

2) Возрастъ участниковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ игрѣ принимаютъ участіе дѣти различныхъ возрастовъ, слѣдуетъ указать предѣлы.

3) Полъ. Замѣчается ли вообще группировка дѣтей по полу. Въ играхъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и дѣвочки и мальчики, слѣдуетъ отмѣчать положеніе играющихъ, въ зависимости отъ пола и ихъ роли въ игрѣ, если таковыя отличаются.

4) Записать число участниковъ, если оно ограничено условіями игры.

5) Время. И на игры есть сезонъ, который часто зависитъ отъ религіозныхъ воззрѣній, существующихъ и существовавшихъ, а не отъ времени года. Для примѣра можно назвать катаніе яицъ, происходящее на пасхальной недѣлѣ, игры подѣ Ивана Купала, Кострому (смотри приложение первое) и т. д. Послѣднія двѣ носятъ на себѣ отпечатокъ прежнихъ религіозныхъ воззрѣній.

6) Мѣсто игры. Для игръ, имѣющихъ религіозное значеніе или носящихъ слѣды прежнихъ вѣрованій, часто выбираютъ особое мѣсто за деревней, въ лѣсу и т. д., а потому слѣдуетъ обозначать и описывать мѣсто игры.

7) Описаніе игры и всего, что употребляется въ ней, а также чертежи, фотографіи и т. д. Фотографировать слѣдуетъ приспособленія для игры, если эти приспособленія неудобно переслать, и участниковъ игры въ отдѣльныхъ моментахъ, наиболѣе характерныхъ для данной игры.

8) Кто и когда научилъ игрѣ. Игры часто бываютъ не мѣстнаго происхожденія, а заносятся (благодаря школамъ, пришлому элементу) со стороны.

9) Способъ выбора вожака. Способовъ, которыми дѣти определяютъ, кому изъ нихъ начинать игру, быть водящимъ, очень много; но самымъ интереснымъ мнѣ кажется „Конаніе“ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называется „Счетомъ“, „Вѣданіемъ“, „Шаланданіемъ“ и т. д.). „Конаніе“ состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ участниковъ произноситъ дѣтское произведеніе стихотворной формы, при чемъ послѣ каждаго слова слегка ударяетъ дѣтей поочередно. Счетъ продолжается до тѣхъ поръ, пока останется одинъ, который и считается водящимъ. Иногда водящимъ считаютъ вышедшаго первымъ.

Образцы Счета должны записываться самими дѣтьми, ибо это дастъ возможность познакомиться съ произношеніемъ въ данной мѣстности. Ошибокъ не исправляйте, а присылайте подлинныя записи со своими объясненіями. Но будетъ хорошо, если вы и сами запишете сказанное дѣтьми, но только фонетически.

10) Играютъ ли взрослые въ дѣтскую игру и наоборотъ.

11) Если игра съ пѣснями, то и ихъ слѣдуетъ записать. Запись вѣдалокъ и пѣсенъ должна производиться самими дѣтьми и вами безъ соблюденія правилъ правописанія. Лучше записывать отъ неграмотныхъ, ибо у нихъ ярче сохраняется произношеніе.

12) Районъ распространенія игры, если его можно установить. Бываютъ случаи, и частые, когда та или другая игра является достояніемъ только данной деревни и не распространяется на сосѣднія. Особенно это замѣтно тамъ, гдѣ соприкасаются различныя народности.

Такъ какъ игры тѣсно связаны съ игрушками и наоборотъ, то слѣдуетъ собирать и игрушки. При собираніи игрушекъ необходимо отмѣчать слѣдующее:

1) Мѣстное названіе игрушки.

2) Кто сдѣлалъ: имя, фамилія, лѣта, грамотный или нѣтъ; если грамотный, то гдѣ и сколько времени обучался; какой губерніи, уѣзда, волости, деревни. (Такія же свѣдѣнія нужно записывать и о сообщившемъ игру).

3) При какихъ играхъ употребляется данная игрушка.

Слѣдуетъ собирать игрушки, сдѣланныя самими дѣтьми, хотя бы онѣ и казались грубыми и некрасивыми.

Кострома.

Мною записаны три варианта этой игры въ Рождественской волости, Курскаго уѣзда и губерніи, въ трехъ деревняхъ (дд. Пузановка, Богдановка и Сорочинъ верхъ), отстоящихъ недалеко (до 3-хъ верстъ) одна отъ другой. Играютъ дѣти въ возрастѣ отъ 7 до 12—13 лѣтъ. Въ деревнѣ Богдановкѣ и Пузановкѣ мальчики въ Кострому не играютъ, а если играютъ, то очень рѣдко. Никто изъ нихъ не зналъ, какъ нужно играть въ Кострому, и, чтобы продемонстрировать ее, пришлось пригласить дѣвочекъ. Въ дер. Сорочинъ верхъ играютъ и мальчики. Костромой и кумой (бабка, мать Костромы) мальчиковъ не выбираютъ. Число играющихъ не ограничивается.

Играютъ весной, лѣтомъ и осенью, если достаточно тепло, такъ какъ по значительности числа участниковъ играть въ закрытомъ помѣщеніи нельзя. Мѣстомъ игры обычно служитъ лужайка за деревней. Кто занесъ игру—выяснить не удалось, такъ какъ она, повидимому, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Кума и Кострома выбираютъ соглашеніемъ. Взрослые не играютъ въ Кострому. Игра состоитъ въ слѣдующемъ: Дѣти окружаютъ несомкнутымъ кольцомъ куму (бабка, мать Костромы), сидящую на землѣ, и Кострому, лежащую у кумы на колѣняхъ.

Такъ располагаются дѣти д. Сорочинъ верхъ. Въ деревнѣ же Пузановкѣ дѣти располагаются сомкнутымъ кольцомъ, а Кострома и Кума стоятъ на колѣняхъ одна противъ другой.

Въ деревнѣ Богдановкѣ ($\frac{1}{4}$ вер. отъ Пузановки) Кострома въ началѣ игры не бываетъ въ кругѣ. Она входитъ въ кругъ только послѣ перваго (см. ниже) отвѣта кумы и ложится къ ней на колѣни. Расположившись, какъ указано выше, дѣти ходятъ кругомъ, взявшись за руки, и поютъ:

„Кастромушка, ты моя Кастромушка,
Три года балѣла,
На четвертый акалѣла,
А на пятый састарилась,
Никаму не понравилась“.

По окончаніи пѣсни дѣти спрашиваютъ у кумы (бабки):

— „Жива Кастрама?“

Кума даетъ цѣлый рядъ отвѣтовъ, и послѣ каждаго отвѣта дѣти начинаютъ ходить и пѣть: „Кастромушка, ты моя Кастромушка“ и т. д. и задаютъ предыдущій вопросъ (жива Кастрама?).

Вотъ отвѣты кумы:

- 1) „Ногу накалола“.
- 2) „На печи супъ ѣсть“.
- 3) „Умерла“.
- 4) „Купаютъ“.
- 5) „У горать паѣхали за чулочками“.
- 6) „У гробъ палажили“.
- 7) „Паѣхали за папомъ“.
- 8) „Службу служить“ (настоящее время).

Среди дѣтей раздаются голоса: „харанить надыть“, послѣ чего Кострому несутъ хоронить куда-либо неподалеку. Похоронивъ (положивъ на землю), кума хлопаетъ каждого по плечу и говоритъ: „Абѣ-дать иди“.

Пока кума перезоветъ всѣхъ, Кострома оживаетъ и начинаетъ ловить участниковъ игры.

Въ деревняхъ Богдановкѣ и Пузановкѣ послѣ похоронъ Костромы дѣти „голосятъ“, но что произносятся—мнѣ не удалось записать.

Ален. Мѣлковъ.

Посылки вѣсомъ не болѣе 1 пуда и закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя Русскаго Географическаго Общества, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ. (Собраніе Указаній и распоряженій Правительства, 9 Іюня 1906 г. № 138. Отдѣлъ первый).

Содержаніе № 6: П. Богатыревъ. Нѣсколько легендъ Шенкурскаго у. Архангельской губ.—Трофимъ Мендіяровъ. Мелкія замѣтки о черемисахъ.—А. Бурдуновъ. Роды у байтовъ. (Обычаи и знахарство во время родовъ).—В. Посниковъ. Секта „кугусартъ“.—Ив. Лопатинъ. Гольдскія сказки.—Ален. Мѣлковъ. Нѣсколько указаній для собиранія дѣтскихъ народныхъ игръ.

Настоящій нумеръ „Приложенія“ печатался подъ наблюденіемъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Р. Г. О-ва С. Ѳ. Ольденбурга и Секретаря Отдѣленія Э. К. Пекарскаго, при ближайшемъ участіи М. К. Азадовскаго и В. М. Іонова, и выпущенъ въ свѣтъ въ іюлѣ 1917 г.

Журналъ

засѣданія Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О.

20 мая 1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ Членовъ и Членовъ-сотрудниковъ: В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, Н. А. Виташевского, И. П. Мурзина, С. И. Руденко и А. Д. Рудневъ, а также стороннихъ посѣтителей, при Секретарѣ Э. К. Пекарскомъ.

1. Прочитаны и утверждены журналы предыдущихъ Засѣданій: 1 и 22 апрѣля и 13 мая с. г.

2. *Доложена* благодарность, полученная отъ проф. Н. Θ. Сумцова за присужденіе ему большой золотой медали по Отдѣленію Этнографіи, съ приложеніемъ отписковъ его трудовъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и благодарить проф. Сумцова за присланные отписки.

3. *Доложенъ* списокъ книгъ и изданій, поступившихъ въ бібліотеку Этнографическаго отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III.

Должено о выходѣ въ свѣтъ IV выпуска „Живой Старины“ за 1915 г.

5. *Должено* о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи и въ редакцію „Живой Старины“ изданійхъ:

1) Пегасъ. Журналъ искусствъ. № 4. Апрѣль. 1916.

2) Русскій Экскурсантъ. Журналъ родниовѣдѣнія и экскурсіоннаго дѣла. 1916, № 3-й.

3) Русское Библиологич. Общество. Доклады и отчеты (Новая Серія). Вып. III. 1913—1914 гг. Петр. 1915.

4) Библиологическій Сборникъ. Т. I, вып. 3 и 4 и т. II, вып. I. Петр. 1916.

5) Вечеръ народной русской пѣсни, устраиваемый Народно-Пѣвческимъ Отдѣленіемъ Общества „Здоровье и Просвѣщеніе“. Въ Военномъ Собраніи. Вѣрный. 1916.

6) Э. К. Пекарскій. Краткій русско-якутскій словарь. 2-ое изданіе, испр. и дополн. Съ предисловіемъ прив.-доцента А. Н. Самойловича. Петр. 1916.

6. *Должено* о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи и въ редакцію „Живой Старины“ рукописяхъ:

1) Б. Барадійнъ. Изъ устной „дамской“ литературы бурятъ. Изъ быта тибетцевъ, тангутовъ и монголовъ. Переводъ съ бурятскаго.

2) И. В. Костоловскій. „Весеннія повѣрія изъ Рыбинскаго уѣзда“ и „Частушки“.

3) В. Мансикка. Изъ финской этнографической литературы.

4) М. М. Вукичевичъ. П. А. Ровинскій и сербы.

5) А. Д. Рудневъ. Заслуги П. А. Ровинскаго передъ востоковѣдѣніемъ.

7. Согласно предложенію нѣкоторыхъ членовъ Отдѣленія Этнографіи, *постановлено* просить А. А. Шахматова дать для „Живой Старины“ статью объ извѣстной собирательницѣ и составительницѣ сборниковъ народныхъ пѣсенъ Зинаидѣ Θεодоровнѣ Радченко, скончавшейся 5-го марта сего года, а также просить С. И. Руденко переговорить о томъ же съ Э. К. Волковымъ.

8. Согласно предложенію Предсѣдательствующаго, *постановлено* просить бюро приложений къ „Живой Старинѣ“ представлять въ Отдѣленіе о всѣхъ ноступающихъ въ бюро рукописяхъ для доклада Редакціонной Комиссіи.

9. Предсѣдательствующій доложилъ Отдѣленію о результатахъ работъ комиссіи по вопросу объ учрежденіи при университетахъ кафедръ антропологии, этнографіи и исторіи культуры. Комиссія пришла къ заключенію о необходимости учрежденія кафедры антропологии при физико-математическомъ факультетѣ, съ тѣмъ, чтобы эта кафедра была самостоятельна отъ кафедры географіи на томъ же факультетѣ, и кафедры этнографіи при историко-филологическомъ факультетѣ. Вопросъ же объ учрежденіи особой кафедры исторіи культуры рѣшенъ отрицательно. Согласно постановленію комиссіи, члены ея Ѳ. К. Волковъ, Н. М. Могилянский и Л. Я. Штернбергъ представили свои записки по данному вопросу.

Постановлено: Принять заключеніе комиссіи, записки трехъ ея членовъ напечатать въ приложеніи къ настоящему журналу и представить заключеніе комиссіи и записки въ Совѣтъ, съ просьбою дать имъ дальнѣйшій ходъ.

10. *Доложены:* Просьбы Редакціонной Комиссіи: ходатайствовать предъ Совѣтомъ 1) о пожертвованіи въ бібліотеку этнограф. Музея Историко-филологич. Общества при П. Харьковскомъ Университетѣ недостающаго комплекта журнала „Живая Старина“ за 1904 г. и 2) о предоставленіи Русскому Библіологическому Обществу: а) „Библіографическаго указателя“ Д. К. Зеленина и б) „Указателя къ изданіямъ П. Р. Г. О.“

Постановлено: ходатайствовать предъ Совѣтомъ О—ва объ удовлетвореніи просьбъ Редакціонной Комиссіи.

11. *Доложены:* Просьбы: 1) Н. Н. Дурново о выдачѣ ему комплекта „Живой Старины“, 2) Савченко о выдачѣ II—IV вып. „Ж. Ст.“ за 1912 г. и, если возможно, обоихъ томовъ сказокъ Д. М. Зеленина.

Постановлено: ходатайствовать предъ Совѣтомъ О—ва о выдачѣ гг. Дурново и Савченко просимыхъ ими изданій.

12. *Доложена* просьба учителя Турдейскаго Земскаго Училища Н. И. Кудрявцева принять его въ число членовъ-сотрудниковъ, такъ какъ онъ „глубоко заинтересованъ дѣятельностью Общества и желаетъ доставлять постоянно Обществу нужныя ему свѣдѣнія“.

Постановлено: просить г. Кудрявцева прислать образцы своихъ трудовъ изъ области этнографіи, дабы Отдѣленіе могло судить о ихъ достоинствѣ.

13. Д. чл. С. Ѳ. Ольденбургъ и д. чл. Д. К. Зеленинъ предлагают избрать въ члены-сотрудники пр.-доц. И. Московскаго университета Николая Николаевича Дурново, специалиста по русской діалектологіи, члена Московской Діалектологической Комиссіи, одного изъ трехъ составителей изданной Географическимъ Обществомъ діалектологической карты.

Постановлено: избрать Н. Н. Дурново членомъ-сотрудникомъ Отдѣленія Этнографіи, о чемъ доложить Совѣту Общества.

Журналъ

засѣданія Отдѣленія Этнографіи Р. Г. О.

11 ноября 1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Помощника Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи А. А. Шахматова, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна, В. В. Бартольда, Б. Я. Владимірцова, В. Ф. Гетце, К. К. Гильзена, Н. П. Евстифѣева, Д. А. Золотарева, В. М. Іонова, В. И. Іохельсона, А. А. Макаренко, С. Е. Малова, Н. Н. Михайловскаго, А. А. Петерса, Б. Э. Петри, Р. Д. Семенова-Тянь-Шан-

скаго, К. П. Чабурина, П. Ф. Щербатскаго и стороннихъ посѣтителей, при Секретарѣ Э. К. Пекарскомъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

2. Секретарь Отдѣленія доложилъ о смерти д. чл. Н. Н. Лебедева, много работавшаго въ области родиновѣдѣнія въ естественно историческомъ, антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Покойный Н. Н., въ качествѣ подпоручика, погибъ 30 мая с. г. отъ германскихъ удушливыхъ газовъ, выполняя ответственное порученіе.

По предложенію Предсѣдательствующаго память Н. Н. Лебедева была почтена вставаніемъ.

3. Доложено о поступленіи отъ Библиотеки Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, полученныхъ Библиотекою въ апрѣль—сентябрь с. г.

4. Доложена просьба Александра Николаевича Красильникова о присылкѣ ему въ Выборгъ извѣщеній о публичныхъ сообщеніяхъ и докладахъ въ Этнографическомъ Отдѣленіи.

Постановлено: посылать.

5. Доложенъ отчетъ Д. А. Золотарева по командировкѣ въ Ярославскую губ. для антропометрическихъ изслѣдованій великорусскаго населенія.

Постановлено: передать Секретарю Общества.

6. Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе и редакцію „Живой Старины“ изданіяхъ:

1) Ученыя Записки Императ. Юрьевскаго Университета. 1915 г., № 12 и 1916 г., №№ 1—6. Юрьевъ.

2) Русскій Архивъ 1916, №№ 4, 5—0. Москва.

3) Political Science quarterly. Volume XXXI, June 6, 1916 (Number 2).

4) Труды Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края, вып. V. Крестьянская деревня въ первое время войны. Кострома. 1916.

5) Татары на Кавказѣ (по легендамъ кабардинцевъ). С. Фарфаровскаго.

6) Ученыя Записки Московскаго Университета. Отдѣлъ естественно-историческій. Вып. 39. М. 1916.

7) Этнографическое Обзорѣніе 1915, № 3—4 (кн. CVII—CVIII). М. 1916.

8) Вѣстникъ психологій, криминальной антропологій и педологій. 1916. Т. XII. Вып. II—III. II. 1916.

9) Труды Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 33-й 1916 г. Саратовъ. 1916.

10) В. Палимпсестовъ, свящ. Поѣздка на Тверскіе церковно-археологическіе курсы (съ 28 мая по 8 іюня 1912 г.). Саратовъ. 1916.

11) В. Ф. Невзоровъ. Происхожденіе обрядоваго алкоголизма. Опытъ въ области этнографіи и исторіи права. Пенза. 1916 г.

12) Волховской Листокъ отъ 15 октября 1904 г. № 338.

13) Журналъ „Спасаніе на водахъ“, сентябрь 1907 г. № 9.

14) „Угличанинъ“ 3 октября 1907 г. № 77.

15) „Рыбинскій Вѣстникъ“ 16 сентября 1910 г. № 208.

16) „Сѣверный Край“ 3 декабря 1910 г. № 1.

17) Рыбинская газета „Конѣйка“ 17 февраля и 23 мая 1912 г. №№ 45 и 133.

18) М. В. Муратовъ. Пѣсни Людей Божіихъ. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Этнографическое Обзорѣніе“ 1915 г., № 3—4 (кн. CVII—CVIII). Москва. 1916.

19) Вѣстникъ Рыбинской Виржи 1916, № 213.

20) Д. А. Золотаревъ. 1) Изъ исторіи родиновѣдѣнія. Памяти Н. Н. Лебедева. Отд. отт. изъ журнала „Русскій Экскурсантъ“ № 6, 1916 г. 2) Антропологическія данныя о великоруссахъ побережья рр. Сухоны и Сѣв. Двины. II. 1916. Отд. отт. изъ VI т. Ежегодника Р. Антропологич. О-ва при Петрогр. Университетѣ.

21) Русский Экскурсантъ 1916 г., № 6.

7. Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе и въ редакцію „Живой Старины“ рукописяхъ:

1) Е. Ромасъ. Будущая жизнь въ пониманіи ѳгивистовъ, какъ показатель ихъ социальнихъ идеаловъ.

2) И. Е. Евсенинъ. Къ этнографіи бурятъ. Программа этнографич. изслѣдованія аршановъ у бурятъ Иркутской губ.

3) Вл. Тростянской. Солдатскія пѣсни, записанныя въ г. Ельцѣ, Орловской губ.

4) И. В. Костоловскій. Повѣрья: 1) на безголовье, 2) о половомъ сношеніи, 3) объ убавкѣ удою у коровъ молока, 4) о характерѣ мужчинъ, 5) о домовомъ, 6) сердце сердцу вѣсть подаетъ, 7) о вещахъ послѣ умершаго, 8) на ночь голову не чешутъ.

5) В. И. Крутяковъ. Частушки Тамбовской губ., Спасскаго у., Слаимской вол., с. Слаимъ.

6) А. Піотровскій. Рецензія на томъ III Сборника Музея Антропологии и Этнографіи имени Императора Петра Великаго при Академіи Наукъ (II. 1916).

7) В. Соловьевъ. Изъ области этнографіи якутовъ. I. Варіантъ преданія о жизни Тыгына, якутскаго богатыря, до прихода русскихъ. II. Варіантъ преданія о Верхоянскомъ хребтѣ. III. Изъ рассказовъ о тунгусахъ. IV. Рассказъ о рыболовѣ-якутѣ. V. Изъ рассказовъ о медвѣдѣ. VI. Изъ повѣрій о плотоядныхъ птицахъ.

8) Гр. Дмитріевъ-Садовниковъ. Заморъ.

9) Свѣдѣнія о великорусскихъ народныхъ говорахъ въ уу. Бѣлозерскомъ, Кирилловскомъ, Боровичскомъ, Тихвинскомъ. Валдайскомъ, Череповецкомъ и Устюженскомъ — Новгородской губ. и въ Оханскомъ у. — Пермской губ. отъ разныхъ лицъ (преимущественно священниковъ и народныхъ учителей и учительницъ).

10) В. Эрницъ. „Эстонскій Национальный Музей“ въ г. Юрьевѣ (Лифляндской г.), съ приложеніемъ 21 открытаго письма съ видами даннаго музея.

11) І. Калининъ. Народныя примѣты (записано въ Мценскомъ уѣздѣ въ 1915 году).

12) А. Бурдуковъ. Роды у бантовъ (обычай и знахарство во время родовъ).

13) М. Муратовъ. Пѣсни, полученные отъ новозизраильтянъ.

8. Доложены слѣдующія постановленія Редакціонной Комиссіи: 1) удовлетворить просьбу Тотемскаго Отдѣла Вологодскаго Общества Изученія Сѣвернаго Края о высылкѣ комплекта „Живой Старины“ и дальнѣйшихъ выпусковъ въ порядкѣ обмена. 2) Посылать изданія Отдѣленія Этнографіи, какъ вновь выходящія, такъ и прежде вышедшія, въ Дашковскій Этнографическій Музей при Московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. 3) Въ виду значительнаго спроса на отдѣльные оттиски статей въ изданіяхъ Географич. Общества, въ особенности статей по этнографіи, увеличить число печатаемыхъ для продажи оттисковъ статей изъ „Живой Старины“ до ста экземпляровъ.

Постановлено: утвердить, о чемъ доложить Совѣту Общества.

9. Заслушанъ протоколъ засѣданія Правленія Туркестанскаго Отдѣла Р. Г. О., посвященный вопросу объ этнографическомъ и историко-географическомъ изученіи Туркестана.

10. Д. чл. Л. Я. Штернбергъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Идея избранничества въ шаманствѣ у гольдовъ“ по слѣдующей программѣ:

1) Идея избранничества—основная идея шаманства вообще. Идея избранничества и идея пріобрѣтенія духовъ-покровителей. Духи-покровители и духи-помощники шамана. — Избранничество родовое и избранничество индивидуальное. — Наслѣдственность и избранничество. — Мотивы избранничества.

2) Идея избранничества у гольдовъ. — Ясное дифференцированіе ду-

ховъ-покровителей (ајамі) и духовъ-помощниковъ. — Значеніе термина— ајамі.—Сексуальный мотивъ избранничества.

3) Свидѣтельства гольдскихъ шамановъ объ ихъ духахъ-покровителяхъ.

4) Сексуальные мотивы избранничества у другихъ сибирскихъ народовъ.

5) Ајамі у гольдскихъ божествъ и ученіе о Сакт въ Индіи.

6) Сексуальный мотивъ, какъ одинъ изъ общихъ мотивовъ религіознаго избранничества у первобытныхъ народовъ. (Были показаны діапозитивы).

По поводу сообщенія были слѣданы замѣчанія В. М. Іоновымъ, В. И. Гохельсономъ и А. А. Макаренко, которымъ докладчикъ давалъ съ своей стороны разъясненія.

В. И. Гохельсонъ указалъ на разницу между приведенными докладчикомъ сексуальными мотивами избранничества у шамановъ нѣкоторыхъ сибирскихъ народностей и аналогичными явленіями религіозной жизни культурныхъ народовъ древности. Такъ, жрицы, посвященныя вавилонскому Беду, ассирійскому Набу, египетскому Аммону или греческому Аполлону, принадлежали только своимъ божественнымъ супругамъ и должны были воздержаться отъ половыхъ сношеній со смертными. Въ приведенныхъ данныхъ о сибирскихъ шаманахъ послѣдніе имѣютъ также и земныхъ женъ, не возбуждая при этомъ ревности своихъ женъ-духовъ.

Всѣ факты, сообщенные Л. Я. относительно сексуальнаго элемента въ шаманскомъ избранничествѣ у гольдовъ, бурятъ и телеутовъ, высоко интересны и бросаютъ новый свѣтъ на взаимоотношенія шамановъ и ихъ духовъ. Вообще половая любовь играла видную роль во всѣхъ религіозныхъ культахъ. Но трудно все-таки сказать, насколько сексуальный элементъ оказывается въ шаманствѣ всеобщимъ явленіемъ, въ особенности такимъ преобладающимъ, какъ у гольдовъ. Такъ, одинъ якутскій шаманъ считалъ своимъ главнымъ духомъ-покровителемъ душу шамана-предка. Такое же объясненіе далъ В. И. одинъ тунгузскій шаманъ относительно человѣческой фигуры на его кафтанѣ. Въ этихъ двухъ случаяхъ сексуальный элементъ не имѣлъ мѣста. Дальнѣйшее изслѣдованіе этого вопроса является весьма желательнымъ.

В. М. Іоновъ прежде всего спросилъ докладчика, какіе именно духи — „добрые“ или „злые“, какъ принято ихъ называть, — избираютъ того или другого человѣка, предназначая его въ шаманы. Когда докладчикъ пояснилъ, что избираютъ духи благожелательные человѣку, В. М. Іоновъ указалъ, что у якутовъ существуютъ черные шаманы, данные духами, питающимися человѣческими душами, и шаманы, данные такъ называемыми „добрыми“ духами. И только первые шаманы могутъ совершать дѣйствія, ведущія къ исцѣленію, къ возвращенію души. Говорить здѣсь объ участіи духовъ, „благожелательныхъ“ человѣку, нельзя. Что касается сексуальнаго мотива, то, по мнѣнію В. М. Іонова, его можно принять какъ *одинъ* изъ мотивовъ. Такъ, напр., якуты строго-послѣдовательно провели родовой строй въ своихъ религіозныхъ представленіяхъ. При замкнутости и изолированности родовъ, брачныя связи—при экзогаміи, конечно—могли бы обусловить пригодность брачущагося или брачущейся къ роли посредника и то только по отношенію къ одному роду. Сексуальный мотивъ, слѣдовательно, не можетъ быть общей основой избранничества.

На замѣчанія В. И. Гохельсона Л. Я. Штернбергъ отвѣтилъ:

„И въ античныхъ культахъ жрицы-земныя жены боговъ могли вступать въ половое общеніе съ посторонними, не нарушая этимъ „святости“ супружескихъ отношеній къ богамъ. Такъ, во времена Страбона конкубины бога Аммона, красивыя дѣвушки благороднаго происхожденія, въ періодъ своей службы въ храмѣ свободно протитуировали себя всякому желающему. Еще раньше земная жена Аммона, ночевавшая постоянно въ его храмѣ, обычно была въ то же время женою царя. Мало того. Все

говорить за то, что такъ называемая „священная проституція“ была лишь формой сексуальнаго служенія божеству.

„Что касается того факта, что „одинъ якутскій шаманъ считалъ своимъ главнымъ духомъ-покровителемъ душу шамана—предка“, то это нисколько не противорѣчитъ положеніямъ доклада: духи предковъ въ роли покровителей шамановъ, какъ это много разъ было указано мною въ докладѣ, фигурируютъ и у тѣхъ народовъ, у которыхъ сексуальный мотивъ констатированъ—у бурятъ, у гольдовъ и т. д., но это представление, какъ я говорилъ, позднѣйшаго происхожденія и вызвано идеей наслѣдственности шаманскаго дара; духъ-предокъ, какъ это явственно видно у бурятъ, является посредникомъ между неофитомъ-шаманомъ и его небесными женами.

„Наконецъ, охотно допускаю, что, эволюціонируя, идея послѣдственности можетъ привести къ тому, что фигура предка-шамана совершенно затемнить и даже совсѣмъ вытѣснить мотивъ сексуальный“.

На замѣчаніи В. М. Ионовъ:

„Считаю утвержденіе оппонента, будто шаманы-цѣлители болѣзней у якутовъ покровительствуются *исключительно злыми духами, питающимися душами*“, но меньшей мѣрѣ слишкомъ категорическимъ. Выходило бы, что якуты въ воззрѣніяхъ на шамана являются какимъ-то исключеніемъ среди всѣхъ народовъ. Но даже и такое воззрѣніе не исключаетъ наличности сексуальнаго мотива, тѣмъ болѣе что г. Ионовъ не знаетъ другого мотива, почему духъ, питающійся душами, вдругъ начинаетъ покровительствовать шаману и помогаетъ ему лѣчить тѣхъ самыхъ людей, душами которыхъ онъ питается. Что касается второго замѣчанія г. Ионовъ, то, признаюсь, не совсѣмъ понимаю, почему экзогамность и строгій родовой строй стоятъ въ противорѣчій съ сексуальнымъ мотивомъ. Вѣдь, какъ я указывалъ, небесный супругъ или супруга шамана именно принадлежатъ къ кругу духовъ-сородичей. Каждый родъ имѣетъ своихъ духовъ-покровителей, небесныхъ супруговъ своихъ родовыхъ шамановъ. Наконецъ, и я признаю, что, кромѣ сексуальнаго, могутъ быть и другіе мотивы избранничества“.

11. Е. Д. Поливановъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Изъ встрѣчъ съ японскими шаманами“ по слѣдующей программѣ:

- 1) Оговорка о незначительности и случайности наблюденій.
- 2) Наименованіе шамановъ и шаманокъ въ Японіи.
- 3) Связь шаманства съ культомъ Лисиды.
- 4) Описаніе камланія синтонетской шаманки.
- 5) Шаманъ культа Лисиды (отказался отъ камланія въ моемъ присутствіи).
- 6) Разсказъ о вызываніи мертвыхъ.
- 7) Шаманство въ буддѣйской окраскѣ (секты Нитирэн). Школа шамановъ въ Токио—описаніе камланія.

По поводу доклада Е. Д. Поливанова В. В. Барадѣйнъ указалъ, что японское шаманство мало похоже на первобытное шаманство; скорѣе оно есть полубуддѣйскій или полусинтонетскій культъ, возникшій изъ нѣдръ древне-японскаго шаманства. Въ этомъ отношеніи культъ этотъ имѣетъ полную аналогію съ ламайскимъ культомъ „чойджоновъ“—гениевъ-хранителей, боговъ національно-тибетской мѣлологіи: чойджоны могутъ войти въ душу особыхъ людей—„гургеновъ“, прорикателей, которые, прежде чѣмъ выступать въ роли прорикателей, должны пройти суровую школу „гургеновъ“.

Журналъ

засѣданія Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О. 26 ноября
1916 г.

Засѣданіе состоялось подъ предѣдательствомъ Предѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. О. Ольденбурга, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ: В. В. Бартольда, Б. Я. Владимірцова, О. К. Волкова, В. А. Егорова, Д. К. Зеленина, Д. А. Золотарева, С. П. Руденко, А. Д. Руднева, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ Э. К. Пекарскомъ.

1. Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

2. Доложено постановленіе Редакціонной Комиссіи Отдѣленія Этнографіи объ удовлетвореніи просьбы Пермской Городской Общественной Библіотеки—выслать журналъ „Живую Старину“ по возможности за всѣ годы изданія и указатели къ нему, за исключеніемъ имѣющихся въ Библіотекъ вып. 1 и 2 за 1905 г., вып. 1—4 за 1906 г. и вып. 1 за 1916 г.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества объ удовлетвореніи ходатайства Пермской Городской Общественной Библіотеки.

3. Предѣдательствующій доложилъ о намѣреніи Юрьевского Университета упразднить имѣющуюся въ немъ кафедру этнографіи.

Постановлено: обратиться въ Юрьевскій Университетъ черезъ Совѣтъ Общества съ просьбою не упразднить кафедры этнографіи, въ случаѣ же если въ Университетѣ нѣтъ лица, которое могло бы занимать эту кафедру; то Отдѣленіе Этнографіи съ своей стороны предлагаетъ принскать и рекомендовать такое лицо.

4. Доложенъ отчетъ С. П. Руденко по командировкѣ лѣтомъ 1916 г. въ Оренбургскую губ. для антропометрическихъ изслѣдованій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и передать Секретарю Общества.

5. Члены Отдѣленія А. Д. Рудневъ и Б. Я. Владимірцовъ внесли предложеніе объ избраніи въ члены-сотрудники переводчика при Рос. Консульствѣ въ Кобдо Алексѣя Васильевича Бурдукова.

Постановлено: избрать А. В. Бурдукова въ члены-сотрудники Отдѣленія, о чемъ сообщить Совѣту Общества.

6. О. К. Волковъ предложилъ Отдѣленію обратиться въ Совѣтъ Общества съ ходатайствомъ объ избраніи въ члены-корреспонденты Отдѣленія Этнографіи профессора Ecole d'Anthropologie Adrien de Mortillet, а Л. Я. Штернбергъ обратился съ такимъ же предложеніемъ относительно извѣстнаго ученаго Фразера.

Постановлено: на основаніи §§ 41 и 39 войти въ Совѣтъ Общества съ ходатайствомъ объ избраніи проф. Mortillet и Фразера въ члены-корреспонденты Отдѣленія Этнографіи и просить О. К. Волкова и Л. Я. Штернберга составить соответственные записки.

7. Доложено о выходѣ въ свѣтъ I вып. „Живой Старины“ за 1916 г. и „Приложенія“ № 5, имѣющаго войти въ составъ печатающагося двойного выпуска II—III „Живой Старины“ за текущій годъ.

8. Доложено о поступившемъ въ Отдѣленіе Этнографіи изданіи: „Отчетъ о дѣятельности Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи за 1915 г. Труды Ставропольской Учен. Арх. Комиссіи“ (Ставрополь. 1916 г.).

9. Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе Этнографіи рукописяхъ:

1) Рецензія В. Н. Харузиной на книгу Д. К. Зеленина: „Очерки русской мнѣологии“, вып. I, II. 1916.

2) М. К. Струминскій: „Изъ церковно-приходской лѣтописи Воскресенскаго прихода м. Чуднова, Волынской губ., Житомир. у.

3) К. И. Цвѣтковъ: Старое народное творчество. (Изъ личныхъ наблюдений и записей въ Костромской губ.).

4) Н. В. Костоловскій: 1) Звукоподражаніе птицамъ. 2) Пословицы и поговорки о хвастовствѣ и похвалѣ.

10. Л. Я. Штернбергъ внесъ предложеніе просить Совѣтъ Общества отъ имени Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи изыскать какія-либо средства для увеличенія бюджета Общества.

Д. А. Золотаревъ указалъ, что разсылаемые Комиссіей опросные листы заключаютъ въ себѣ настолько важный матеріалъ, касающійся хозяйственного быта, жилищъ, одежды и пр. населенія, что было бы необходимо изыскать средства для скорѣйшаго окончанія сбора матеріала и обработки его.

С. И. Руденко возбудилъ вопросъ объ антропометрическомъ изслѣдованіи инородцевъ, находящихся въ тылу, на что, вѣроятно, правительство не отказало бы дать средства.

Постановлено: просить Предсѣдательствующаго войти въ Совѣтъ Общества съ соответственнымъ ходатайствомъ, а Комиссію по составленію этнографическихъ картъ Россіи—представить мотивированную записку по возбужденному вопросу.

11. Доложена смѣта расходовъ по Отдѣленію Этнографіи на 1917 годъ:

на изданіе „Записокъ по Отдѣленію Этнографіи“	5.500 р.
„ изданіе журнала „Живая Старина“	5.000 „
„ Комиссію по составленію этнографическихъ картъ Россіи	4.145 „
„ Комиссію русскихъ сказокъ	500 „
„ Комиссію по орнаменту народовъ Россіи	350 „

Постановлено: Смѣту утверждать свои смѣты къ 1-му ноябрю и заблаговременно разослать на ознакомленіе.

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ ЛІІ, вып. X, 1916 г.

Типографія М. М. Стасюлевича, Петроградъ. Вас. остр., 5 лин., 28.

Поступили въ продажу отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ „Живой Старинѣ“ за 1915 и 1916 гг.:

844. Н. И. Веселовскій. Дѣятельность В. И. Ламанскаго въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. 8 стр. Ц. 10 коп.
845. В. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій. Владимиръ Ивановичъ Ламанскій, какъ антропогеографъ и политикогеографъ. Съ картой антропогеографическихъ областей Россійской Имперіи по В. И. Ламанскому. 12 стр. Ц. 25 к.
846. И. В. Колобовъ. Русская свадьба Олонеккой губерніи, Пудожевскаго уѣзда, Корбозерской волости. 70 стр. Ц. 60 коп.
847. А. Андреевъ. Кунцынъ. Русская плясовая нѣсня. 10 стр. Ц. 15 коп.
848. Э. А. Вольтеръ и М. М. Вукиевичъ. Сербская легенда о двухъ царствахъ—Божіемъ и Дьяволѣ. 14 стр. Ц. 20 коп.
849. Н. В. Никольскій. Распространеніе христіанства среди нижегородскихъ чувашъ до 1764 г. 46 стр. Ц. 50 коп.
850. А. Н. Самойловичъ. Запретныя слова въ языкѣ казакъ-киргизской замужней женщины. 8 стр. Ц. 10 коп.
851. С. О. Ольденбургъ. Дмитрій Александровичъ и Елизавета Николаевна Клеменны. 4 стр. Ц. 10 коп.
852. Н. О. Познанскій. Обзоръ русской этнографической литературы за 1914 г. Великороссы. 44 стр. Ц. 50 коп.
863. С. К. Паткановъ. Проектъ составленія племенной карты Россіи. Стр. 28. Ц. 30 коп.
864. І. О. Калининъ. Сказочники и ихъ сказки. (Пѣтняя поѣздка въ Болховской, Сѣвскій и Трубчевскій уу. Орловской губ. въ 1914 г.). Стр. 28. Ц. 30 коп.
865. С. Д. Майнагашевъ. Загробная жизнь по представленіямъ турецкихъ племенъ Минусинскаго края. Съ 4 табличками рисунковъ. Стр. 16. Ц. 30 коп.
866. В. И. Юхельсонъ. Образцы матеріаловъ по алеутской живой старинѣ, собранныхъ на Алеутскихъ островахъ въ экспедиціи О. П. Рябушинскаго. Стр. 16. Ц. 20 коп.
880. Н. М. Могилянскій. Предметъ и задачи этнографіи. Стр. 22. Ц. 30 к.
882. Г. С. Виноградовъ. Самоврачеваніе и скотолѣченіе у русскаго старожилнаго населенія Сибири. (Матеріалы по народной медицинѣ и ветеринаріи). Стр. 108. Ц. 1 р. 25 к.
902. Г. Н. Потанинъ. Казакъ-киргизскія и алтайскія преданія, легенды и сказки съ примѣчаніями автора и указателемъ собственныхъ именъ, составленнымъ А. Н. Самойловичемъ. Стр. 152. Ц. 1 р. 75 к.
903. В. П. Мансикка. Изъ финской этнографической литературы. Стр. 33. Ц. 40 к.
904. Ив. Максимовъ. Свадебные обряды крестьянъ Лужскаго у. Петроградской губ. Стр. 20. Ц. 30 коп.
905. А. К. Сержпутовскій. Поѣздка въ нагорный Дагестанъ. Со вступленіемъ акад. Н. Я. Марра. Стр. 30. Ц. 50 к.
906. Н. М. Могилянскій. Областной или мѣстный музей, какъ типъ культурнаго учрежденія. Стр. 24. Ц. 40 к.

Примѣчаніе. При заказахъ просить, ссылаясь на №№ оттисковъ, обращаться въ магазинъ Русскаго Географическаго Общества (Петроградъ. Демидовъ пер. 8а. Тел. 19—72. Отъ 1 ч. до 5 ч. попол.). Для членовъ Общества дѣлается скидка въ размѣрѣ 20%.

ЖИВАЯ СТАРИНА

XXV

годъ изданія

1916

Оснoвaнa В. И. Лaмaнcкимъ.

XXV

годъ изданія

1916

пoдъ редакціeю Предсѣдaтeльcтвующаго въ Отдѣленіи Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, С. Ѳ. Ольденбурга, при содѣйствіи Секретаря Отдѣленія Э. К. Пекарскаго и Редакціонной Комиссіи, выходитъ **четырьмя** выпусками, по 8—10 листовъ въ каждомъ, въ мартѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Программа журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей народностей Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодействія въ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной словесности, быта,—вообще живой народной старины; критическій и библиографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Подписная цѣна: съ доставкою для городскихъ подписчиковъ—5 р., для иногороднихъ—5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ—скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Для членовъ Отдѣленія Этнографіи, по особому каждый разъ заявленію въ Отдѣленіи—1 р. въ Петроградѣ и 1 р. 50 к. для иногороднихъ. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины“ (Петроградъ, Демидовъ пер., 8-а).

Редакція.

